

КОСТЁР

7

июль 1974

РОДНАЯ РЕКА

Стоит наш дом
На берегу крутом.
Течет река,
Белеют облака.
В реке той рыбки плещутся,
Есть водоросли в ней.
Весь день сижу я в лодочке
И плаваю по ней.
Смотрю на дно глубокое,
Там все ведь неспроста.
Домой идти не хочется,
Такая красота!

Слава Филиппов
4 класс, г. Красноярск

КОСТЁР

7
июль
1974

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер“, 1974 г.

ТАЙНЫ ЗВЕЗД

Звезды мигают
Во мраке вселенной.
Звезды мигают
Везде и повсюду.
Клады несметные,
Тайны сокровищ...
Только их надо найти,
Отыскать!

*Костя Маслов,
5 класс, г. Кувандык
Оренбургской обл.*

ЛЕБЕДЬ

Плывет по воде лебедь белый и нежный.
Могучие крылья сложил на спине.
И тогда согнув свою длинную шею,
Он видит свое отражение в воде.

То выпнет он шею, то крылья расправит.
Взлетит и опять продолжает свой путь...
То клювом прищелкнет, то вдруг он нырнет.
И рад он тому, что на свете живет.

*Толк Драганов,
5 класс, г. Хабаровск*

Рисунок Т. Соловьевой

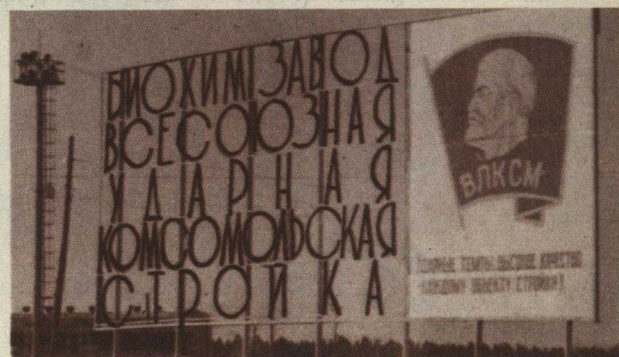

КИРИШИ СТРОИТ КОМСОМОЛ

„Какие бы препятствия на нашем пути ни стояли, каких бы жертв от нас ни требовали... мы не уроним знамени Ленина“.

(Из клятвы делегатов
VI съезда комсомола)

В июле 1924 года, пятьдесят лет назад, Коммунистический Союз Молодежи принял самое дорогое имя — имя Ленина

Где это находится улица Романтиков?
А где нефтезавод — самый крупный в Европе?
А где идет Всесоюзная ударная комсомольская стройка?
Все это в Киришах, маленьком городке Ленинградской области. Киришам всего 9 лет.

Стоит городок на северной глинистой земле. Рядом течет знаменитый могучий Волхов. Что он может делать? Вращать турбины. Давать электричество.

А что скрыто в земле под ногами? Нефть!

В 1963 году решили здесь построить нефтеперерабатывающий завод и ГРЭС. Объявили их Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

В день, когда открылся XVII съезд комсомола, Киришскую комсомольскую организацию наградили орденом Трудового Красного Знамени. За то, что хорошо трудится, за то, что служит хорошим примером молодежи.

Эти снимки делались в апреле.

Рано утром собрался на планерку штаб студенческого строительного отряда „Молодость“ (фото справа). В Киришах новая огромной важности стройка — „Био-хим“. Это завод, который будет готовить корм для скота — с витаминами, с белками, самый лучший.

Галя Королева (ее вы видите на снимке слева) сказала нам, что родилась в здешних местах, работала в Новгороде, а вот сейчас вернулась в Кириши и твердо решила: она, Галя, останется здесь навсегда.

С Киришского нефтезавода везли бензин, керосин, мазут во многие города Советского Союза и за границу — в Финляндию. Заступил на смену Герой Социалистического Труда Николай Иванович Потанин, начальник установки для переработки нефти.

Потанина Света, дочь Николая Ивановича, в это время занималась в школе. У доски отвечал ее одноклассник Витя Красавин, отличник.

Это было в апреле. Но и студенты, и смена Николая Ивановича Потанина, и многие другие киришане говорили: „Сегодня у нас двадцатое мая“ или: „Сегодня—восьмое июня“. А для некоторых тогда уже наступил нынешний месяц—июль!

И не было в этом никакой путаницы! Просто эти люди много трудились и ушли далеко вперед, выполняли задания будущих месяцев.

А в декабре, когда Волхов скроется подо льдом, когда землю заметут метели, в Кириши придет самое жаркое время. И опять в этом не будет никакой путаницы! Просто завод „Биохим“ начнет трудовую жизнь.

Г. Георге

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
„ОГНЕВА“
Московского района
ул. Галсина, 37

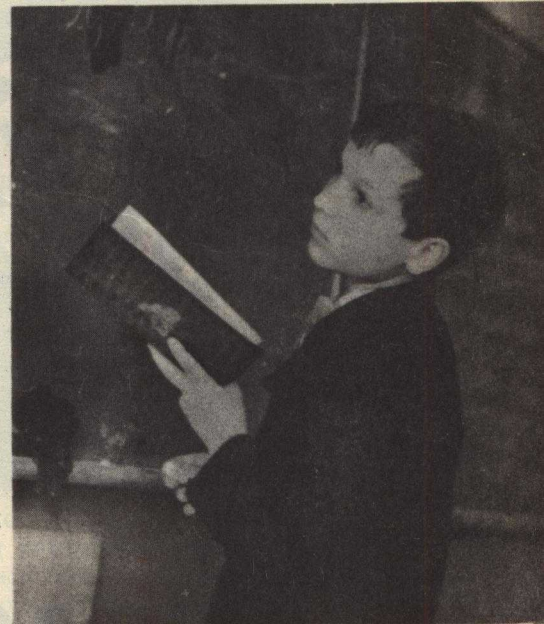
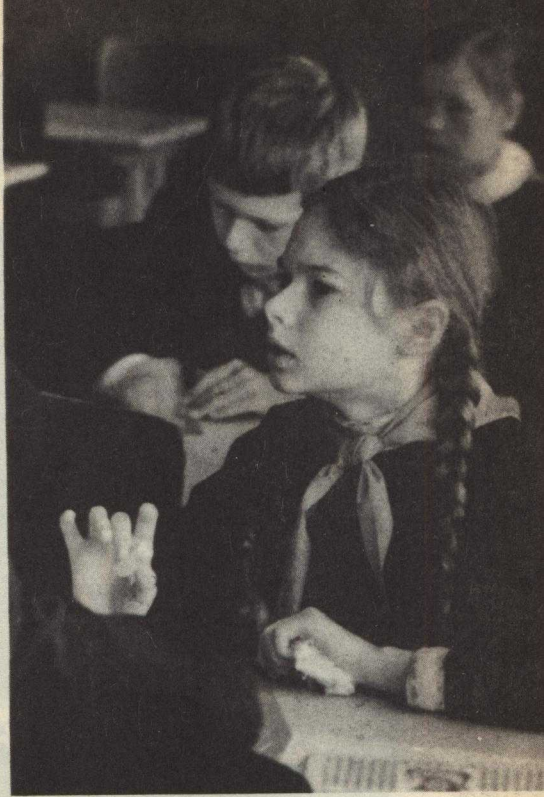

Фото Дм. Варушина

Сыну Юрию посвящаю

ВОЛОДИНЫ БРАТЯ

Юрий Коринец

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Острова

Хорошо живет Володе!

Всегда он деятельный, веселый. Таким уж он родился, это у него от природы. Природа ведь никогда не унывает, посмотрите вокруг: зима ли, весна ли, осень — природа всегда деятельна, все у нее дышит, ворочается. Даже смерть в природе служит жизни. Умирают листья — удобряют землю для будущих растений, умирает лось или медведь — мясо его

идет в пищу другим. В природе и смерти-то нет, а есть одна деятельная жизнь. Не боится природа смерти! Так и Володя не боится смерти. Вы скажете, это потому, что Володя маленький — ведь ему всего одиннадцать лет. Не потому вовсе! Конечно, Володя маленький — и по годам своим, да и сам по себе: невысокий, щуплый. Но не в этом дело. Просто это некоторые трусы придумали разные там страхи про

смерть. Самое главное, это работать, действовать, не унывать — вот тогда и будет все хорошо. Как в природе. В природе ведь всегда все хорошо. И когда солнце. И когда дождь. И когда тепло. И когда мороз. Это Володя знает точно, хотя никто ему этого не объяснял.

Идет, например, Володя вечером по берегу Илыча — это река такая Володина — Илыч, — идет он по берегу с удочкой и видит темноту посредине реки, как будто вода там подкрашена тушью. И в том месте бурунчик маленький завивается. Это значит — камень внизу большой. И еще знает Володя, что под этим камнем, с левой стороны, ближе к поваленной ели, стоит на дне жирный хариус. Кинешь туда свою мушку и вытаскиваешь — большущего! Ну, как тут не удивиться! Садится Володя на камень, смотрит на прыгающего в траве хариуса и думает: кто ему это все объяснил? Смотрит Володя на хариуса и смеется от радости...

А еще хорошо живется Володе потому, что богатый он человек, даром что ему одиннадцать лет. Воды у Володи — глазом не окинешь — разных ручьев, речушек, озер... И самая главная река Илыч. А в воде у Володи много разной рыбы: и хариуса, и семги, и кумжи, не говоря уже о щуке и окуне. И земли у Володи много — с чащами, болотами, холмами и горами. С цветами и ягодами. С разным зверьем диким. А еще у Володи два дома — с баней на берегу. Главный-то дом в низовьях, у впадения Илыча в Печору. В этом доме Володя зимой живет. А лето он проводит в другом доме — в маленькой охотничьей избушке в верховьях Илыча. В этой избушке у Володи тьма-тьмущая разных прекрасных вещей: капканов охотничьих, корабликов рыболовных, блесен и мушек. Самая же распрекрасная вещь — это двуствольный немецкий штуцер калибра 33 — ружье то есть. Вот это вещь! Старинная! Деду Мартемьяну от отца досталась, от Володиного прадеда. А Мартемьян этот штуцер Володе завещает, так уж обговорено. Но это еще не все. Еще есть у Володи — на медведей ходить — рогатина деревянная, да спиннинг бамбуковый, да сети, да лодки. Особенно одна хороша: длинная, смоленая, величавая, как черный гусь! С бензиновым мотором «Ветерок» на корме.

Вы спросите: что это за миллионер такой, которому всего одиннадцать лет? Откуда он у нас взялся? И тут я вам отвечу: вовсе Володя не в том смысле миллионер, как вы это подумали. Володя просто школьник, пионер... Но почему он тогда владелец всех этих ручейков, речушек, озер? Почему он владелец всего Илыча — от истоков до устья — и тайги вокруг? Что он там — один, что ли, живет? Нет, не один! А вместе с тем вроде как бы один! В верховьях Илыча, летом — Володя единственный мальчик... Но подождите — вот прочтете все до конца и все поймете про Володю...

В низовьях Илыча живут, конечно, еще мальчишки. Ну, и девочки, конечно, тоже. На-

пример — Алевтина. Алевтина красивая. Волосы у нее белые и кожа белая. А веснушки на коже яркие, желто-розовые. Сама она молчаливая, серьезная, как и Володя. А иногда вдруг расхохочется, ни с того ни с сего. В такие минуты Володя ее особенно любит. Володя с Алевтиной дружит. Зимой они всегда вместе — в школе. А летом редко.

Есть, конечно, и враг у Володи... Почему «конечно»? Да потому, что без врагов в этом мире, как видно, пока не обойтись. И печально здесь вовсе не то, что есть враг, а то, что враг этот — отец Алевтины, Прокоп: известный во всем Запечорском крае пьяница и болтун. Темный человек, браконьер. Вот это и есть самое печальное. Но об этом потом, неохота сразу о врагах говорить.

А вот отца с матерью у Володи нет. Погибли они в тайге при весьма странных обстоятельствах. Но об этом я тоже потом скажу.

Зимой и летом живет Володя со своим дедом Мартемьяном. Еще есть у Володи брат Иван. Летчик. Он всегда находится при своих самолетах, в Троицко-Печорске. А Володя живет с дедом. То в деревне, то в тайге. Володя Мартемьяну заместо сына, а Мартемьян Володе заместо отца с матерью. Так и живут.

...Володя увидел, что сидит на лугу, в окружении целого сонмища муравьев — красных, огромных, ростом с него самого!

Широкий луг сбегал вниз так полого, что одинокие ели и лиственницы стояли на нем под косым углом к земле, и высокий, до облаков, муравейник на краю луга тоже стоял под косым углом к земле. Сейчас он был пуст — все его обитатели высыпали наружу.

Все муравьи были красные, яркие, и вообще все было ярким: ярко-зеленые ели и лиственницы на темно-коричневых, почти черных стволах, ярко-синие горы в просветах леса, ярко-перламутровое небо с движущимися пятнами сине-серых облаков.

Главный Муравей пошевелил усами и поднял свою тяжелую, жесткую, как железо, лапу высоко над Володиной головой.

— Я хочу сказать несколько слов! Володя, которого вы видите перед собой, очень хороший человек! Он примерная личность! Ура Володе!

— Ура-а-а! — пронеслось над толпой, эхом отскакивая от облаков, как от потолка избы.

Главный снова поднял вилообразную лапу, и рев смолк:

— А сейчас Володя собрался в свое первое самостоятельное путешествие! Он идет в гости к деду Мартемьяну, в его избушку на Илыче! Он идет один! Через тайгу! И ничего не боится!

Последние слова потонули в восторженном реве. Главный медленно обвел муравьиные круги своими выпуклыми, мерцающими электронными глазами:

— Володя наш брат, и мы обязаны ему помочь! — сказал он. — Помогайте ему всячес-

ки. А теперь — возвращайтесь к своим занятиям!

Концентрические круги муравьев медленно пришли в движение: сначала разорвался в одном месте внешний круг муравьев и стал разматываться, как мохнатый клубок каната; муравьиная колонна — по четыре в ряд — потянулась в сторону, словно кто-то тянул ее за конец, и весь круг соответственно завертелся, все быстрее и быстрее. Следом стал разматываться второй круг, потом третий — все они вливались в колонну, которая в отдалении медленно растекалась по лугу: одни муравьи двигались к муравейнику и исчезали в его серой громадине, другие пропадали в тайге за деревьями...

— Ну, пошли, — сказал Главный. — Я провожу тебя немного...

Он взял Володю за руку своей колючей жесткой лапой, и они медленно пошли под уклон к реке... И странно: этот муравей шел не как другие — он шел на двух задних лапах и был даже немного выше Володи. Черно-красный, блестящий, усеянный жесткими волосами, он был похож на робота! Весь он был скреплен из больших и малых частей, которые двигались, покачиваясь, как на шарнирах.

Володя вдруг увидел рядом с муравьем себя самого: невысокого, щуплого, курносого, с выгоревшими на солнце волосами, с голубыми большими глазами, с черными длинными ресницами, с двумя коричневыми родинками на левой щеке, возле пухлых губ... Он увидел себя как будто в зеркале. На нем были защитного цвета штаны и куртка и белые, потемневшие от пыли кеды, через плечо холщовая сумка.

Володя и Муравей медленно шли по вытоптанному муравьями бурому лугу — где-то внизу уже слышалось бормотание реки. Набравшись храбрости, Володя спросил:

— А можно мне спросить про... одно слово?

— Пожалуйста, — улыбнулся вежливо Муравей. — Спрашивай!

— Вот ты сказал — примерная личность... а что это такое? — спросил Володя.

— А ты раньше эти слова никогда не слышал?

— Слышал, — кивнул Володя. — От учителя в школе... и по радио тоже... но все равно непонятно! Я забыл!

— Такие вещи нельзя забывать! — строго сказал Главный. — Хотя... хотя для тебя это не страшно!

— Почему?

— Для тебя не страшно — забыть: потому что ты и будешь таким всегда!

— А какой я есть?

— Хороший ты, вот какой! О других много думаешь, а о себе мало!

— А о ком я думаю?

— О бабушке думаешь... И помогаешь ему.

— О бабушке я думаю, — согласился Володя.

— И об Алевтине тоже думаешь!

— Об Алевтине я только немножко думаю, — покраснел Володя.

— Думаешь, думаешь, — обернулся Муравей к Володе. — И это очень хорошо!

Об отце ее я плохо думаю! — виновато сказал Володя.

— О Прокопе? — переспросил Муравей. — Да это так и должно быть! О плохих людях и нельзя хорошо думать! И при случае не давай спуску... Понял?

Володя кивнул.

— Хотя — скажу тебе по секрету! — ты еще не совсем примерная личность! — сказал вдруг Муравей.

— Не совсем примерная? — переспросил Володя. — Почему?

— Потому что ты — один! — не спросясь, пошел в гости к бабушке...

Эти слова были неожиданностью для Володи. Он даже остановился. Уже видна была быстрая река в просветах между деревьями. Там торчали из бело-голубой воды разноцветные круглолобые камни, мокрые, в пене; вода билась о них, неустанно о чем-то говоря.

— Ты поступил самовольно и необдуманно! — жестко продолжал Муравей. — Примерные личности, пионеры, так не поступают!

— Но ты же сам только что хвалил меня! — растерянно пробормотал Володя.

— И хвалил, и ругаю! — скрипуче крикнул Муравей. — Не понимаешь?

— Нет, — прошептал Володя.

— В твоём поступке есть и хорошие стороны, и плохие! С какой стороны смотреть! То, что ты такой смелый и не побоялся выйти один в тайгу — это хорошо! За это я тебя очинно даже ценю! — Муравей так и сказал: «очинно» — в точности, как дед Мартемьян. — А то, что ты никому об этом не сказал, что ты самовольничал — это плохо! Ведь ты непременно заблудишься!

Последнее страшное слово Муравей произнес медленно, по слогам, тихим голосом. Сердце у Володи сразу упало в живот от этого слова, ноги в коленках ослабли.

— Не заблужусь я, — громко произнес Володя. — Я... я только что вышел... И деревня тут недалеко! И иду я правильно! — Володя все это говорил громко, а в сердце ему тихо закрадывалось сомнение...

— Деревня, конечно, ближе, чем избушка на плесе! — сказал Муравей. — Но вряд ли теперь стоит возвращаться.

— Как же мне быть?

— Ну, а как ты думаешь?

— Дойти надо! — убежденно сказал Володя. — До бабушки!

— Вот это правильно! — воскликнул Главный Муравей. — Какая же ты примерная личность, если сам не дойдешь? Смех! Мы тебе, конечно, поможем! Но ты должен сам искать дорогу! Найдешь — тогда я тебя люблю! А нет — пеняй сам на себя! Вот и все мое слово! Ясно?

— Ясно! — тихо сказал Володя.

— А теперь давай иди!

Володя встал. Он благодарно посмотрел на этого непонятного, и доброго, и жестокого Главного Муравья. Муравей тоже посмотрел на Володю: то есть на Володю смотрели сотни маленьких сиреневых мерцающих глаз, бесстрастных и холодных, с сотнями холодных отражений неба, тайги, деревьев...

— Дай-ка я тебя поцелую... на дорогу! — сказал Муравей и вдруг прикоснулся к Володиной щеке жесткими колючими челюстями...

И от этого поцелуя Володя проснулся!

Он проснулся и сразу схватился за щеку, ощутив под пальцами малюсенькую крошку жесткого муравья. Володя смахнул муравья наземь и увидел, как тот перевернулся со спины на живот, встал на лапки и быстро побегал вперед, пропав под травинками.

Река шумела в нескольких шагах от Володи, подмывая длинные корни березы, качавшиеся как удочки.

Вокруг было светло, и небо розовело. «То ли вечер... — подумал Володя, — нет, утро!» — и увидел, как в этот самый момент над острыми, черными, как сажа, кончиками елей на том берегу реки показалась ослепительно-расплавленная точка, и в разные стороны от нее брызнули длинные оранжевые спицы лучей; внизу — под черным лесом на той стороне реки горела бледная медь воды. Расплавленная точка над лесом становилась все больше, наливалась тяжелой каплей, ослепляя вокруг себя небо, лес, берег, пока не выкатился родившийся шар, как золотое яичко, снесенное невидимой курицей! Сплюснутое сверху и снизу, золотое яичко мгновение сидело на обугленной кромке леса, сжигая его нестерпимым светом, и вдруг виден стал радужный хвост волшебной курицы: разноцветный хвост, опущенный книзу — на деревья, берег и речку...

Володя смотрел на это чудо, пока солнце не оторвалось от кромки леса и не поплыло над миром. Тогда только Володя опустил ресницы и вздохнул... Начинался второй день его странствований.

Он вытер лицо — на пальцах осталась осенняя паутина. И сажа от костра.

Рядом с Володей, на черной обгоревшей земле, лежала сухая толстая сосна, которую он подтащил сюда вечером для костра. Середина сосны обуглилась, покрылась ровными полукругло-квадратными трещинами, белесая пленка золы обметала эти трещины и выпуклые квадраты между ними. По черно-белесому углю, совсем остывшему, смело бегали крохотные красные муравьи.

Володя смотрел на них с удивлением. Муравьи опять были маленькими, а он большой! И мир вокруг Володи — земля, тайга, небо — стал опять просторным, бесконечным! И ночной страх Володи сразу прошел. И бодрость почувствовал Володя, и легкий голод.

Ночью Володя хорошо выспался. Теплая была ночь. Да и костер он вчера хороший развел: полночи горел костер. Володя его два раза в сторону отодвигал, отгребал горячие угли и опять укладывался на нагретой черной земле. Как дома на печке. Вот и приснились ему муравьи...

Вскочив, Володя хлопнул по обгоревшей сосне ладонью — легкая дымка золы, относимая ветром, поднялась над деревом, и муравьи заметались во все стороны, засуетились, убегая прочь.

— То-то! — важно сказал Володя.

«Сейчас я искупаюсь, а потом разведу костер и буду хариуса ловить! — подумал он. — Нет, сначала костер разведу». Он посмотрел на остывший костер, потом на реку и, прищурившись, на солнце... Красиво было вокруг! Все сверкало: и серебряная, седая зола, и зеленая трава, и голубая вода, и камни, и небо! «Нет, сначала все-таки искупаюсь!» — он весело сбежал по мягкой траве и ромашкам, а потом по прибрежным голым валунам к воде, разделся на полукруглом, уходящем в землю огромном гладком камне: снял куртку, рубашку, кеды, брюки и даже трусы.

Камень хотя и освещен был солнцем, но еще не успел сверху нагреться, и Володя подстелил одежду; в воздухе же, с растворенными в нем солнечными лучами, было тепло. Комары уже вились над Володей, но их было мало, Володя от них даже не отмахивался. Иногда он просто вздрагивал кожей, и напившийся крови, отяжелевший комар отлетал куда-то в тень, под травинки. Володя сидел почти не дыша, расслабившись, попеременно ощущая кожей теплое дыхание солнца и прохладные воздушные дуновения.

Немного выше, где кончался галечный пляж и где невысокий берег, покрытый мягкой травой, обрывался в воду ровной линией, торчала над водой — почти горизонтально — береза, она полоскала в быстром течении обнаженные корни и ветви, а зеленая густая вершина погружилась в воду и шумела там, то всплывая на поверхность, то уходя в глубину; перепутанные волосатые корни все время шевелились, теребимые течением, и ветви с отяжелевшими от воды листьями тоже шевелились — вся береза дрожала бесконечной дрожью, забрызганная водой с головы до ног.

Володя смотрел на березу — по ее ярко-белой мокрой коре воинственно бегала взад-вперед маленькая птичка: вьюрок-драчун. Эта птичка — черная с голубоватым отливом, с желтым брюхом и белым, задорно поднятым хвостиком — всегда жаждала с кем-нибудь подраться, даром что сама крохотная — от земли на вершок!

Задорная и веселая была птичка, и веселая река, и солнце, и Володя веселый — только береза грустная...

В это время ветер в последний раз сильно вздохнул — как всегда перед полуденным сном, — зарябила гладкая поверхность реки,

река на мгновение нахмурилась, и от белого буруна долетели до Володи легкие, как туман, брызги — они странно пахли! Володя готов был поспорить, что брызги пахли горелым!

Но опять заснул ветер, уже надолго, до вечера, а может быть, даже до утра, река опять стала гладкой и веселой, и брызги над белым бурунчиком опять остановились в воздухе прозрачным облачком, в котором бледно угадывалась маленькая зеленовато-красно-желтая радуга. «Чудеса! — подумал Володя про пахнущие гарью брызги. — Неужели я уловил запах радуги?»

Он сидел на камне неподвижно, как изваяние, и уже чувствовал, как сквозь одежду входит в него вечный каменный холод — из глубины этого огромного валуна. «Если долго так сидеть, можно в камень превратиться, окаменеть на веки вечные!» — подумал Володя.

Он вдруг взмахнул руками, прыгнул с валуна, как будто действительно боялся окаменеть, и побежал, прыгая по гальке, по мягкому ковру травы — к березе.

Вьюрок-драчун, завидя Володю, усккал на дальний конец дерева и сердито поглядел оттуда, покачивая хвостиком, чтобы не потерять равновесие, но, увидев, что и Володя вскочил на березу, перелетел на берег и стал носиться в траве, возмущенно посвистывая...

«До избушки я дойду, не заблужусь! — вспомнил Володя ночных муравьев. — Все время вверх по реке до Прокопова хутора, перейду речку Сар-Ю, благо она сейчас мелкая в такую жару, а от Прокопова хутора, где река делает большой крюк, влево сверну, на дедову тропинку, и по ней — через хребет Иджид-Парма — мимо болота напрямик выйду к горе Эбель-Из: супротив горы на другом берегу Илыча и стоит избушка! И дедушка там! Проще простого!» Вся эта дорога, которую он хорошо знал — ходил по ней с дедушкой и с братом Иваном над этими местами на вертолете летал, — вся дорога вперед стояла перед его глазами, как будто он смотрел на карту.

Мысли быстро пронеслись в Володиной голове, пока он стоял на качающейся березе — под его тяжестью она сильно ушла вниз, река теперь близко и весело ревела — она раскачивала березу и приветственно осыпала Володю брызгами... «Видела бы меня сейчас Алевтина! — с гордостью подумал Володя, балансируя на колотящейся в волнах березе, как настоящий циркач. — Видела бы она, как ловко я тут стою и не падаю!» Но Алевтина была далеко, и дед Мартемьян, и брат Иван, и отец Алевтины — Прокоп, все, не говоря уже о деревенских мальчишках, — все были далеко и не могли подивиться Володиной ловкости. — «Ну, ничего! Удивятся еще, дай срок!»

Он опустил на корточки, схватился за крепкие красные ветви, еще покрытые листвой, и прыгнул в реку, не выпуская ветви из рук...

Река бурно обняла Володю, обжигая холодом, пытаясь оторвать от березы... «Шалишь!» — крикнул Володя сквозь брызги, бив-

шие в рот; он сразу весь покрылся гусиной кожей, покраснел, как ошпаренный: от ледяных объятий захватывало дыхание... Володя выпустил ветви и загребал к середине, где торчал большой камень, увенчанный в облаке брызг разноцветной радугой, — Володя с размаху вскочил на него — как кошка — и встал: посреди пенных брызг в радужном нимбе...

Отдышавшись, он опять прыгнул в воду, поплыл и пристал к берегу далеко внизу, где лес подходил к реке вплотную, и оттуда — гордый, усталый — медленно пошел назад, дрожа, согреваясь и обсыхая.

«Ах ты Илыч! Мой дорогой! Дорогой ты Илыч мой!» — запел Володя. Он чувствовал во всем теле прохладную легкость: казалось, он вот-вот оторвется от земли и полетит в небеса...

А голод его стал волчьим.

Одевшись, он взял удочку, сбежал по пляжу к воде и забросил маленькую черную самодельную мушку с крючком в темное завихрение реки — метрах в трех от берега — над невидимым на дне камнем. Хариус схватил сразу. Не успела мушка коснуться поверхности — вода взбурлила, как от маленького подводного взрыва — леска натянулась, согнув удище, — и Володя потащил рыбу на берег... Через несколько минут он поймал второго хариуса, потом третьего. Хариусы были большие, тупоголовые, с вытянутым, как сигара, телом, зеленовато-синие устремленные вперед водяные ракеты!

Володя бросил их в траву, и они заплясали. Он наломал хвороста, подложил его под обгоревшую сосну, накидал сверху сухих палочек потолще, чиркнул спичкой — огонь затрещал и пополз вверх — и у огня сразу стало жарко. Володя собрал разметавшихся по траве хариусов в одно место. Они уже засыпали, тускнея на солнце. Он не стал их чистить — лучше запечь целиком в золе. Но ждать горячей золы было долго, и тогда он решил запечь двух, а одного съест сырым, с солью и хлебом.

Володя подбросил в костер еще сучьев и хвороста, отчего пламя, стреляя искрами, взметнулось к солнцу. Он выбрал хариуса поменьше, отошел с ним к воде и устроился босиком на камне. Вытащив из ножен подаренный дедушкой Мартемьяном нож с костяной ручкой, Володя взрезал хариуса со спины, как это делал дедушка. Он раскроил рыбу от головы до хвоста, распластал ее на камне, отрезал голову и выкинул ее вместе с внутренностями далеко на берег. Потом тщательно промыл белое жирное мясо и вернулся к костру, который теперь пылал ровно и сильно, потому что занялась горевшая ночью сосна. Стало жарко, потому что и солнце разгорелось. Комары уже висели над Володей, появились черные мухи и черные с желтым — оводы, гудящие в воздухе, как маленькие вертолеты.

Золы теперь было достаточно, можно было зарывать в нее рыбу. Но Володя решил сначала

ла засолить свежепромытую тушку. Он достал из холщовой сумки, подвешенной на ближней лиственнице, завязанную в тряпочке соль. Тряпочка потемнела и стала влажной, это соль впитала в себя ночную росу. Она уже не сыпалась, а приставала к пальцам комками. Потом он сложил тушку пополам, чешуей наружу, сунул в маленький полиэтиленовый мешочек и выложил на солнцепек, придавив камешком, чтоб не залетели мухи, а тряпочку с солью опять завязал в узелок и опустил в сумку на дереве.

Пока Володя проделывал всю эту операцию с тушкой хариуса, во рту у него сбегалась слюна, но Володя терпеливо сглатывал слюны — как настоящий рыбак и мужчина. Он решил дать хариусу хоть немного просолиться на солнце, «схватиться соком», а пока отодвинул горящую сосну, развалив костер, и стал отгребать в сторону горящие и дымящие угли и голешки, вместе с золой — до белесой и потрескавшейся и дымящейся паром земли.

Завернув двух оставшихся хариусов в папоротники, Володя бережно положил их на земляной испод, присыпав горячей золой и углями; угли шипели и стреляли дымом и, собранные вместе, вдруг опять занялись синеватым пламенем. Жар был сильный, и Володя сразу покрылся мелкими капельками пота и хлопьями летавшей в воздухе золы.

Дед Мартемьян обычно держал рыбу — хариуса или семгу — в полиэтиленовом мешочке около часа, если на солнце, а если в тени — и того дольше, но Володе стало невтерпёж. Он достал из сумки кусок хлеба, взял мешочек с

соленой тушкой и уселся на валуне, на котором раздевался: поближе к воде, где немножко меньше было комаров.

Он крикнул, как дедушка, сел, скрестив ноги, и развернул мешочек с хариусом: в мешочке уже переливался вдоль прозрачных складок янтарный хариусовый сок, выгнанный солью. Приоткрыв мешочек, Володя приставил его края к губам и выпил жгуче-соленую жидкость, опять крикнув. Это было смешно — то, что он крикал, как дедушка, — и Володя рассмеялся. Он откусил кусок хлеба, потом развернул тушку и бережно положил ее на камень, чешуей вниз, потом вынул нож, вытер его о штаны и осторожно срезал мясо со шкурки. Мясо сочилось жиром и соком, оно уже еле заметно пожелтело, значит, схватилось солью, а под самой шкуркой — если срезать аккуратно — находился тонкий коричневато-розовый слой. Володя стал есть, внимательно оглядывая каждый кусок, перед тем как отправить его в рот, и сдувая с него комаров.

Когда была съедена почти половина рыбы, Володя сбежал к реке и напился.

Оставшуюся часть хариуса он завернул в его собственную шкуру, опустил в прозрачный мешок, перевязав шпагатиком, и вернулся к костру.

Горка пепла над зарытыми хариусами уже совсем побелела, и сосна, перегорев, переломилась надвое и потухла. По Володиным наблюдениям печеный хариус был готов. Он осторожно разгреб теплую золу палочкой. Внутри, в синеватой золе, попадались красные искры огня и черные угольки. Трава вокруг рыб за-

пеклась и обуглилась, превратившись в кору, только кое-где эта кора треснула, и в трещинах пузырился горячий сок... В лицо Володе пахнуло жареной рыбой.

Он вытащил обугленные тушки на траву и сел рядом. Подождал, пока рыба немного остынет. Он не любил есть слишком горячее — тогда терялся всякий вкус. Отрезав кусочек хлеба — совсем маленький, потому что хлеб надо было экономить, Володя стал поддевать ножом кусочки коричневатого-желтого мяса, переправляя их в рот. Солить эту рыбу он не стал — в такой, целиком запеченной рыбе всегда чувствовался странноватый привкус соли.

Володя постепенно тяжелеет, ему захотелось выпить чаю, полежать в траве на спине, раскинув руки и глядя в небо — но нет! — надо было идти дальше. Он шел уже второй день, а дорога впереди была еще ух как далека!

Да и времени на завтрак ушло немало. Солнце поднялось почти над Володиной головой. Дни ведь стали короче, не то что в начале лета. Надо было идти.

Володя вздохнул, разогнул застывшие ноги и первым делом, не сходя с места, потушил в золе остатки тлеющих угольков.

Потушив костер, Володя смотал удочку, спрятал в холщовую сумку хариусов и хлеб, перекинул сумку через плечо и пошел вверх по реке, по ясной тропинке, петлявшей на открытом берегу между полузаросших травой могучих валунов.

Вдоль Илыча — от самых его истоков до

устья — вьется тропинка, и не одна, а две: по обеим сторонам. Тропинки эти, как двойники — и похожие, и немножко разные, — то бегут вдоль самой воды, то отходят в сторону, иногда далеко, если встретится обрывающаяся в воду скала или болото. Обогнув препятствие, тропинка непременно вернется к реке; так что заблудиться на такой тропе просто невозможно. Да и на реке заблудиться невозможно: река всегда впадает в другую реку, а та еще в другую или в озеро, или в море-океан — и где-нибудь там по дороге, возле воды непременно люди живут.

Володя шел по тропе вверх по течению. Река весело бежала ему навстречу, и солнце тоже шло ему навстречу, поднимаясь все выше в небо; в то же время оно двигалось и вместе с Володиной, скользя по небу мимо деревьев. Володя часто над этим думал — как интересно ходят по небу солнце, луна и звезды. И сейчас он тоже об этом подумал. Володины мысли тоже не стояли на месте, а шли вместе с ним. Иногда они шли рядом, прыгая по тропе, по камням и деревьям, по реке в брызгах пены, а иногда Володины мысли — как солнце, луна и звезды — шли рядом и вместе с тем очень далеко. Сейчас мысли его незаметно ускакали к дедушке Мартемьяну, но не в избушку, где тот сейчас сидел, попивал чай, а назад, в минувшую зиму, к дедушке на охоте, к самому себе — далекому, каким был Володя на охоте минувшей зимой. Для мыслей ведь нет границ ни в пространстве, ни во времени!

Впереди в речном просвете показались Уральские горы и сверкнул на вершинах будто снег... и сразу Володины мысли ушли за этим снегом. Володя увидел себя с дедушкой в заснеженной тайге. Он увидел себя со стороны, как будто там в снегу между голых деревьев был не он, а кто-то другой, и вместе с тем там был он! Володя узнал себя на лыжах, смешного, в высоких валенках, шапке-ушанке и длинном полушубке с натянутым поверх белым халатом. И дедушка Мартемьян в белом халате поверх полушубка, и брат Иван. Снег глубокий, только на лыжах и можно пройти. У дедушки и брата за плечами ружья, а Володя просто так идет, взяв его дедушка с собой, потому что Володя очень просился.

Идут они не спеша, вразвалочку — дед и Иван, а Володя за ними поспевает. Низкое красное солнце сопровождает их в черно-белом лесу, разбрасывая между стволов синие тени, и тепла от солнца нет — мороз! Пощипывает он Володины нос и щеки, только телу тепло — от ходьбы. Даже жарко. Володя видит впереди себя на лыжне широкую Иванову спину, брат равномерно взмахивает палками. Тяжело Володе поспевать, но он старается.

Тихо в тайге, только снег скрипит. Снег лежит на земле пыльным ковром, сугробами, а на голых ветках, на еловых лапах и высоких пнях — белыми шапками. Заденешь ветку — сыплется в глаза драгоценное серебро. Весь

мир вокруг серебряно-синий, чуть подкрашенный розоватым ленивым солнцем.

...Володя идет по летнему берегу Ильча, по тропинке между валунов, смотрит на реку, на далекие горы, на зеленую пышную тайгу, а видит снег, голую чащу, мороз, и впереди — спины брата и дедушки...

Река рядом бежит, бормочет — то тише, на плесах, то громче, на перекатах возле камней: «Спеша, спеша, Володя! А то уйдет дедушка на охоту — разминетесь вы! Спеша!» И Володя идет все быстрее, наддаёт шагу.

Все жарче становится Володе от ходьбы да и от солнца — удивительное все же лето в этом году на Севере! — пот начинает струиться по лицу, по спине. А оводы и рады — налетают с размаху, стремясь сразу прокусить кожу до крови. И ведь удается им это, несмотря на то что Володя быстро отмахивается...

«Ваша песенка спета! — думает Володя. — И комарам тоже конец... И мошкаре... Скажите спасибо, что погода такая в этом году жаркая, а то бы вы давно уже ножки протянули!» — думает Володя.

Он вышел на пригорок; разлившаяся впереди река бежала навстречу в глубоком русле, течение стало гладким и быстрым.

«Хорошо в жару по реке плыть, — подумал Володя, — на лодке. Вот когда никакие комары и оводы не кусают! Над водой всегда ветерок тянёт, да и лодка на моторе быстро идет — всякую нечисть ветром относит... В жару и на вертолете хорошо, хотя в вертолете бывает и оводов, и комаров, и мух — тьма тьмущая! Но они в вертолете тоже не кусаются — жмутся к стеклу, дрожат от ужаса! А ведь залетают в вертолет на стоянке сами! Видно, уж очень хочется им на машине полетать!»

И сразу вспомнил, как летели они с братом Иваном на «МИ-4» к геологам. Везли в партию лошадь. И огурцы. Свежие огурцы — редкость на Севере, потому что они здесь не растут. Если б, конечно, всегда было такое лето, как сейчас, то, может, и росли бы... но, в общем-то, возят их самолетами. И яблоки возят, и апельсины. Дед Мартемьян говорил, что в его детстве никаких огурцов и апельсинов на Печоре сроду не видали. Яблоки, правда, попадались — раз в год штучки две съесть.

Лошадь везли — испугалась, бедная! Наверное, впервой летела. Лежала она — затянута в брезент — на полу, в тесноте, прямо на огурцах. И Володя с ней на огурцах лежал. Обычно он рядом с братом сидит или позади брата, а тут лег на огурцах — из-за лошади: жалел он ее, всю дорогу гладил по умной большой голове, успокаивал. Глаза у лошади были грустные-грустные, в толстых редких ресницах, темно-синие — цвета спелых можжевельных ягод...

Володя остановился и посмотрел вокруг: широкое и гладкое течение, тянувшееся несколько километров, осталось позади. И открытый берег с валунами тоже остался позади. Река стала мелкой, бурной, усеянной камнями, седой

от бурунов. А на берег выбежали деревья, и напозло между ними болото. Тут и там торчали над болотными кочками высохшие лиственницы и ели.

Солнце уже пошло книзу, и наступила самая жара. Жара ведь не в полдень бывает, а чуть позже, когда все вокруг по-настоящему прогреется. Над болотистым берегом мельтешили серые тучи мошкары. Она окончательно допекла Володю, и он достал из кармана пузырек с диметилфталатом — брат Иван подарил — и намазал руки, лицо, шею. И сразу его перестали кусать. Чудесная штука эта жидкость, здорово люди придумали! Полфлакона осталось, надо экономить: когда еще разживешься.

Володя опять двинулся в путь. Решил не обедать.

Володя двинулся, и мошкара за ним двинулась, и оводы, и солнце, и одинокое белое облачко над головой — все они двинулись вперед вместе с Володей. Река бежала навстречу, а камни, кусты, деревья, болотные кочки — встречали их и провожали, медленно убегая назад. Одни только горы над верхушками тайги величественно застыли на месте — синие, с прожилками снега — вдали у горизонта.

Тропинка вилась между заросшими травой болотными кочками, иногда сбегала на прибрежную гальку и здесь, на камнях, становилась невидимой, а потом опять петляла по земле. В воздухе над рекой стояли тяжелые запахи болота. Среди этих запахов — ржавой воды и гниющих трав — Володя вдруг опять уловил еле слышимый запах гари. Он на минуту остановился: явно пахло костром, хотя никого вокруг не было. Он опять пошагал, и запах гари исчез, как будто Володя прошел сквозь него, как сквозь невидимое облако.

Володя вспомнил, как летали они с Иваном на тушение пожаров. Запах гари сопровождал их тогда в течение всего полета... да что там запах! Под ними был огонь! За сорок пять минут полета они обнаружили в тайге четыре пожара! Частые были пожары в это лето из-за жары, из-за того, что с весны не пролилось над тайгой ни одного дождя. Страшное это дело: гибнет лес, гибнут звери. Даже люди иногда гибнут — во время тушения пожаров или если настигнет в тайге огонь одинокого человека.

В основном эти пожары возникают по берегам рек, на охотничьих и туристских тропах: от неосторожных костров или окурков... Это-то понятно, а вот как огонь возникает вдали от рек и таежных троп — в глухой чаще? Брат Иван объяснял, что случается в тайге и самовозгорание. Сухая трава или мох могут возгореться от капли росы: такая росинка играет роль увеличительного стекла. Редкий, вообще-то, случай, хотя в сильную жару не такой уж и редкий. Круглая, налившаяся капля росы где-нибудь над сухим, как порох, мхом, может случайно сфокусировать солнечный луч в одну точку — и поползет тлеющий огонь по торфя-

нику, по сухим лишайникам на корнях деревьев, по высохшим гнилушкам, схватится за хворост, за космы травы, наберет силу, обнимет стволы сухостоя — и запылают они, как факелы, и подожгут тайгу! А бывает, что выгорит сверху тайга и уйдет огонь под землю — в торф — и горит месяцами... Попробуй-ка потуши такой пожар! А надо тушить. Володин брат Иван, командир звена вертолетов «МИ-4», все лето с огнем воевал.

Не так давно — месяца полтора назад — брал он Володю с собой. Был еще с ним летнаб Альфред: он сидел рядом с Иваном, с картой на коленях — отмечал на ней очаги пожаров. Чудное, нерусское было у летнаба имя, а фамилия русская, самая что ни на есть: Печкин. Альфред Печкин — смешно! Но звали все летнаба просто Алик.

Володя в вертолете позади Ивана на железном ящике примостился, заглядывает Ивану через плечо. Любил Володя смотреть, как Иван вертолетом управляет: держит в руках рычаг управления, перед ним на панели разноцветные огоньки вспыхивают — мигают, гаснут. Разные кнопки и рычажки отсвечивают пластмассой и сталью. Светло в вертолете — окон много: и впереди, и с боков. Иван с Аликом в шлемофонах — переговариваются между собой по радио. А Володя только рев мотора слышит, только гудит у него в ушах. Вертолет дрожит, поднимаясь над аэродромом, накренившись на левый бок. А земля под ними накренилась вправо: кажется, вот-вот домишки с нее все в небо посыпятся... как с тарелки!

Земля внизу, под раскаленным небом, лежала в желтовато-молочном мареве. Прямые улочки поселка и пристань с коричневыми скорлупками пароходов в разлившейся Печоре, и беззвучно стреляющая дымом лесопилка на желтом, усыпанном опилками берегу — сразу уползли по наклонной земле к горизонту. Впереди и по сторонам раскинулся красивый, яркий, нетронутый ковер зеленых лесов и ядовито-оранжевых болот, прорезанный голубыми полосками речушек и пятнами озер. Особенно красивы зеркала озер в голубых рамах лесных берегов. Только тень вертолета бесшумно и таинственно перечеркивала эти озера, реки, леса и болота — тень скользила внизу, все время меняя свои очертания, словно хотела оторваться и полететь.

Вскоре они кружили над пожаром, немного в стороне, все время сужая круги. Володя приткнулся к окну, расплющив о стекло нос, и смотрел, как дым переливается над деревьями густыми волнами, поднимается клубами вверх и растекается удушливой пеленой к востоку, в сторону Уральских гор, куда дул ветер. Ветер, как невидимый мех, коварно раздувал и без того огромное пламя, стрелявшее сквозь облака дыма хлопьями искр и целыми горящими сучьями, и больно было смотреть, как корчатся в огне живые деревья... Могучий огонь бушевал посреди пустынных болот и лесов, и его красные языки вспыхивали то тут, то там, про-

рываясь сквозь плотные клубы дыма; солнце побледнело и светило, как сквозь закопченное стекло. Все тонуло в этом желтом сухом тумане, дым залезал в нос и в глаза, и Володя увидел, как застывали по стеклам кабины очумевшие оводы, падая на пол, да и сам Володя закашлялся...

Брат Иван обернулся и что-то крикнул Володе, но Володя не понял, замотав головой. Ивану этот дым был нипочем, он улыбнулся брату белыми ровными зубами и синими глазами на загорелом лице, гладко выбритый, в аккуратно выглаженном кителе, при белом воротничке и галстук. Если б не шлемофон, то поршивший его русые волосы, можно было подумать, что Иван не на работе, а на празднике. Но таковы все Ивановы друзья — летчики — тем они всегда и нравились Володе, недаром он мечтал быть таким же.

Вертолет уже повернул в сторону от пожара и летел теперь низко над лохматой тайгой вместе с поредевшим дымом, проносясь над деревьями боком, потому что его заносило ветром. Вертолет, подумал Володя, все время летает вот так, боком, и кажется неповоротливым. Зато он садится на любом пятачке без пробега и может висеть в воздухе на одном месте неподвижно, как стрекоза.

До маленького поселка лесорубов долетели быстро — сначала показалась внизу река с длинными связками плотов вдоль желтых песчаных берегов, потом плешивые лесные выруб-ки с замысловатыми петлями дороги, и неожиданно открылись в зеленой роще на берегу две светлые белесые улочки со спичечными коробками домишек...

Было обеденное время, и залитый солнцем поселок на первый взгляд казался вымершим, но это только казалось. Сделав над поселком два грохочущих круга, вертолет отлетел к зеленой лужайке на берегу реки и встал там на три точки. К нему уже бежали мальчишки и собаки, а за ними попевали взрослые — лесорубы и трактористы...

Одиноко шагая сейчас по тропинке вдоль шумящей реки, под вечернеющим небом, Володя вспоминал весь этот полет. На само тушение его в тот раз не взяли — потому что это опасно, сказал брат Иван. Он сказал, что Володе там нечего делать, тем более что вертолет маленький — от силы заберет человек восемь, — и пока Иван трижды отвозил людей на пожар, Володя с мальчишками и собаками купался в реке. Речушка была маленькая и небыстрая, с густой коричневой, как чай, водой и песчаным илистым дном, не то что родной Володин Илыч.

...Теперь Володя шел по пояс в густой траве — тропинка тесно заросла с двух сторон, и река вдоль берегов тоже заросла травой и кувшинками, они росли даже в середине реки. На глубоких местах поверхность реки была

гладкой, как зеркало, и немного выпуклой от сильного течения. Володя остановился, посмотрел вперед, навстречу реке. Вода бежала дальше под явно видимым глазу наклоном, потому и течение было таким напористым, и поверхность воды напоминала продолговатое увеличительное стекло. Эта стеклянная поверхность то и дело вскальзывалась изнутри играющими хариусами — осколки водяного стекла, сверкнув на солнце, падали обратно в реку, а живые круги от всплесков быстро уносились прочь. Начинался вечерний клев. Володе захотелось размотать удочку и забросить ее в эти гладкие быстрые воды — очень захотелось! — но он сдержался.

Оводов почти не стало, а комары все еще сопровождали его серенькой мельтешащей тучкой. Володя шел пружинящим быстрым шагом, и мысли шли с ним нога в ногу, витая в то же время невесть где — и над землей, и в Ивановом вертолете, и в избушке у дедушки Мартымяна, и в маленькой деревенской школе возле классной доски, и даже — вот диво-то! — в самой Москве, в которой Володя еще не бывал, только видел ее в школьном телевизоре: странная, вся в камень закованная земля, а дома высокие, как скалы! Иван обещал взять его на будущий год в отпуск в Москву. Говорил, что будут они жить там в гостинице «Россия» — в таком огромном и широком доме, что если войдешь в этот дом не с той стороны, то заблудишься и никогда оттудова не выйдешь... Но Володя сразу решил, что будет в Москве за Ивана держаться, от него ни на шаг!

Володя шел весело, хотя и устало. Но какой же мужчина не устает? Настоящий мужчина всегда устает, потому что он много работает — дрова колет, лодку водит, дом строит — или ходит сутками по тайге — летом и зимой, — за зверем гоняется! Это только лентяй не устает, потому что он все время лежит, жир накапливает! Да еще пьяницы не устают, потому что они только пьют да спят. Хотя вот Алевтинин отец — Прокоп — от выпивки очень устает. И вид у него очень усталый после выпивки, дохлый вид. Это сначала, после первых рюмок Прокоп бодрый бывает, но эта бодрость его какая-то бестолковая. Начинает он тогда суесться, болтает без умолку, а врет — семь верст до небес и все лесом! Или вдруг ни с того ни с сего плясать начнет. Но его ненадолго хватает: падает Прокоп на лавку или просто на пол и тяжело дышит — вот-вот умрет. Лицо Прокопа, с рыжей клинообразной бородкой, красное, мутные блеклые глаза прачутся в помятых мешочках век, а улыбается он гнилыми зубами — будто ощеривается — укусить. Руки всегда потные, мокрые, после всегда надо руки вытирать, противно...

Удивительно, что именно Алевтина — дочь Прокопа — лучший Володин друг! Володя не помнит, когда они с Алевтиной дружить начали: давно это началось, еще когда они оба под столом лазили, играли там в куклы. Там и началась эта дружба — под столом да под лавка-

ми, смешно! Володя, конечно, ни с кем об этом не говорит, так, про себя об этом иногда думает, вот как сейчас... В те далекие годы Володины родители еще живы были... плохо их Володя помнит, плохо. Смерть родителей — это камень на Володином сердце. Тяжелый камень, хотя Володя не болтает обо всем попусту. Молчаливый он человек. И Алевтина тоже много не болтает. Потому они, наверное, и сдружились. Горе их сдружило. Хотя могло их это горе и посорить. Врагами сделать. Потому что кошка между их домами пробежала...

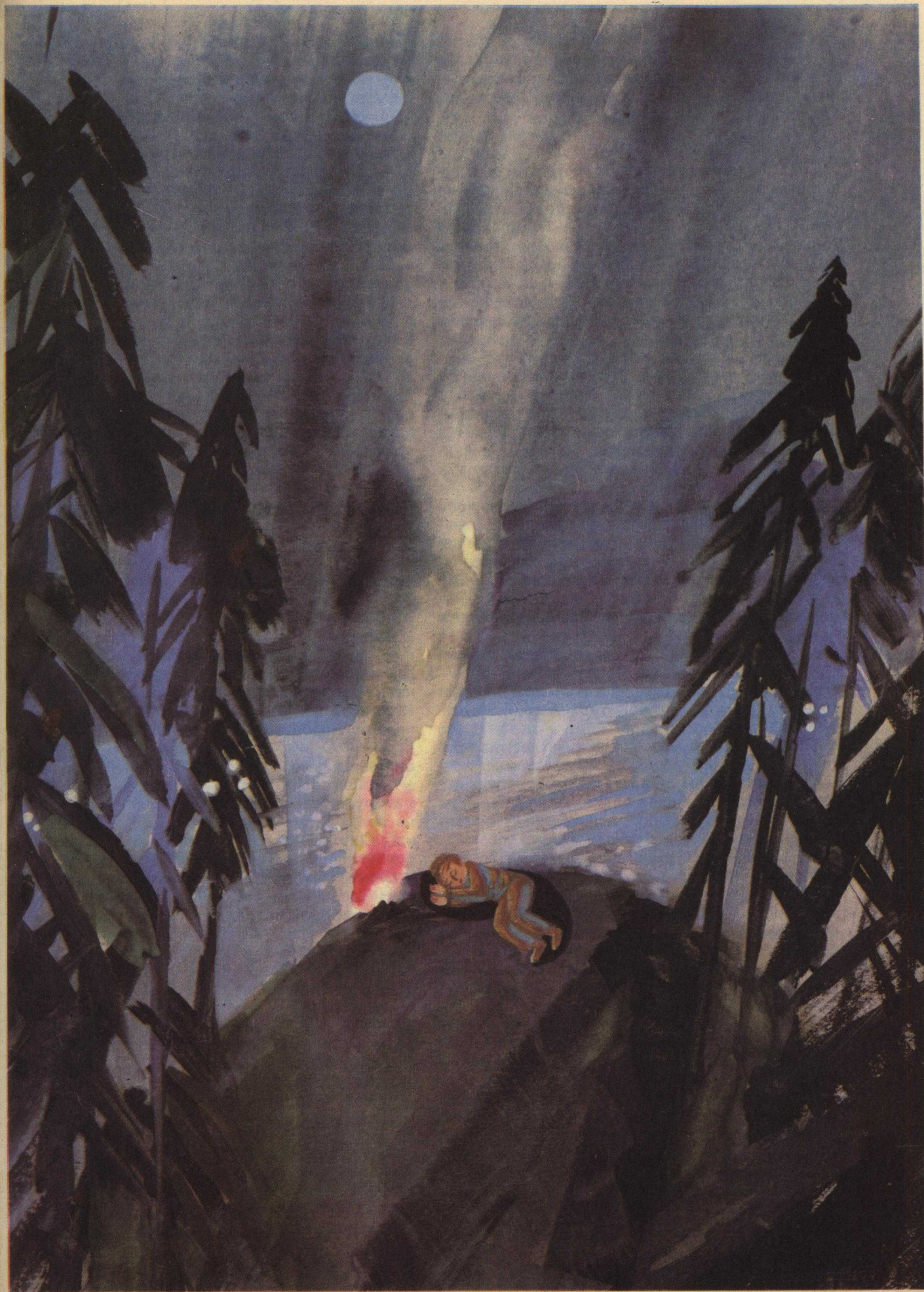
Володя с Алевтиной, как сойдутся вместе, больше молчат. Или книжку читают. Друг дружке вслух. О родителях никогда не говорят. Зачем понапрасну рассусоливать, когда и так все ясно! Тем и отличаются настоящие друзья, что они друг дружку без слов понимают. Это только старушки, прилипшие, как поганки, к завалинкам, мучают Алевтину: «Ах ты, беденькая! Сиротиночка при живом отце!»

Хуже нет таких разговоров. Алевтина от них всегда в лес убегала, от таких утешителей. Здесь и находил ее Володя. Сидит, бывало, Алевтина где-нибудь за деревней на речном обрыве, пристроится на корточках, натянув подол на колени, и смотрит в воду быструю, в темный омут, жуя травинку... Глаза большие, заплаканные... Подойдет Володя тихонько, сядет рядом и молчит — только сорвет, как Алевтина, травинку и тоже жует ее, глядя в воду...

Один раз странный очень случай был; никто про этот случай не знает, и не узнает никто никогда! Володе иногда даже кажется, что этого вовсе и не было, это ему только приснилось... Один раз в школе на шумной перемене, когда все выбежали на улицу и стали играть в снежки, и Володя играл, подбежала к нему вдруг запыхавшаяся Алевтина — красная, растрепанная, схватила Володю крепко за руку и, глядя ему прямо и близко в глаза своими черными зрачками, быстро прошептала: «Один только ты во всей деревне человек, Володечка! Один только ты!» — быстро поцеловала его — почему-то в волосы — и умчалась, оставив Володю стоять с раскрытым ртом, из которого вырывался морозный дух.

...Наконец, Володя дошел до заранее намеченного места. Высокое это было место на обрывистом берегу над рекой. Когда подходил, показалось в сумерках, что сидит посреди полянки на самом обрыве Алевтина... Володя даже вздрогнул. Но нет: откуда она могла здесь взяться? Конечно, это был корень! Володя опустился на траву. Ноги гудели от долгой ходьбы. Он скинул с плеча звякнувший о землю мешок. Высокое здесь было место, сухое. Глубоко внизу, в темных берегах шумела река, отсвечивая последним светом скрывшегося солнца.

Ловить рыбу Володя не стал, поздно, устал очень. Даже есть не стал. Отойдя в сторону, в кусты, повесил на черной елочке мешок, натаскал в сумерках хворосту на открытое место, приладил сверху здоровое сухое полено,

разжег костер. Пламя заплясало желтыми язычками, затрещало, и вокруг сразу стало темней. Тепло у костра, глаза слипались. Володя намазался диметилфталатом, свернулся калачиком и сразу заснул...

Спал он долго и крепко, согретый и освещенный костром — свернувшись калачиком на пустом бугре под бескрайним небом. Река баюкала его своим бесконечным бормотанием. Деревья и кусты обступили бережно Володю. Тихо было вокруг. Осеннее глубокое небо мигало бесконечными звездами: «Т-с-с! Не будите Володю!» — «Не будем, не будем, не будем!» — шумела под берегом река. А деревья молчали. И ветер спал.

А потом проснулся Володя, увидел возле себя дедушку Мартемьяна и чуть не закричал от радости — но сдержался.

— Ищу я тебя тут, — улыбнулся дедушка. — Сам вот чуть не заблудился...

— Я тут разных корешков захватил, — сказал дедушка, присаживаясь на корточки. — Вот здесь, в узелочке...

Он развязал и расстелил на каменном полу бабушкин черный платок с красными розами — давно поблекший, выцветший, хорошо знакомый Володе. В платке были еще узелочки, маленькие, серенькие, с разными травами, которые дедушка всегда собирал в тайге — по берегам Илыча, и в чаще, и на солнечных полянках, и на болоте.

— Вот это лютики, — приговаривал дедушка, развязывая и опять завязывая узелки, — это сон-трава; вот это чистотел, это — анютины глазки, а вот и наша травка дорогая: душевник!

Володя смотрел, как дедушка пересыпал сухие поломанные стебельки с держащимися кое-где бледно-розовыми цветами из тряпочки на платок, потом разорвал тряпочку на две части и стал брать душевник щепотками, деля его на две равные кучки...

— А почему эту траву душевником зовут? — спросил Володя.

— Потому что в ней такая душевная сила заложена, — прошептал дедушка. — Эту траву надо всегда на груди носить! Тогда никогда не заблудишься! Отовсюду тебя эта трава домой приведет! Вот брат Иван смеется надо мной! А напрасно! На, спрячь за пазухой, — сказал он, протягивая Володе узелок.

— Теперь пойдем? — спросил Володя. — В какую сторону?

— Теперь еще компас надо раскрутить, — сказал дедушка.

Володя слышал, что дед Мартемьян умеет раскручивать компас, но и об этом Володя тоже никогда нигде не болтал — боялись за это в деревне деда. Шепотом, слухами пробавлялись иногда по сторонам. За глаза. А если когда кто и спрашивал об этом дедушку, тот только смеялся. «Да что вы! — говорит. — Какой такой компас раскручивать? Болтаете разные

глупости!» Но Володя верил — умеет дед раскручивать компас!..

— А как это у тебя получается? — спросил Володя во сне.

Ничего толком не объяснил дедушка.

— Да я и сам не знаю! — говорит. — Сила во мне такая магнетическая сидит!

— А меня научишь? — спросил Володя.

— Научить этому нельзя, — строго сказал дедушка. — Это человеку от роду дается. Да не каждому. Очинно это редкое свойство. Ты пробуй, может, когда сам и добьешься...

Положил дедушка наземь свой компас старинный — матка называемый, в деревянной некрашеной круглой коробочке с крышкой, внутри на белом поле черная стрелка — наклонился над ними и стал над стрелкой растопыренными пальцами в воздухе водить — закрутилась стрелка, и увидел Володя, что вдруг закрутилось все быстрее и быстрее — замелькало перед глазами бесконечной каруселью, посреди которой сидел он с дедушкой — замелькало, закрутилось вослед за стрелкой — как будто Володя долго бежал, — потом дедушка руки ка-ак отнимет! — все сразу остановилось — Володя упал, вскрикнув, — и открыл глаза, увидел себя на высоком, освещенном солнцем бугре над рекой: утро, костер рядом потух, река шумит, птицы поют и никакого дедушки рядом нет...

Володя потянулся в траве и встал, озираясь по сторонам. Холм возвышался над крутым изгибом реки. Чуть выше по течению река наталкивалась на камни и закипала. Повыше порога впадал в Илыч приток Сар-Ю — как раз на правом, Володином берегу. Володя должен был перейти Сар-Ю вброд и дальше двигаться в стороне от реки — здесь Володя расставался с большим Илычем, чтобы снова встретиться с ним уже возле избушки. Володин путь лежал по прямой тропе на восток, через хребет Иджид Парма — а река огибала этот хребет широким неровным полукругом.

С бугра над рекой все выглядело таким простым: если идти все время прямо на восток, то непременно натолкнешься на течение Илыча... Это ж ясно! Не надо только волноваться. Конечно, без реки идти трудней. Но тропа тоже верный товарищ. Если ее не терять. Тропу легче потерять, нежели течение реки. Течение реки потерять просто невозможно! Но ведь есть и другие ориентиры — есть хребет, который лежит поперек тропы, есть гора Эбель-Из в конце дороги... Да и солнце есть, в конце-то концов! И луна есть, и звезды! Тоже путь указывают...

Володя прикрыл глаза ладонью и посмотрел на солнце — оно уже вскарабкалось довольно высоко и обещало быть жарким. И небо опять было удивительно чистым — ни единого облачка.

Володя вздохнул глубоко, всей грудью, и оглядел бугор, на котором стоял. Роса на тра-

ве и кустах обсохла, только зола потухшего костра была еще мокрой от впитавшейся за ночь влаги. Над рекой расплзались запоздавшие клочки тумана.

Володя повернулся спиной к реке и оглядел поляну. И увидел Володя то, о чем знал, но чего не видно было вчера в сумерках, когда он сюда подошел. На фоне осенних пылающих берез, зеленых елей и лиственниц темнели в кустах, в зарослях крапивы и иван-чая полуразрушенные строения — бывший Прокопов хутор.

В небе над поляной, почти не двигая крыльями, кружил сокол; наверно, высматривал мышей.

Широкая поляна была покрыта густой некоей, и с трех сторон наступала на нее тайга, выслая вперед заросли тала, маленькие елочки и карликовую березу. Кустистая береза с красными ветвями кудрявилась мелкими — в копейку — листочками. Маленькие елочки торчали в кустах, как темные свечки. А возле остатков Прокоповой избы буйно разросся иван-чай. Казалось, от ярких лиловых цветов даже воздух вокруг стал лиловым, и лиловой стала внизу река, и лиловым — небо.

Дед Мартемьян долго рассказывал Володе об этом цветке. Грустный это цветок. Он всегда буйно разрастается на пепелищах и пустырях — в местах, покинутых людьми.

Иван-чай поселяется в покинутых деревнях, в брошенных хуторах, в позабытых избышках. Здесь он подходит на цыпочках к слепым окнам, поднимается на прогнившие ступеньки, входит в пустые комнаты, сияя своим пронзительно-печальным лиловым цветом, и шепчется, шепчется, вспоминая об ушедших...

Володя проверял Мартемьяновы слова, когда они путешествовали по Илычу. Как только замечали они вдоль по реке лиловые цветы иван-чая, то вылезали на берег и непременно находили там остатки людского жилья.

Вот и сейчас: стоял Володя на высоком берегу, на полузаросшей подлеском поляне и смотрел на серебряно-черные стены Прокопова хутора — седые стены. Володя их сразу узнал.

Стены Прокоповой избы, окруженные иван-чаем, обросли с северной стороны мшистыми бледно-зелеными бородами. Остатки крыши торчали черным скелетом. В отдалении возникали из буйных зарослей еще какие-то строения: баня, пекарня, сарай, островерхая, на высоких, утонувших в крапиве столбах, кладовая, похожая на избышку Бабы-Яги, с петухом на крыше.

Володя побродил вокруг, раздвигая иногда руками высокие — выше головы — заросли иван-чая и крапивы, дошел до края поляны, где начиналась тайга. Здесь Володя ступил на белесую от времени, сложенную из огромных бревен дорогу — она уходила в заваленную буреломом чащу: дальше было темно и страшно! Из чащи тянуло прелым запахом сырости.

Между прогнивших бревен дороги пробивалась ярко-зеленая трава, а местами, где бревна провалились, тускло светилась ржавая болотная жижа. Дорога, ведущая в никуда! «Пойдешь по ней — не воротиться! — подумал Володя. — Может она привести тебя к лесу, а может просто на тот свет...»

Когда-то по этой дороге ездил отец Прокопа — важный купчина; и к нему ездили — охотники да скупщики пушнины. Богатый человек был Прокопов отец! — дед Мартемьян рассказывал. Были у него лошади — не одна пара, и коровы, и всякая птица. И пекарня недаром была: держал тут Прокопов отец заезжий двор и чайную. И баня была большая, топившаяся по-белому — вон какие высокие стены из кустов выглядывают: не чета деревенским банькам. Зимой и летом парились тут купцы да охотники, гоняли в душной чайной чай, заедая калачами. И водку пили. Было такое время!

Раскулачили потом Прокопова отца, сослали его далеко на восток, откуда он уже не вернулся. Барахлишко все отобрали, Прокоп с матерью переехали жить в деревню. Прокопова отца никто не жалел: раскулачивали его всей деревней, когда колхоз создавали. Был Прокопов отец душегуб и вор, нажил свое богатство на чужой крови да слезах. Он обирал всех в округе, вся семга по Илычу его была, вся дичь, все зверье: все за бесценок скупал или отнимал даром. Особенно у ссыльных. Было в этих местах когда-то много ссыльных людей, революционеров.

Посмотрел Володя вокруг: на тяжелые желтые колокольчики в болотной траве, на заросли карликовой березы, крапивы и иван-чая, на ели, березы и лиственницы, обступившие поляну с трех сторон; с четвертой стороны, за рекой, которую отсюда не видно было за обрывистым берегом, зеленели волны тайги — как море. А надо всем этим сияло загадочное лиловое небо.

«Небо хранит какую-то тайну, — подумал Володя. — Впрочем, как все. Как и вот эти грибы в траве, между бревен. Разве в грибах нет тайны? А почему они тогда такие странные, ни на кого не похожие? Почему у них листочков нет, одни только круглые шляпки? И почему они часто на полянах кругами растут? «Ведьмины кольца» называются эти круги, дедушка говорил. Вроде бы ведьмы здесь по ночам пляшут, оттого и грибы кругами растут... Чепуха все это, конечно! И все-таки в грибах своя тайна, как и в иван-чае».

Володя нагнулся и снял с коричневой шляпки боровика присохший березовый листик.

«Еще некоторые говорят — зачем комары?.. Но ведь комарами хариус питается — как же без комаров? Что бы ела молодая семга, если б не комары? Подошли бы все мальки, и люди бы без семги остались! И без хариуса. К комарам привыкнуть можно, а потом и средство от них есть...»

ЗЕЛЕНАЯ РАКЕТА

ПИСЬМО ДРУГУ-ТИМУРОВЦУ

В. Верховский

БУДУ РАД ВАШЕЙ ДРУЖБЕ

Артековское солнце встало сегодня на два часа раньше артековских горнистов. Его разбудили чайки, что гнездятся на Адалларах и просыпаются самыми первыми. Просыпаются и от шороха волн, и от грома прибоя, и от дразнящих запахов ветра.

И хорошо, что никто не видел, как спешил я мимо Костровой площади. Тревожно поглядывая на часы, карабкался по тропе Гайдара. Моя утренняя вылазка на Аю-Даг не имеет к этому открытию никакого отношения. Первым узнал об этом Роман Мархолия, один мой новый знакомый. Уникальный человечек, маленького роста, ершистый, непоседливый и бесконечно улыбчивый.

Когда он рассказывал о своих делах, я невольно жмурился, так все у него солнечно получается...

— В школе у нас — драмкружок. В инсценировке «Тимур и его команда» мне поручили роль Тимура.

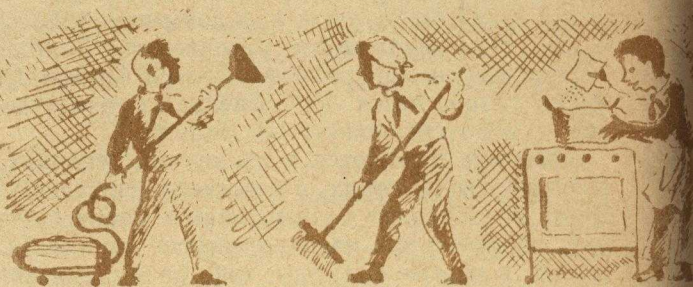
Вечером, после моего выступления, мама спрашивает: «Как дела, артист?» — «Нормально, — отвечаю, — ребятам понравилось, хлопали здорово». — «Ну, ну», — говорит мама и больше на эту тему — ни слова. Я так и не понял: похвалила она меня или нет. Стал думать, почему такое происходит. И вдруг понял: «Ай, Роман Мархолия, ведь ты — действительно артист. Тимура играешь, а сам даже — не тимуровец».

Уже на следующий день я записался в тимуровцы и стал шефствовать над одной старушкой. Зовут ее Зинаидой Михайловной. Живет одна, часто болеет, дел по хозяйству много, помочь некому. Прихожу однажды из школы, а мне говорят: «Заболела твоя Зинаида Михайловна». Я скорей к ней, спрашиваю: «Что с вами?» Отвечает: «Худо мне, Роман, совсем худо, умираю, наверное». Я говорю: «Пожалуйста, не волнуйтесь и, пожалуйста, не умирайте, все будет хорошо». И — сначала за доктором — бегом, потом в аптеку — бегом, по магазинам — бегом. Все сделал-переделал, еле отдышался. «Вот теперь, — думаю, — домой пойду, пообедаю и за уроки сяду». И тут меня словно кто-то ударил: меня-то дома накормят, а как же Зинаида Михайловна? Что с того, что я ей продукты купил? Как себе

обед сварит, если даже ходить не может? Словом, обед для Зинаиды Михайловны моя мама варила. И хоть было это в прошлом году, до сих пор вспоминать не люблю.

А вчера, понимаете, иду я мимо летней эстрады, смотрю: на дороге два человека руками размахивают. Подошел поближе, — спорят, каким должен быть тимуровец. Спорили, спорили — разошлись. Подхожу к одному и говорю: «Ты, я вижу, умный человек, но скажи, пожалуйста, обеды варить умеешь?» Подумал он, отвечает: «Не умею». «Знакомая история, — говорю я ему, — артист ты, а не тимуровец». Спрашивает: «Почему артист, при чем тут обед?» — «А ты подумай, дорогой, — говорю я ему, — обязательно подумай. Роман Мархолия зря спрашивать не будет...»

В этом рассказе — весь Роман, насмешливый, думающий. Памятуя о твоей просьбе, взял его адрес: Абхазская АССР, г. Сухуми, Индустриальная, 140, кв. 6. Буду рад, если вы тоже подружитесь.

ГЛАВНОЕ — ВЗЯТЬСЯ ЗА ДЕЛО

И опять — столько было встреч и событий, что писать мое послание днем не было никакой возможности. Во-первых, была конференция «Тимуровцы 70-х годов». Слушал и вспоминал все наши разговоры. Тайно или явно работать тимуровцам? Ребята считают: и тайно, и явно, в зависимости от обстоятельств. Нужен ли взрослый вожатый тимуровскому отряду? Некоторые склоняются к мысли — нужен. Но, как показывает жизнь, можно работать и без вожатого.

Самая важная мысль, высказанная на конференции, — тимуровцы должны больше помогать взрослым в определяющем, четвертом году пятилетки. Тимуровцы обязаны взять шефство над детскими домами, инвалидами войны и труда, пенсионерами.

Ты вот все говорил: «Пенсионерам отремонтировать квартиру — проблема! А что, если нам взяться? Мыть, белить, красить, клеить — не такая уж сложная работа...» Что могу ответить? Десятки, сотни тимуровских мастерских и бюро добрых услуг работают в городах и селах нашей страны. Пора и тебе действовать.

Признаться, удивило одно выступление — Кати Никитиной. Она рассказывала, как они проводили рейд, чтобы выяснить, помогают ли тимуровцы своим родителям. И столкнулись с проблемой. Бабушки заступаются за своих внуков, говорят: «Что вы? Они у нас хорошие!» «Как быть с бабушками?» — спрашивала Катя.

В зале — хохот. Всем ясно: никакой проблемы нет. Хотела или не хотела Катя, но доказала обратное: тимуровцы у них работают плохо. Если нужны проверяльщики, то о каком деле может идти речь? Проблему «Как быть с бабушками?» никто всерьез не воспринял. А я в этот же день столкнулся с фактом, который заставил взглянуть на нее иными глазами.

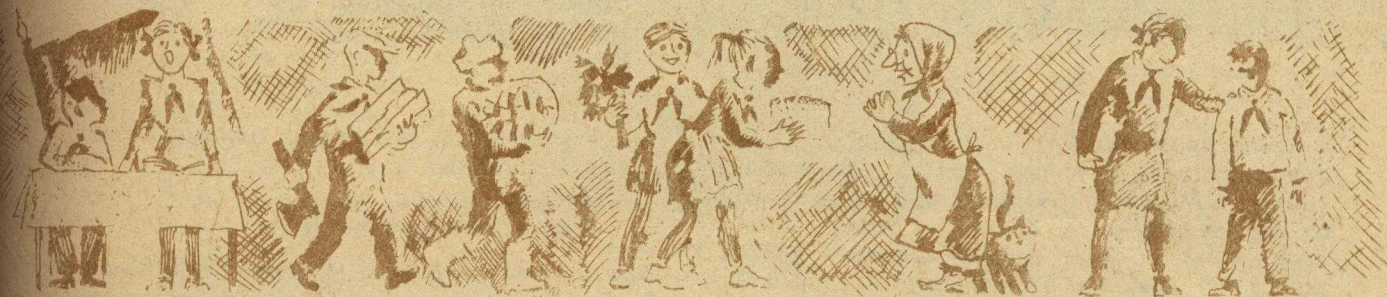
Эля Абдурахимова сообщила мне, как помогали они одной пожилой женщине, старательно выполняли все ее просьбы. Старушка, видя, какие они расторопные да умелые, однажды и попросила: «Уж вы, мои милые, се-

Татьяна Николаевна даже возмутилась: «Во-первых, не я, а ребята тебя выбрали. Во-вторых, если допустили ошибку, через две недели, как и положено, переизберут и без твоих напоминаний. Но ты и вправду себя плохим считаешь?.. Давай договоримся, — предлагает вожатая, — о том, что было, забудь. Живи, как теперь считаешь нужным».

Стал Саша председателем совета отряда. И, как утверждают в дружине, отличным. По-нятно, не вдруг и не сразу такое делается.

Поверил Саша: опыт — дело наживное; старался, вкалывал, не жалея себя... С каждым днем, с каждым Сашкиным поступком убеждалась Татьяна Николаевна в правильности своей первой догадки. Никакой он не хулиган. У него к этому даже элементарных способностей нет: ведь он честный, отзывчивый, добрый.

«И знаете, — рассказывала вожатая, — даже неловко было перед ним, что где-то там, в его школе, никто не удосужился поговорить

годня и кулич мне испеките: к пасхе готовлюсь. И на пасху обязательно приходите. Лучшими гостями будете». И что же ты думаешь? — тимуровцы согласились.

Спрашиваю Элю: «Как же так получилось?»
Отвечает: «Неудобно было отказываться».

И АРТЕК ЗАСТУПИЛСЯ...

Познакомился я здесь с Татьяной Николаевной Конюховой, вожатой дружины «Лесная». Услышал от нее такой рассказ.

— Приехал из Караганды в Артек Саша Сосков. Приехал, можно сказать, случайно и не случайно. Нашелся добрый человек, хорошо его знавший, и помог достать путевку. А в Артеке — как? Два дня на знакомство и размышления, а на третий день выбирают актив. Пригляделись в первом отряде к Сашке и выбрали командиром. А для того — трагедия! Отзывается он в сторону Татьяну Николаевну и говорит: «Что вы наделали! Ведь в школе меня считают самым плохим, хулиганом, простите, считают. А вы — председателем отряда выбрали. Исправляйте скорее свою ошибку».

с ним по душам. Но зато эти «никто» прислали письмо: так, мол, и так, отправляйте нашего Соскова обратно. Это не тимуровец, а отпетый квакинец».

Да, Серега, к сожалению, еще бывает и так. Возмущайся, но бывает.

Артек заступился за парня: не Сашку, а умное, дипломатичное письмо отправили в ответ на присланное. И стало в нашем полку на одного тимуровца больше!

А теперь — о самой Татьяне Николаевне. Здесь я, как ни старался, удовлетворить твоё любопытство не смогу. И ты ко мне никаких претензий не предъявляй. Узнать удалось мало. В Артеке она — шестой год. В отряде у нее были не только наши ребята, но и французы, югославы, американцы. До Артека работала в школе, учителем русского языка и литературы.

Вот так-то, Серега. И как на всех у нее и времени и щедрости хватает?

ПОНЧИК, ВОЖАК И СИГАРКА

Была у меня сегодня в дружине «Лазурная» очень интересная встреча. И вот теперь я должен получить из Риги одно письмо. Самое уди-

вительное — содержание его я уже знаю. А потому слушай самым внимательнейшим образом:

«Всем пионерам Советского Союза!

Мы, квакинцы с улицы Бикирниеку, именуемые Пончик, Вожак и Сигарка, после долгих раздумий и совещаний пришли к выводу — больше так жить не можем. Нам стыдно смотреть в глаза Тимуру нашей улицы — Марине Озолинг. Ведь мы вредили ее тимуровскому отряду и ей лично самым отчаянным образом. А именно:

Когда в прошлом году Маринка занималась

шишек, ничего не установили. И опять уверяем вас: жить так больше не можем. Если есть на нас надежда, пожалуйста нам прощение. А мы — на все согласны. В ожидании вашего решения написанное подписали Пончик, Вожак и Сигарка.

Город Рига, улица Бикирниеку, дом 12-6».

Что означает это таинственное послание?

Во-первых, — все это правда.

А во-вторых, — подсказка Пончику, Вожаку и Сигарке, как они должны поступить. Веря, что они одумаются, я специально не называю пока их имена и фамилии.

с одной двоечницей из нашего двора, мы кидали в окошко камнями, зазывали двоечницу в кино, а Маринку грозились побить, если она от нее не отвяжется. Хотите — бейте нас, хотите — нет, но мы мешали человеку делать добро. И дивимся настырности и упрямству Маринки, ибо ее подопечная перешла в следующий класс с одной тройкой. Все остальные отметки — четверки и пятерки.

Весной, когда Озолинг с отрядом взяли шефство над престарелым пенсионером и копали в его саду грядки, мы эти грядки по ночам вытапывали. А еще прихватили там от мопеда мотор и надежно заховали в подвале. Но мотор они каким-то чудом разыскали и вернули владельцу.

Да, это мы совершали набеги на сады, ломали заборы, били собак и кошек, воровали тюльпаны и пускали их «налево».

Мы пытались установить — кто из нас троих больше всех виноват, но, кроме синяков и

Может, помнишь, как читали однажды с тобой Павла Шубина:

...Зеленой ракетой мы начали ту
Атаку на вражескую высоту...

Это я к тому, что тебе, и Роману Мархолия, и Сашке Соскову, и всем нашим ребятам повоювать с такими, как Пончик, еще придется. А теперь очередное задание.

Выясни, почему тимуровцы 415 школы Ленинграда забыли дорогу к Анне Петровне Горкушенко. Десять лет шефствовали. Узнали историю подвига ее сыновей. Добились, чтобы улицу в Петродворце назвали улицей братьев Горкушенко. И вдруг — такое положение.

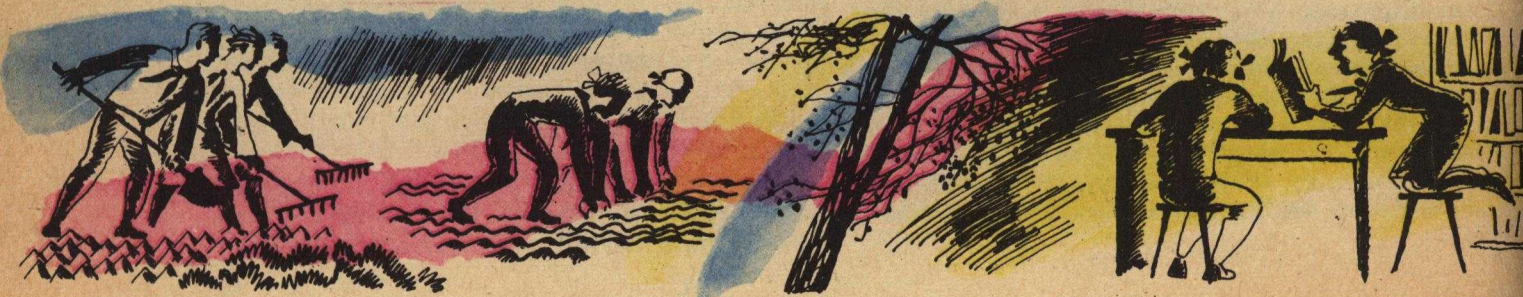
Как его исправлять, это положение, объяснять не буду. Думай, не маленький.

Крепко жму твою мужественную руку.

До скорой встречи!

Артек—Ленинград

Оформление А. Януса

ЗНАКОМЬТЕСЬ — „ЛЕНИНГРАДЕЦ“

Что такое КМЛ?

Двадцать семь маленьких домиков спрятались от южного солнца в тени деревьев.

В домиках жили: сорок пять комсомольцев - старшекласников, восемь пионеров, трое воспитателей и начальник, Виктор Александрович Никитин, а сокращенно — не только для ребят, но и для воспитателей — папа Витя. Были и другие обитатели: всеобщий любимец — уж Яшка, правда, он жил не в домике, а под домиком, и щенок Чучундра, очень похожий на Чебурашку.

Перед домиками широкая поляна.

А на поляне —

мачта, на которой развешался лагерный стяг, тутовые деревья, сверху донизу осыпанные маленькими сочными ягодками, похожими на чернику, а по вкусу — на малину, фанерный щит с ежедневными «молниями» и стенгазетой, стол, за которым читались и писались в далекий Ленинград письма, гладились и штопалось рабочее обмундирование, волейбольная площадка, она же по совместительству место для танцев и концертов.

Все это вместе взятое и есть КМЛ — комсомольско-молодежный лагерь 386-й ленинградской школы. Он так и называется — «Ленинградец».

До столовой от «Ленинградца» — три минуты хода, до пляжа — одна, а на работу пешком ходить не надо: автобус подъезжает к самому лагерю. Впрочем, пешком-то и не доберешься: плантации совхоза «Юбилейный» раскинулись на десятки километров.

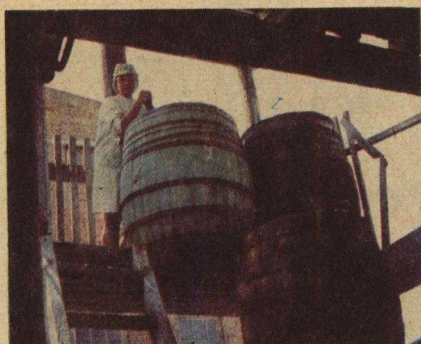
В прошлом году КМЛ «Ленинградец» — один из первых в нашей стране — завоевал зва-

Это Люда Борисова — наша ударница

Резать укроп — самая легкая работа

Проверим, готов ли рассол

Отдохнем — и купаться

ние коллектива коммунистического труда!

Как это было?

На вопросы корреспондента отвечают пионеры 386-й школы.

Всем бы такой характер

Лена Кузина: «До прошлого года пионеров в «Ленинградец» не брали: боялись, что запищим. Но теперь всем ясно: работать мы можем. Люде Борисовой, например, дирекция совхоза присвоила звание Ударника коммунистического труда. А характер у Люды, я вам прямо скажу, всем бы такой. Помню, собирали кабачки. Ветки у них колючие. Спина с непривычки болит. Да и жара — невообразимая, солнце как в Африке печет. Я и говорю Люде: «Спина болит». Она говорит: «У всех болит». Я говорю: «Жарко ведь, отдохни, ты же норму-то выполнила». Она говорит: «Тамара Шлякова уже за четвертую принялась». Словом, чуть что, сразу на Тамару показывала. А Тамара в лагере уже третье лето. Попробуй угонись за ней...»

Рекорд с изюминкой

Миша Большаков: «А мы на консервном заводе солили огурцы и капусту. Первое время по тридцать, тридцать пять бочек засаливали, а больше не получалось. Старшим над нами там был дядя Костя, совхозный бондарь. Лицо у него от загара темное-темное, даже морщин не видать. А руки, как у штангиста, — сплошные мускулы. Положит такую ручищу тебе на плечо — стоишь и шатаешься. На завод приезжал он всегда на велосипеде. И каждое утро у него с «дочек-сыночков» начиналось. «Доброго вам здоровья, дочки-сыночки, и доброй работы». Скажет это — и за весь день больше ни слова. За ра-

ботой разговаривать не любил. Когда нам сказали, что дяде Косте семьдесят лет, никто не поверил. Но оказалось, действительно: семьдесят. На следующий день мы семьдесят бочек засолили...»

Был один человек...

Наташа Окуловская: «Рекорды — вещь хорошая, но не самое главное. Короче, был у нас в лагере один человек. Спать любил: не разбуди — до обеда проспит. И думал этот человек о себе примерно так: согласна, плохо быть ленивой, а если это от рождения, как от лени избавишься? В лагере это, конечно, все заметили. Но лекций на эту тему никто не читал. А придумали вот что. Собирала наша бригада тогда кабачки. Кабачки — самая трудная работа считалась. И вот рядом с этим ленивым человеком поставили «работягу». Тот, понятно, вкалывает, а ленивый — так себе. День проходит, второй, третий и — ленивый человек не выдержал: принялся за работу по-настоящему. Так ему стало стыдно, что и не расскажешь. Кто такой способ придумал — неизвестно. Одни считают: папа Витя, другие — Таня Смирнова. Таня у нас комсоргом была. Но это еще не все. Когда тот самый человек вернулся из лагеря домой, мама ему и говорит: «Я ночей не спала, думала, как тебя к делу приучить. А тут — вот оно как обернулось». И снова стало стыдно этому человеку: ведь мама у него — добрая-добрая, такой второй, наверное, и не найти».

Папа, мама и я

Люда Борисова: «Родители меня все потом расспрашивали: «Как это вы сумели так отличаться?» Я объясняю: «Нормы выполняли, на работу не опаздывали». Отвечают: «Этого мало». Я опять доказываю: «Во-первых, нормы выполняли не только за себя, но и за дне-

вальных, которые по лагерю дежурили. Во-вторых, если дождь, с поля не уезжали: ждали, когда кончится, и — снова за работу. Мы считали не просто часы — с восьми до двенадцати, а чистое рабочее время. В-третьих...»

«Ладно, — смеются, — больше можешь не доказывать. Ваше отношение к делу поняли...»

Почему они так интересовались? И папа и мама у меня ударники коммунистического труда. Папа работает шлифовщиком на заводе «Русский дизель», а мама — на комбинате «Трудпром № 8».

Витька-кабачок

Рита Кольцова: «В совхозе говорили: «Веселые вы, ленинградцы, с вами не заскучаешь». А у нас как-то само собой получалось. На работу или с работы — с песнями. В поход или на экскурсию — опять песни на всю округу. Даже на кабачках смеху не оберешься, всегда кто-нибудь отчудит. Витька Козел нашел однажды большой перезрелый кабачок, разрезал, семечки высыпал и надел на голову. А для глаз шелки сделал.

Все как увидели — за животы взялись. А Витька ходит с важным видом и объясняет: теперь от меня кабачки под листья не прячутся, за своего принимают».

Лягушечьи концерты

Ира Эдельштейн: «В старом пруду, неподалеку от нашего лагеря жило великое множество лягушек. Как только папа Витя давал по радио в десять часов отбой, начинались лягушечьи концерты. Они продолжались всю ночь до самого подъема. А после подъема — опять молчок, словно их и не было. Такой у них выработался условный рефлекс. Однажды мы упросили папу Витю дать подъем понарошку, через несколько минут после отбоя. И лягушки сразу замолчали. Но

среди ночи такое устроили нам представление, что мы их больше никогда не обманывали».

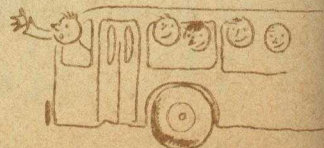
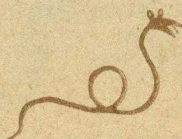
А узнали только в лагере

Таня Смирнова, комсорг: «Всеми своими успехами мы обязаны нашему начальнику, Виктору Александровичу. Мы его и в школе как учителя уважали, но что это за человек, узнали только в лагере. И только одного не узнали: когда он отдыхает. То ботинки или кеды кому-нибудь чинит. То в Армавир уедет экскурсию организовать. А ночью если увидит: заснули дневальные, — не будит. Сядет рядом и до утра дежурит. Как-то на пляже разговорились мы о суворовских походах. О Суворове у нас вспоминали часто: прямо перед лагерьем, на другом берегу Кубани, находится «Суворовский холм». По преданию, на этой горе во время войны с турками находился лагерь русских войск. Слушал нас Виктор Александрович, слушал и вдруг говорит: «Дивизия, в которой я служил во время Великой Отечественной войны, повторила путь Суворова. Мы должны были взять штурмом Русскую слободу — укрепленный район, где находилось много власовцев и фашистов. Шли мы по тем же самым, суворовским тропам и так же неожиданно свалились на голову врага. Среди пленных оказались и старые белогвардейские генералы — Краснов и Шкуро. Я этот день хорошо запомнил. При штурме погиб мой друг, Герой Советского Союза пулеметчик Александр Иринин. Было это 14 мая 1945 года, через пять дней после победы».

— Виктор Александрович, — спросила я тогда, — а кем вы были на войне?

Посмотрел он на меня и отвечает: «Должность была такая же, как у тебя сейчас. Комсорг. Комсорг полка».

Фото В. Никитина
и В. Балахнова

КАК СОЗДАЛИ КАУЧУК

1
Еще за сотни лет до прибытия европейцев в Бразилию индейцы обожали играть в мяч.

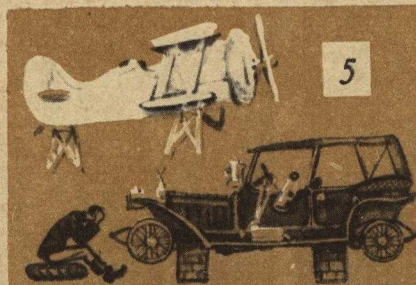

2
Первым европейцам они объяснили, что мячи делают из каучу — из слез дерева гевея. Так в Европе узнали о каучуке.

3
В прошлом веке из каучука научились делать резину, и каучук стал нужен всем.

4
Царская Россия покупала каучук за границей. Советской России капиталисты отказались продавать каучук.

5
Самолеты и автомобили стояли «без обуви». Людям требовались капоши и резиновые плащи. Стране грозил резиновый голод.

6
В 1926 году Советское правительство объявило всемирный конкурс на получение искусственного каучука.

7
Ученые уже пытались делать искусственный каучук. Они хотели, чтобы по составу он не отличался от натурального.

1874
~
1934

Известный химик, советский профессор Сергей Васильевич Лебедев решил обязательно получить дешевый и прочный искусственный каучук.

9
Вместе с друзьями он напряженно работал и к назначенному сроку получил два килограмма дешевого искусственного каучука. По составу он отличался от натурального, но был прочнее его.

Спирт — дивинил — каучук.

11
Лебедева благодарили летчики и шоферы, старики и пионеры. По способу Лебедева страна стала получать каучука столько, сколько хотела.

12
Это лишь одно открытие в органической химии из тех, которые сделал Сергей Васильевич Лебедев.

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ КОСТРА

ПРО НАШИХ
ВЗРОСЛЫХ

Мой друг комсомолец

У меня есть друг Вася. Живет он в Лужском районе Ленинградской области, куда я летом езжу на каникулы. Я дружу с ним давно. Теперь он уже комсомолец и работает трактористом. Однажды пошли мы с ним в лес, набрали на болоте. А в болоте была красивая зеленая лужайка. Я хотел на нее ступить. Только ступил — провалился по пояс. Стало тягивать все глубже. Вася быстро подбежал к краю и протянул мне ремень. Я ухватился за ремень, а он прихлопнул сухое дерево, перекинул через опасное место, и я вылез. Мы пошли на озеро, выстирали мой тренировочный, развели костер, стали сушить. А Вася гово-

рит: «Теперь ты ученый. Знаешь, что такое болото».

Часто Вася брал меня с собой работать на тракторе. Раз тоже поехали и увидели, как кто-то в кустах копошится. Поглядели — а там зайчонок! Одна лапка в капкане, кровь сочится... Вася освободил зайчонка. Мы взяли его с собой. Вася сказал: «Вылечим, обратно в лес пустим».

Когда я летом приезжаю в Лугу, Вася всегда встречает меня у поезда. И я радуюсь, что у меня такой друг. Скоро ему в армию. Я спросил: «Будешь мне писать?» Он говорит: «А ты?» Я говорю: «Конечно!» Он сказал: «Порядок в танковых войсках!»

М. Анискин, 7 кл., г. Ленинград

«Барабан», я нарисовала «Городок на Руси». Не знаю, были ли на Руси флюгера, но с флюгерами красивее».

«Дорогой друг! Твое письмо мы показали научным сотрудникам Государственного Русского музея в Ленинграде. Они сказали: «Вопрос поставлен интересный, но он еще мало изучен. Твердо знаем одно: русские художники стали рисовать флюгера в XVI веке. А были ли флюгера до этого — сказать трудно».

Флора Галимова, 9 лет

КТО ГДЕ ЖИВЁТ

ГОРОД БЕЗ НАЗВАНИЯ

Наш город совсем молодой, еще без названия. Пока у нас всего шестнадцать домов, два детсада и большая школа. Город на берегу канала и окружен лесом. За городом строятся атомная электростанция. Здесь работают люди,

Кто где живёт
Спасибо

Я всегда мечтала: вырасту — стану балериной. А мама считает — это не профессия. Мне порой хочется убежать далеко-далеко, чтоб такое не слышать. Занимаюсь я самостоятельно, дома или в огороде, когда нет мамы и брата. А то они гово-

В пионерском лагере "Молодая гвардия" — праздник Нептуна! Прежде чем окунуть новичка в воду — надо погуще вымазать его мыльной пеной... Терпи, моряк!

Фотографию прислали из Одессы юнкоры "Барабана"

Смотря какие
книжки

В февральском номере «Барабана» Надя Т. спрашивала: «Сколько книг можно прочесть за год?»

По-моему, вопрос неправильный. Смотря какие книжки! ...У нас в школе создан библиотечный совет. Я тоже в нем состою. В моем личном плане большинство книг на исторические темы. Я интересуюсь историей.

Гера Сомов, 7 класс,
Псков

Я — книжод

Я не «телевизор», а «книгоед». Но иногда я просто увлекаюсь «глотанием» страниц. Словхвачиться, а толку никакого. Важно ведь не просто прочесть книгу, а вникнуть в содержание, пережить прочитанное. Я собираюсь завести читательский дневник, чтобы делить записи о прочитанном.

Люда Ширяева, 7 класс,
Свердловск

ДЕДУШКИНЫ МЕДАЛИ

Дорогой «Барабан»! У нас во дворе случилась история. У Коли умер дедушка. Коля вынес во двор дедушкины военные медали. А Витя вынес монеты. И они стали меняться. Я рассказала про это дома. Папа говорит: «Скажи им, так поступать нельзя». На следующий день я хотела сказать ребятам, что меняться медалями нехорошо, но почему-то не смогла. Вечером папа спрашивает: «Ну, сказала?» Я говорю: «Нет». — «Почему?» — «Не знаю». — «Эх ты, а еще пионерка. Сам тогда скажу».

Я его просила не говорить, даже плакала, а он не послушал. И пошел домой к Коле. Колин папа сильно наказал Колю и говорит: «Зачем ты это сделал?» А Коля говорит: «Я думал, раз дедушки нет, значит, можно...»

Теперь мне проходу не дают: «Ябеда! Доносчица!» Грозятся поколотить.

Галя Б., Ленинград

А ВЫ КАК СЧИТАЕТЕ:
ПРАВИЛЬНО ГАЛЯ
ПОСТУПИЛА?
ЧЕМ У ВАС ВО ДВОРЕ И
В ШКОЛЕ РЕБЯТА
МЕНЯЮТСЯ?
ЧТО КОЛЛЕКЦИОНИРУЮТ?

приехавшие со всех концов Советского Союза. Наш город в Заполярье, и снег лежит до конца мая. Зимой у нас бывает прекрасное зрелище: северное сияние. Переливаясь всеми цветами радуги, сияние медленно уплывает в сторону Мурманска. Прошлый год я видел сияние четыре раза, а нынче только раз.

Сергей Андрущенко,
Мурманская область

СЕРЕБРО НАШЕЙ МАРИНЫ

Марина Юрчюна — серебряный призер первенства Европы среди юниоров. Проплыла 200 м брассом за 2.46.77. Мастер спорта. Любит музыку, танцы и... мороженое. Каждый день работает со штангой весом 12 кг. Сто раз толкает, двадцать — выжимает. Плавает ежедневно от 2 до 10 километров: Марина — один из самых авторитетных людей в отряде.

Юнкор Саша Чернявский,
7 кл., школа № 62, г. Одесса

БАРАБАН ПОЗДРАВЛЯЕТ
МАРИНУ
С СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛЬЮ
И ЖЕЛАЕТ ЕЙ НОВЫХ
СПОРТИВНЫХ УСПЕХОВ!

рят: «Опять выгибаешься!» Никто меня не понимает, и, видимо, никто не сможет помочь. Сейчас мои дела совсем плохи. На улице — сплошные дожди. Брат вечно торчит дома. Где заниматься и что делать — не знаю. В нашей школе нет даже танцевального кружка...

Света Щелудкова,
дер. Яутла Курганской области

Мы передали письмо шести-классницы Светы старшему преподавателю Ленинградского хореографического училища, заслуженному деятелю искусств БАССР Вере Сергеевне Костровицкой.

Вера Сергеевна ответила Свете. Письмо В. С. Костровицкой читайте на стр. 60.

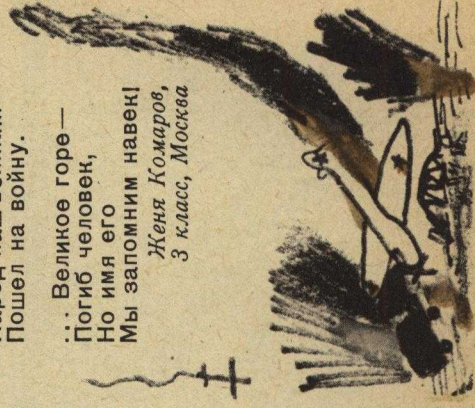

ВОЙНА

Напали фашисты
На нашу страну.
Народ наш великий
Пошел на войну.

... Великое горе —
Погиб человек,
Но имя его
Мы запомним навеки!

Женя Комаров,
3 класс, Москва

УЧИТЕЛЯ ЛЯПУСТИНЫ

(Из дневника отряда Красные следопыты)

В село Кривое мы приехали поздно вечером на совхозной машине. Переночевали в школе. Утром встретились с сельским библиотекарем Григорием Петровичем Козловым. Он рассказал: «Селу Кривому уже 300 лет. В 1907 году в село приехал учитель Алексей Иванович Ляпустин и сразу стал организовывать школу. Про это вы лучше у Ивана Архипыча спросите, у Потапова. Он в этой школе учился. И Ляпустина знал...»

Вот что рассказал пенсионер Иван Архипович: «Богачи сопротивлялись, не хотели, чтоб бедняки грамоте учились. Три года добивался Алексей Иванович своего. В 1910 году открыл школу».

Трудное было время. У многих ни обуви, ни одежды, в школу пойти не в чем. Алексей Иванович и его жена Вера Степановна на свои деньги покупали обувь самым бедным ребятишкам... Я сам, правда, только один класс окончил, но свой учебный год на всю жизнь запомнил. Пре- красные были учителя Ляпустины! Добрые, ласковые...

Потом началась гражданская. Ляпустины помогали партизанам. Ве- ра Степановна связанной была между партизанским отрядом и подполь- ной организацией большевиков в городе Камень. Да и в селе активно действовала. Помню, пришла со старшими ребятами в дом купца Архи- пова — зажиточный был купец, в его доме у нас библиотека сейчас... Конфискуем, мол, ваше имущество в пользу бедняков!.. Купец злобу-то и затаил. Как-то Веру Степановну в город послали с заданием — Архи- пов ее там колчаковской контрразведке и выдал... Мучали ее — ни сло- ва не сказала. Зверски убили. Увезли в Дурной Лог вместе с другими коммунистами, всего сорок восемь человек, — зарыли в землю. Многих живьем еще...

Алексей Иванович с Колчаком дрался, потом детей учил, после снова воевал — в Отечественную, и опять детей учил... До самого конца жизни. Школу нашу называли именем Веры Степановны Ляпустинной. А в 1966 году мы своими силами памятник поставили учителям Ляпустинным. Видели — в центре села? Напротив школы... Всегда свежие цветы ле- жат, ученики носят...»

Мы поблагодарили Ивана Архиповича и тоже положили цветы к подножию памятника.

По поручению отряда следопытов
школы села Зятковская Речка Алтайского края,
летописец Сергей Лоцицкий

КРАСНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ! МНОГИЕ ИЗ ВАС ИДУТ СЕЙЧАС ПОИСКОВЫМИ ТРОПАМИ, ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ РОДНОГО КРАЯ. ПРИСЫЛАЙТЕ В «БАРАБАН» ПОХОДНЫЕ ДНЕВНИКИ. САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ.

Оформление Г. Ковенчука

ШКОЛА ВОЖАТИКА

Звено травознаев вернулось из похода. Кто что принес? Зачем эти растения нужны людям? В какое время и где их собирать?

Вожатик тоже принес из лесу корзинку. Она плотно закрывалась. Кто угадает — сколько в ней? растений?

ДРИБНОЦВЕТ, ГОРЬКУХА, ХОТЮРЮШНИК, КУРИНАЯ СЛЕПОТА, СОНДАРЬ, МАС-ЛЯНКА, ЗОРЯ ЛУГОВАЯ, ИВАНОВА ТРАВА, КОПЕ-ЕЧНЫЙ ЦВЕТ, КЛЕНОВЫЙ ЦВЕТ, КОЗЕЛЕЦ, ЖЕНУ-БОК, ЖАБНЯ ТРАВА.

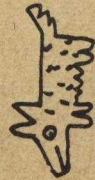

— Ты получил по математике двойку?
— И еще по русскому, папа...
— Значит, у тебя две двойки?
— Если не будешь сердиться, тогда я еще по пению получил...

$$2 + 2 = 2$$

— Почему ты ударил Кату?
— Пусть не обзывается.
— А как она тебя обозвала?
— Драчун.

У Вовки собака, у Кольки собака. Все особачились, кроме меня...

— Я не люблю делать домашние задания с бабушкой.
— Почему?
— Потому что учительница сразу узнает ее почерк.

шина деревни сказал: «Друг! Твоя работа — наша работа. Говори адрес...»

Старейшина подошел к большому барабану, стоявшему на площади, и что-то длинно отгрохотал. Через минуту-две поблизости откликнулся другой барабан.

Некоторое время они деловито переговаривались между собой, после чего старейшина улыбнулся и сказал: «Друг! Все будет хорошо». А вдалеке едва слышно переговаривались барабаны...

Барабанный телеграф докатился до побережья и передал эстафету телеграфу электрическому. Поздравление попало в Москву в срок.

Эту историю рассказал отставному барабанщику писатель Вл. Арно

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА-КАРАКОТА

1. Это не заседание актив-разработок план, хитроумный и тронкий, главная идея вывинута девчонкой.

2. Приметы запомнили? Не теряйте из поля зрения! Задача: поймайте на месте преступления!

5. В самолёте — лечу. беседуют дамы о тонкостях моды и кожных рекламах.

6. А кукер!! Он кукушин!

7. Решите сделать заявление для печати? Лекарством, взысканием, каким-то коварством, взысканием с небывалым коварством.

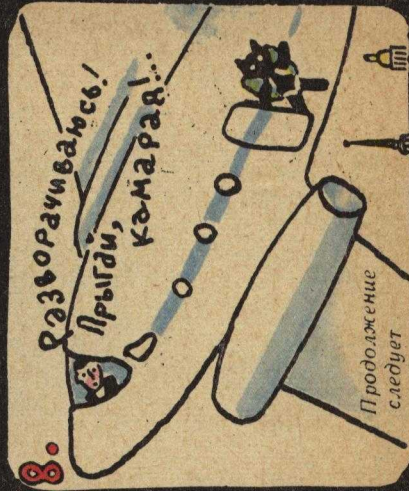

3. На перемене — условный сигнал: «Чёрная лестница! Ход в лоявал!»

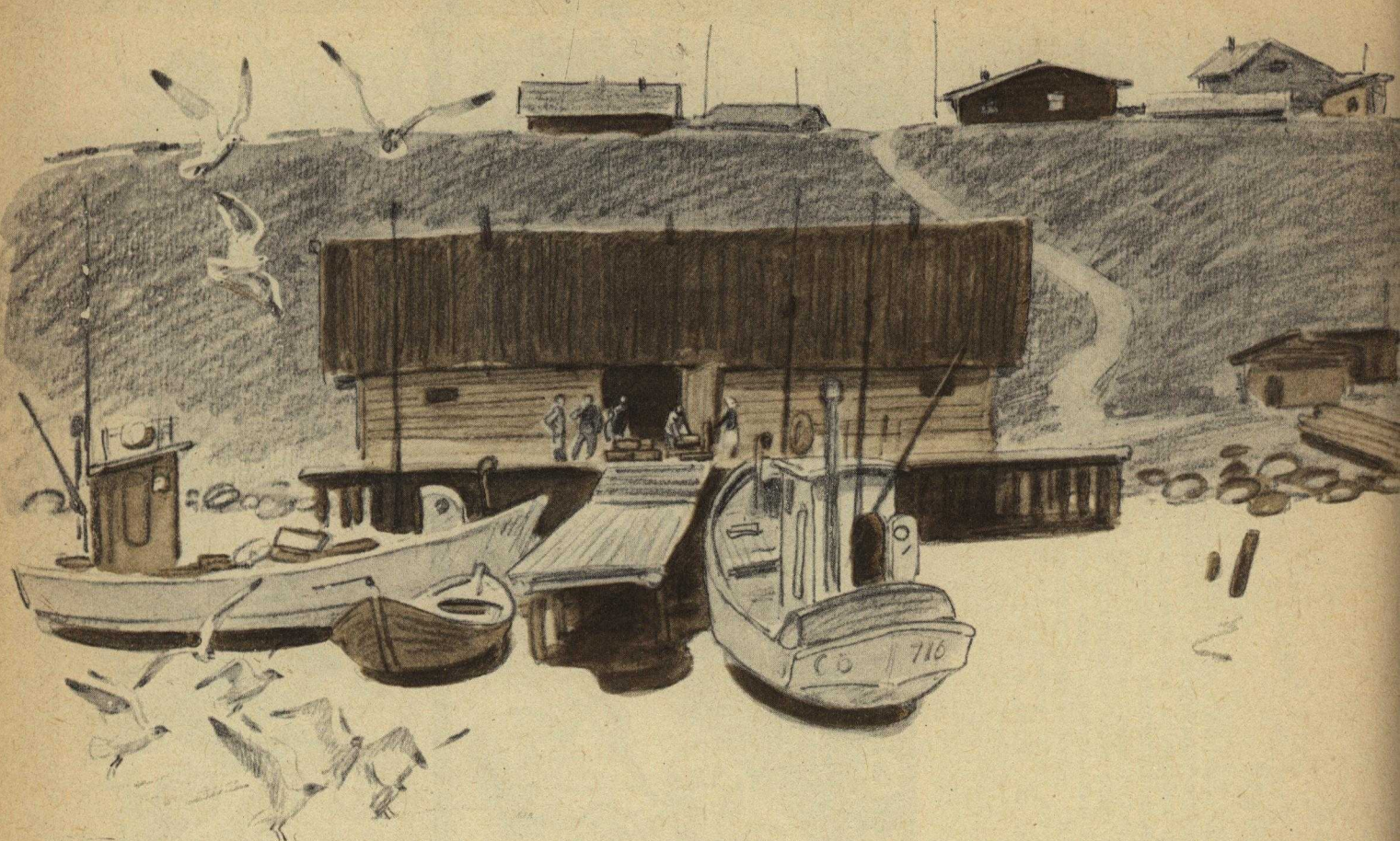
4. Час, Ромка! Квартет! Пондаси стукни-ка! Преступники! Огонь, держите! Живую торгуйте! Вот вам по совести! ГДЕ КАРАКОТ?

8. Разворачивайся! Прыгди, камарая!

Продолжение следует

РЫБА

РАССКАЗ

Радий Погодин

Рисунки Н. Лямина

Сигнал эхолота устремлялся вниз, пронзал толщу воды, отражался от донных скал, от песчаных наносов, от предметов плавающих и затонувших. Он оповещал обо всем, что встречалось на его пути — искал рыбу. Искал между двумя пределами — дном и поверхностью моря. Искал и, как водится, находил...

Все было серым — море, небо, деревья и воздух, только трава казалась жидко-зеленой, словно не росла, не зрела, а была выплеснута из стеклянной банки, где в керосине отмокали кисти.

Женька стоял на косе. По одну сторону море, по другую — залив, большой, как Чудское озеро. И еще одна «акватория» — затон, где отстаивались мелкие рыбацьи суда, где на сваях горбатился рыбный склад: ниж-

ние венцы склада недавно меняли, они были белыми, от чего все сооружение как бы приподнялось и, страшась, зависло над тусклой водой.

Узкий канал с мокрыми травянистыми берегами соединял затон с заливом.

Круторебрый колхозный баркас шел по каналу с промысла, дизелек глухо стучал, оставляя такое чувство, что стучат и живут за стеной, а здесь все измышлено чьим-то бедным воображением.

Баркас подвалил к колченомому складскому причалу, дизелек, хохотнув, заглох. Женька побежал, боясь пропустить рыбу.

Рыбу уже сгрузили и теперь взвешивали, ставя корзины на обитую алюминией платформу амбарных весов. Рыбу всегда сравнивают с серебром, только рыба еще серебристее, кое-где с позолотой, кое-где с воронением, кое-где тонированная розовым, зеленым или сирене-

вым. Удивляло Женьку, что такая тяжелая на вид и такая холодная, она всегда оказывалась и теплее и легче.

Рыбаки сидели на ящиках. Мелкие папироски хрупко дрожали в их красных расплюснутых сетях пальцев. Возле кладовщицы, которая записывала улов в книжку с копирками и, сердясь, поправляла эти копирки, подрагивал поджарый мужчина в замшевой куртке. Мужчина приехал утром на «Жигулях». В руках он держал новенькое оцинкованное ведро и все подвигался к кладовщице, и улыбался, боясь, что она его не заметит.

— Видите ли, сам я не мастер рыбу ловить. Невезучий, как говорится...

— Я уже вам сказала — погода отпущу. Дайте мне с делом справиться. — Кладовщица еще пуще осердилась на свою книжку с копирками.

Поджарый отошел к рыбакам, достал пачку заграничных сигарет, вытряхнул их веером на ладонь, предлагая не стесняться.

— Мужики, рыбаца нету? — В глазах его светилась бурая ненависть ко всей существующей на земле рыбе.

Рыбаки дымили своими мелкими папиросками, только один в суконной давно потерявшей цвет фуражке сказал:

— Эво. Рыбец-то когда идет? В мае.

— Готового. Вяленого. Как домой приеду — они все рыбаца просят, чтоб его черт побрал!

— Может, у кого сохранился, — сказал рыбак. — У нас нету.

Остальные молча курили. Но поднялся молодой парень, задал окурком каблук и, не сказав ни слова, пошел к поселку. Мужчина в замше как бы надвое раскололся: одна его половина стремилась за парнем, другая цеплялась за сидевших здесь рыбаков.

— Может быть, у него есть? — спросил он жалобно.

— Может, и сохранился, — сказал рыбак в суконной фуражке.

Замшевый побежал догонять парня. Догнав, заскакал боком. Его поджарые ноги то опережали кирзовую поступь рыбака, то отставали, вырисовывая некие обещающие фигуры.

— Плевал я на всех рыбаков, чтобы так кланяться, — сказал Женька.

Кладовщица подняла на него затуманенные счетом глаза. Рыбаки даже не шелохнулись.

На единственной длинной улице поселка вдоль канала стояли позеленевшие от времени кирпичные дома, крытые черепицей. На краю поселка, где когда-то были небольшие каналы, а сейчас заболотилось все, темнели громады дощатых сараев, пришедших в негодность, так как подходили они для единоличной зажиточности, но для колхозного дела были малы. На другом конце, неподалеку от уходящего в море широкого пирса белели колхозные постройки

из силикатного кирпича, такие странные среди черепицы и затвердевшей плесени, но было в них что-то настойчивое, как в белом проклюнувшемся из земли ростке.

Женька туда пошел, к новым ремонтным мастерским. Перебрался через отводную канаву по небрежно брошенной доске; середина доски уже выгнила, рядом был мост, но многие жители, по всему видать, предпочитали эту дорогу.

В высокой траве тлели старые лодки. Смола с них осыпалась, в днищах зияли дыры. Одна лодка была сломана поперек, вот уж правильно говорят — скорлупа. Именно в ней, каждый в своей половине сидели двое мальчишек, один Женькиного возраста, другой маленький. Они, наверное, спорили перед приходом Женьки. В выражении лица старшего еще сохранилась непоколебимая истина, у младшего — разрушительное сомнение. Старший глянул на Женьку, подумал немного и ухмыльнулся.

— Вы на голубой «Волге» приехали?

Женька кивнул.

— Откуда будете?

— Из Ленинграда.

— Прозвище у тебя есть?

— Нет, а что?

Младший завозился в своей полулодке и пробурчал:

— Прозвища только у дураков бывают.

— А ты откуда знаешь? — спросил у него старший и улыбнулся Женьке очень дружелюбно. — Маленький, а все знает — будущий академик. Меня Куницей зовут, кличка такая. Он Пафнутий.

— Старинное имя, — сказал Женька с рассудительностью, приличной для первого знакомства.

— Это не имя. Потому что Пафнутий пыхтит.

Пафнутий действительно запыхтел:

— Вы не раздеретесь? Не нужно. Я не люблю, когда Куницу колотят.

— Помолчи-ка, Пафнутий. — Куница развалился в своей половине лодки, как в кресле, спросил беспечно: — Ты из Ленинграда гостинцев привез? Пафнутий конфеты шоколадные любит. И мармеладные тоже.

Пафнутий сглотнул слюну. Женька посмотрел на них пристальнее. По шершавости щек, по нечесанности, по глазам, отводимым в сторону, угадал что-то похожее на сиротство.

К тому времени, когда они уже съели батон с колбасой и, не торопясь, доедали конфеты, Женька знал, что отец мальчишек в Атлантике ловит рыбу, а мама уехала в райбольницу рожать мальчика и что деньги, которые она им оставила на пропитание, они промотали.

— Мы с Пафнутием пожили, — хвастал Куница. — Ух мы с ним пировали! Что хотели ели. От пуза.

— А с родителями разве не что хотели? — спросил Женька.

— Обязательно. Но не то. У родителей спрашивать надо. Когда спрашиваешь, какой пир? Мы как следует пировали, на всю катушку.

— Зато теперь с пустым брюхом, — пропыхтел Пафнутий.

— Ну и что? — Куница обхватил Пафнутия за плечи, сейчас они сидели все вместе в одной половине лодки, поцеловал его в щеку шоколадными губами. — Не помрем. Нас соседи подкармливают. Или в столовой — по вечерам там кафе «Волна»... У нас тут народ со всех мест, как соберутся в «Волне», так всяк про свое. И накормят, и про жизнь растолкуют.

— Я в «Волну» не пойду больше, — пропыхтел Пафнутий. — Чего мы там без денег, как нищие... — Пафнутий далеко высунул язык, слизывая шоколад со щек.

— Я же тебе сказал — я знаю, как зарабатывать. Я с рыбаками на сейнере пойду. Худобно, они мне ведро рыбы за работу отвалят. Я ее продам. — Куница глянул на Женьку отчужденно и мимолетно. — Вы, наверно, тоже за рыбой приехали?

— В определенном смысле, — сказал Женька.

— Правильно, сейчас смысла нет. Весной, когда рыбец идет или угорь, за каждым куском машина. Спортивный лов у нас запрещен, иначе набьется любителей, рыбакам не протиснуться будет. Они берут на измор чувств — председатель и тот рыдает.

— Возьми меня, — сказал Женька, поддавись нахлынувшему вдруг вдохновению.

Оба брата уставились на него, голубоглазые и белобрысы, у обоих верхняя губа полнее нижней, что придавало им вид удивленный и немного обиженный.

— Я тебе рыбу отдам.

Братья переглянулись, выпятили верхнюю губу еще дальше, это придавало их лицам вид возмущенный.

— Мы же тебе говорили — у нас спортивный лов запрещен. Нарвешься, будь здоров будет.

— Нет. Ты пойми, ты меня с собой на сейнер возьмешь, — наверно и мне за работу ведра рыбы дадут.

Пафнутий запыхтел с облегчением, Куница задвигаясь, дружелюбно шлепнул Женьку по плечу:

— Ты хоть плавать умеешь?

— Даже дельфином...

— Ты хоть сто метров проплывешь худобно?

— Может, и километр смогу, если не торопиться.

Куница выпрямил спину, шею вытянул. Посидел так, не мешая противоборствовать чувству ответственности и желанию не быть одиноким в своей опасной затее, затем обмяк, но спросил с пристрастием:

— Как в море берег найти, когда туман?

— По ветру. Ночью ветер всегда к берегу дует.

— Когда туман, ветра нету. По мертвой волне надо... Как стемнеет, приходи на это место. Я ждать буду.

Пафнутий запыхтел неодобрительно, пожал худенькими плечами, успев при этом почесать о плечо щеку, и предостерег:

— Простудишься. Теплую рубашку надень.

Раз или два в году отцом овладевало беспокойство, глаза его становились рассеянными, движения замедленными, слова невпопад.

— Накатило, — говорила мама.

— Да, да, — отвечал отец. — Пора! — Он выпрашивал отпуск за свой счет, хотя бы недели, собирал снаряжение, подходящее к времени года, и уезжал. Но чаще всего это случилось, когда отец с мамой отдыхали на юге.

Мама рассказывала:

— Черное море! В доме отдыха кружок: «Подводная охота». Нырай, стреляй. Не хочешь — лови рыбу удочкой с лодки. Любили ловят. Сдают на кухню, им жарят бычков. Нет, он выше бычков! Он удрал на Дунай.

Бабушка восклицала:

— Дунайская селедка — царская рыба! А что он привез с Дуная?

Дедушка констатировал:

— Рыбу, определенно... — Насладившись снисходительными взглядами жены, ухмылялся. — Интересное, понимаете, получается дело... Стал он кликать золотую рыбку. Приплыла к нему рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, старче?»

Бабушка поджимала слегка подкрашенные губы, вокруг которых, как трещинки на старом фарфоре, насклывались морщины.

— Ты на что намекаешь? Ты такой же, как и твой Игорь Николаевич. — Своего зятя бабушка называла по имени-отчеству, упорно добиваясь, чтобы он наконец это заметил. — Женьку от вас нужно оградить. Не хватает, чтобы вы его испортили.

Бабушкины опасения сбылись. Женьку испортили все же. Прошлым летом бабушка с дедушкой уехали в Кисловодск, поправлять здоровье, маму послали в командировку, отец собрал удочки, прихватил сына, и они покатались на Мурман. Сначала на поезде ехали, затем на попутном грузовике, после — морем шли, на пузатом суденышке, называемом дорой. Шум дизелька никак не мог заглушить тишины.

Когда они прибыли в Песчанку, ночь накрыла и землю, и воду низко висящим витражом, набранным из прозрачных чисто окрашенных полос. Море подступало к порогам деревни, неподвижное, как бы остекленевшее. Спать легли в темной избе. Она шептала, нависая над спящими потолком и иконами, как согнувшаяся над постелью старуха-знахарка. Утром изба засветлела, но шепот остался.

— Это песок за стеной, — объяснил отец.

Первое, что поразило Женьку, когда он побежал на улицу, было море. Не мощью своей, не беспредельностью — Женька видел моря: Балтийское, Черное и Каспийское, — это море ушло! Оно сверкало вдали все сужающейся полосой. Женьке показалось, что оно навсегда покидает деревню, сливаясь за горизонт в глубокую впадину. Пирс, к которому они причалили ночью, шел посуху, похожий на пустую, высохшую многоножку. Потом ошалелый Женькин взгляд зацепился за что-то совсем несуразное — то были якоря. Именно — якоря. Одни лежали, другие стояли на песке торчком. От якорей змеились цепи к завалившимся набок судам. И железные белые катера с красными днищами, и деревянные доры лежали на песке. Смоленые карбасы, задранные носы, толпились возле высоких свай, украшенных сверху донизу водорослями и зеленой слизью.

Женька побежал к морю мимо ободренных днищ, и задранных палуб, и накрененных мачт, мимо этого странного шторма в безветрии. Поскользнулся в луже на чем-то живом и трепещущем — маленькая, с ладонь, белобрюхая камбала взбурлила воду и прикрыла себя песком. Женька замедлил шаги. В лужах изгибались красно-желтые звезды, в ямах у свай колыхались медузы, прозрачные пузыри с пунцовой начинкой. Женька понял — отлив.

Он и завтракал с этим чудом в глазах.

Деревня — серебристые избы, крытые тесом, — поднималась вверх по песчаному белому берегу. На крутизне стояли сосны, как бы пораженные молнией. Удар — они скрючились да так и остались не вырастая.

В деревне было так чисто, что вопреки разуму начинало казаться, будто люди покинули этот берег, захватив с собой все до последней заваливающей соломинки.

И тишина, как бы музейная, несовместная с жизнью.

Отец сказал:

— Оттого, что животных нет, особенно кур. Ни коров, ни овец.

— А вот же собака...

Белая с черным грудастая лайка с шерстью длинной, росисто сверкающей и как бы вздыбленной, высоко подняв голову, пробежала мимо, вкрадчивой рысью, вбежала на пирс, села там в самом конце и уставилась в море.

— Новгородская лайка, — сказал отец.

Женька вздохнул восхищенно.

И околицы в этой деревне не было. Ни заборов, ни изгородей, ни дворов для скота, только древние избы из толстых бревен, вдоль которых винтообразно ползли трещины. Сети, вывешенные на берегу полукилометровыми рядами для просушки, тоже казались серебряными, наверно, от соли. Лишние колья составлены шалашами. Запасные мачты и весла уложены на колки, вбитые в стену приземистого рыбного склада. Все открыто. И ни клочка сена, ни бумажки на белом песке.

Рыбаки у сарая сидят, молча курят папиро-

ски, крепкие и дешевые. И одежда на них крепкая, как бы и не обмятая.

За деревней Женька с отцом наткнулись на рядок струганых, источенных песком столбиков. Столбики маленькие, едва доросли до шиколотки. К одному из них была прибита жестяная звезда.

— Кладбище, — объяснил отец. — Вершинки крестов. Дюна на деревню идет.

Женька глядел долго — дюна стиснула деревню со всех сторон, набилась под ступени крылец, кое-где навалила завалин чуть не под самые окна.

— И деревню засыплет, — сказал он, жалая...

— Ни в коем случае. Эти избы, как поплавки. Жители подведут под избу новый венец или два, она и вынырнет. Если песок разгрести, избы покажутся башнями. Но древние срубы всегда наверху.

В этот же день отец уехал с рыбаками на острова. Женька остался в тихой деревне с молчаливыми хозяевами-стариками, не спрашивал их, что да как, и они смотрели на него одобрительно.

Скучал ли он, собирая звезды и ловя мелкую пикшу на дергалку? Ему казалось — все же скучал. Но когда вернулся отец и они тронулись в Ленинград, Женька, глядя в темное окно поезда, видел эту вечную деревню, в которой не было шума и мелочей, отвлекающих человека от прозрачных восходов солнца, от пылающих на две трети неба закатов, от уходящего и приходящего моря, от древних изб, сохранившихся в первозданном виде.

Узнав, что в Песчанке ловится семга, бабушка сказала:

— Семга — царская рыба! Надеюсь, Игорь Николаевич привез семгу? Ах, не привез? — Маме бабушка посоветовала: — Тебе нужно дочку родить, иначе к старости останешься без понимания. Женька в отца. Ты ему станешь говорить про Фому, он тебе про Ерему...

На рейде зажглись буй. Узкие тропки бежали по спокойной воде. Мир стал похож на бутылку из темного стекла — вокруг мглы и лишь вверху, там, где горло, горит одиноко звездочка. На дне бутылки стоят Куница и Женька и такое ощущение у них, будто делаешь шаг — и ударишься лбом о холодную гладкую стену. В поселке перестреливались телевизоры, орали транзисторы и магнитофоны, комбайн «Фоника» пел в вечернем кафе по-польски. Пахло водорослями, прелой водой. Суда и лодки в затоне терлись бортами. Что-то хлопало, что-то скрипело, вздыхало, еле-еле, едва ухом уловишь. Звуки поселка и звуки моря не смешивались, не смешивались и запахи.

«Если ветра нет, откуда на воде шевеление?» — подумал Женька. И, словно угадав его мысли, Куница сказал шепотом:

— Мертвая зыбь. Где-то приливы, отливы, где-то подводные течения. Худо-бедно вода в море всегда перемешивается, иначе бы оно прокисло.

Попривыкнув к темноте, Женька различил на рейде рефрижератор, самоходную баржу — танкер; суда небольшие, малой осадки, для прибрежного пользования. Темная бутылка как бы лопнула, открыла для глаз и для ощущений и рейд, и поселок, и весь неусыпный мир.

«Отец ушел в залив, я — в море», — подумал Женька.

Куница сказал:

— Раздевайся. Одежду на голову привяжи. С берега не пойдем, пограничники прожектором схватят.

Гася свет буев и еле приметные блики, неведь откуда упавшие на воду, налетел белый луч, впился в бока перевернутых лодок, от них словно пар пошел. Луч дальше тронулся, вскипятил море. Как бульющие пузыри, лопались на воде очертания катеров, шаланд и баркасов, повисли в светящейся пелене совхозные сейнеры.

— Под пирсом пойдем и поплывем сначала под пирсом, а как пирс кончится — по открытой воде. Ближе всех «Двадцатка» стоит — у кормы ялик. По-собачьи, чтобы без всплесков. — Куница уже разделся, Женьку ждал. — Ну, — сказал он. — Пора.

Они пошли вдоль пирса и, пройдя несколько шагов, забрались под настил, где пахло дегтем и тухлой рыбой. Дно понижалось быстро. Через несколько шагов пришлось плыть. Женька тут же стукнулся лбом в сваю, пирс загудел — ему показалось, — а сам он пошел ко дну. Ему стало страшно, потом смешно, он поправил одежду, закрепленную на голове, пригляделся и как бы осознал окружающее его пространство; вода даже под пирсом, в тени, слабо светилась, настаивалась то синим, то коричневым цветом, сваи же были плотными и черными, они четко вздымались и несли на себе тоже черный настил, в щелях светлело небо. Женька неторопливо поплыл за Куницей, не суетясь, и от этого приобретаая свободу движений. Он видел, где кончается пирс, — там пространство резко светлело. Подплыв к Кунице и уцепившись за сваю, Женька разглядел две пары ног, свисающих над водой. Куница прижал палец к губам.

— Дед, — слышался сверху молодой голос. — Ты испанок видал? — в вопросе слышалась грустная усмешка.

— А где мне их видеть — в нашем лесу они не водятся.

— Что же ты за весь свой возраст нигде не бывал?

— Где же рыбаку бывать — небось, где рыба. С Ильмена на Камчатку пошел, во Владивостоке работал, в Мурманске, в Астрахани, на море Аральском, потом снова на Ильмене, теперь здесь. В отпуск ездил, как водится — на курорт. А испанки... нет, не встречались. Думаю, бабы как бабы.

— Циник ты, дед, — ответил молодой голос. — Женщин нельзя бабами называть. Ты что, и по телевизору испанок не видел?

— В телевизоре, смекаю, все брюнетки.

Молодой вздохнул.

— Заработаю, цветной телевизор куплю или в Калининград мотнусь, устроюсь на фрахт, весь мир повидаю.

— Лучше за рыбой иди, в тунцеловы.

— Тунец разве рыба? Это же чемодан, нестерпимый сейф. Я рыбу люблю красноперую, с пушистым хвостом... Ленточка есть такая, с бантиком, на шляпе. Вот, чтобы талию у моей рыбки можно той ленточкой опоясать.

— Русалка тебе нужна, знать...

Куница прыснул, зажав рот ладошкой. Голова на минутку смолкла, затем дед сказал:

— Никак ты всерьез русалку накликал. Вроде хихикнуло...

— Если бы... Дед, дед, всякое чудо кончается простым конфузом: бутылка пустая по морю плавала и утонула, булькнув нам на прощание... Капитан придет, скажи — ждал его Коля и ушел на корабль.

— Подождет бы еще. Мне же его придется переправлять.

— Переправишь, тебе все равно делать нечего.

Коля спустился по деревянной лестнице, отвязал ялик, оттолкнулся от сваи веслом; ялик пошел, прорыв на воде борозду, в темноте борозда казалась глубокой, а ялик тяжелым. Женьке в нос ударили волны. Блики пошли плясать. Женька замерз и не сразу почувствовал, что Куница толкает его в плечо и кивает — поплыли.

Эхолот шелкал и шелкал. Неощутимо, как взгляд, обращенный внутрь души, к картинам памяти, где вечно плывет золотая рыбка, устремлялись эховолны, искали в глубинах и близко к поверхности.

Старик Полуякин, сторож, сидел на краю пирса, свесив ноги в стоптанных кирзовых сапогах. Ревматизм сверлил кости ног неторопливо и тупо. Боль поднималась от щиколотки, опускалась от колена и, сталкиваясь посреди голени, разогревала ее. Старик хотел скинуть обувь, чтобы ветер остудил боль, привычную и надоевшую; старухи рыбаки то скливо шутили, — мол, у зажившихся на свете рыбаков на ногах вырастают клешни; давно это было, когда он вытирал нос подолом холщовой коротенькой рубашонки, он тогда все на свои ноги глядел и боялся, что обезобразятся они, такие ровненькие и бегучие.

Старик смотрел в темное море. Под ударами прожектора оно как бы оледенело, преобразуя свое тепло в белый холодный блеск и сверкание.

Думал старик о русалках, о водяных девах. Ведь когда-то возникло такое мнение. А русалок он видел однажды. На Крайнем Севере.

Промыслили рыбу в тундровых озерах. Опускали невод в одну прорубь, вытаскивали в другую, на другом краю озера. Тянули лошаадьми. И на лошадах отправляли в поселок за тридцать верст. Пока рыбу грузили в розвальни, она замерзала и звякала, ударяясь друг о друга. Сиги в основном. Тогда он молодой был, и солнце на севере было яркое — апрель. Он с обозом пошел, один на двое с ней.

Шли в невысоких скалах, по речке. Тогда он и увидел русалок. Они стояли на хвостах хороваем. В блеске и переливах.

Ах, что тогда солнце делало! Обледеные валуны сверкали, как бриллианты в царской короне. А на снегу — радуги. А в радугах шесть русалок стоят на хвостах и тоже сверкают, жемчугами увитые.

Старик вспомнил, как перекрестился он, забормотал: «Свят, свят...» — край глухой, без-

людный. Все же подошел к ним и обомлел. То была рыба! Шесть крупных нельмин стояли на хвостах, заледеневшие, смотрели в небо большими глазами. А вокруг никого, только круглая прорубь, уже затянутая зеленым льдом. Он хотел вырубить нельмам хвосты, погрузить рыбу на розвальни. Но не сделал этого. И радовался тому, что не сделал. Наверное, местные люди поставили рыбу свечками, чтобы легче потом найти, когда приедут за ней на оленях.

Но какое-то короткое время были русалки. Были от солнца, от горячей молодой крови. Раз были, так, значит, и есть.

И снова засмеялся старик, глядя в темное море.

Когда мальчишки подплыли к сейнеру, ялик уже был привязан к корме.

— Сколько он нас в воде продержал, худобно. зуб на зуб не попадает. Смотри не чихай... — Взобравшись в ялик, Куница подтянул его за веревку к сейнеру, по этой же веревке взобрался на борт, перевесившись оттуда, помог взобраться Женьке.

Они пробежали к надстройке и притаились. На соседнем судне играла музыка. Куница нащупал какую-то дверь, приоткрыл ее, звякнув ручкой.

— Камбуз. Согреемся малость. Труссы отожмем.

В камбузе было тепло. Пахло жареной рыбой. Они отжали трусы, растерли тело майками, но лишь после того, как надели фланелевые рубашки, брюки и кеды, Женька почувствовал, что шея его расслабилась, зубы перестали стучать.

Так же тихо они вылезли из камбуза и полезли по железному трапу наверх, на спардек.

— Давай под брезент, — Куница приподнял край сложенного на спардеке брезента. Укрылись брезентом со всей осторожностью, но он все-таки шлепнул углом о металлический пол, тихо, как по воде ладошкой.

— Звуки какие-то посторонние, — сказали внизу, — слышишь, то брякнет, то шлепнет...

— Это русалки. Они сегодня меня преследуют, больно я парень красивый. Я тебе, Захар, доложу — талия у них, как песня.

Женька прижался к Кунице, ощущая, как бьется Куницыно сердце; он старался не дышать и, пригревшись, задремал, наверное. Очнувшись от шума, от буханья тяжелой обуви. Внизу говорили:

— Самолет передал — на банке косяк салаки стоит, тонн тридцать...

— Мореходы, как наше дело? Салака хороша маринованная.

Задремав снова, Женька пропустил момент, когда сейнер снялся с якоря и не вдруг почувствовал, как металл передает от двигателя ритмичное содрогание, как кренится надстройка, услышав шипение воды под форштевнем, и,

словно боясь упасть с высоты, он обхватил Куницу и крепко к нему прижался. Все заскользило неудержимо и ушло в темноту.

Проснулся Женька от необычайного света, бьющего сквозь веки, открыл глаза и, ослепленный, зажмурился. Над ним гремел неестественно громкий голос:

— Здорово, русалки!

Женька заслонил глаза ладонью, приоткрыл их и понял — прожектор.

— Как на судно проникли?!

— Не кричи в мегафон, мы тебе что, глухие? — ответил Куница.

— Куница! В морские волки подался? А это кто с тобой?

— Товарищ. Из Ленинграда.

— Ясно! Сыпьте к капитану. — Голос ослаб, став нормальным человеческим голосом. Женька узнал любителя красноперой рыбы и увидел его, — он оказался высоким плечистым парнем, от него резко пахло машиной.

— Не робей, это механик Коля, — сказал Куница. — Шумный он. Его Бухолем иногда называют.

— Я вот тебе побухаю! Сказал — сыпьте к капитану! Захар, выключай прожектор.

Выше, на мостике, раздался смешок, и прожектор погас. Глаза заломило от темноты, ни звезд, ни теней, только разноцветные вертящиеся круги. Механик Коля уже кричал вниз:

— Капитан, на спардеке две темные личности, я соображаю, они в Швецию собираются. Как ты лезешь? Переворачивайся! — это уже относилось к Женьке. Обалдев от яркого света, от мегафонного голоса и темноты, Женька спускался по трапу вниз головой.

В рубке было тепло и очень светло.

Капитан посмотрел на ребят пристально.

— Вот какие русалки. А если я вас доставлю на погранзаставу? Там разберутся, пожалуй, что к чему и каким образом...

— Не доставите. Вы, товарищ Малыгин, сейчас за рыбой бежите, а на заставу вон какой крюк — рыба дожидаться не будет.

В рубке был еще один человек, его называли старпомом. Он засмеялся.

Куница разулыбался тоже, как бы успокаивая капитана, добавил:

— Мы же не на экскурсию, мы же работать. Две пары рук пригодятся.

Капитан пощупал Женькины плечи. Женька ойкнул — после такого осмотра не то что рукой, пальцем не шевельнешь.

— Коля, покажись им, пусть узнают на будущее.

Механик Коля скинул куртку, выпятил грудь, упер кулаки в пояс, подал локти вперед. Под грудью у него возникла будто пещера. После этих маневров сделался он похожим на литую

бетонную статую, раскрашенную для моряцкого утверждения в синюю и белую полосы.

— Капитан, спустим их на лине за борт; пусть носами свистят, рыбу приманивают. — Механик уселся на штурманский стол, застланный полушубком. — Если подумать — пусть привыкают к морю, может, капитанами вырастут или, как я, механиками.

Капитан стал в дверях, что-то долго глядел в темное море, невидимое в рубке из-за яркого электричества, но ощутимо присутствующее.

Над столом, где сидел Коля, похожая на столовское меню, висела инструкция в рамке. Женька прочитал про себя:

«КАПИТАН:

1. Пожарная тревога: общее руководство — находится на мостике.

2. Водная тревога: общее руководство — находится на мостике.

3. Шлюпочная тревога: командует шлюпкой, последним покидает судно».

«Про нас в инструкции ничего нет, — подумал Женька. — Мы не тревога».

Капитан Малыгин с костистой головой, выпуклым лбом, приподнятыми плечами, тоже костистыми и как бы распахнутыми, напомнил Женьке тех рыбаков из Песчанки: в глазах покойная твердость, одежда крепкая, словно и не обмятая.

— Старпом, — сказал он, — поди Захара смени, парень на вахте стоял и сейчас за рулем. Как маяк из-за мыска мигнет, повернешь прямо на зюйд. Скоро в квадрат придем.

Старпом ушел, подмигнув ребятам. Механик Коля поправил на голове новенькую фуражку.

— Ход у нас, товарищи будущие моряки, первое дело. Вот, к примеру, на этом сейнере. Называется он СЧС — средний черноморский сейнер, модифицированный для условий Балтики, машина триста лошадиных сил. На других сейнерах сто пятьдесят. Кто первый к рыбе успеет? Опять же — мы. Капитан у нас с дипломом дальнего плавания, в Сингапуре бывал. Бригадир самый лучший тралмастер на побережье. Механик почти Кулибин. — Он ткнул себя в грудь. — Три раза в высшую мореходку поступал — не приняли. Говорят: «Коля, ты больше нас знаешь». Так что гордость имейте, не позорьте наш прекрасный передовой корабль. Полушубок видите? Это мне премия от капитана.

— Если я твой полушубок еще на столе увижу — выброшу в море, — сказал капитан. — Куница, что от матери слышно?

Куница шагнул вперед, словно капитан Малыгин подтянул его к себе взглядом.

— А что же еще — у нас только рыбаки рождаются. Гошкой хотим назвать.

В рубку вошел рулевой. Остановился в дверях.

— Захар, отведи пацанов в кубрик, нечего им в рубке толкаться.

Продолжение следует

СООБЩЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1. Знаем способы лова рыбы: ставными сетями; на свет — рыбонасосами; ярусами; донными тралами.

Экипаж экспедиционного судна «Алдан»

2. На девятнадцатый век приходится самое большое число русских кругосветных плаваний — 49! Каждое можно назвать знаменитым. Из путешественников, моряков и ученых назовем Отто Коцебу, участника трех кругосветных плаваний: в 1803, 1818 и 1823 годах...

Экипаж теплохода «Чайка-б»

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Оставив за кормой низкий, приглаженный ветрами остров Кергелен, шхуна, подгоняемая пассатом Индийского океана, продвигалась на северо-восток. Робинзон осматривал горизонт в бинокль.

— Вижу судно, — сказал он. — Идет прямо на нас... Только Робинзон произнес последние слова, как вдруг...

*Оформление
А. Курушина*

Один из отрядов клуба юных моряков школы № 18 г. Новосибирска — экипаж корабля „Надежда-3“. Ребята пишут: „Наш клуб существует шестой год. Начальник клуба — учительница Таисия Тимофеевна Бородинна. Морские дела — само собой, а еще мы организовали ансамбль песни и пляски и выступаем в подшефных сельских школах“.

... КАК ВДРУГ

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Румпель. — Не пожар ли там?

Приближающееся неизвестное судно окуталось клубом дыма. Над морем прогремел гром. Что-то блестящее, серебристое, острое, словно игла, оставляя огненный хвост, взлетело с палубы судна...

— Вот так так, — сказал Быстроходов. — Военный корабль! Мы попали в район учений какого-то военного флота... Одолжите мне бинокль, Робинзон.

— Не может быть! — возразил Румпель. — Зрение у меня хорошее, и без бинокля вижу: большой белый теплоход...

— Да, — согласился Быстроходов, — это судно, а не корабль... Скорее всего, — научно-исследовательское...

— О чем вы говорите? — поинтересовался Робинзон. — Судно, корабль... Разве это не одно и то же? Тогда что же такое — наша шхуна?

Впрочем, ответить ему никто не успел, потому что нужно было ложиться на другой галс, и Румпель поспешил к парусам, а Быстроходов на корму, к рулевому — подать команду для поворота шхуны.

ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

1. Почему корабль называют кораблем, а судно — судном?
2. Мог ли мирный теплоход выстрелить ракетой, а если мог, то для чего? И что это за ракета?
3. Какие советские научно-исследовательские суда вы знаете?

ПОЧТА ЭКСПЕДИЦИИ ПО СИГНАЛУ «SOS»!

Всем участникам экспедиции! В школьной библиотеке села Рязановка нет ни одной книги по морскому делу. Капитан корвета «Буденный» (№ 460) Валерий Ключко, не имея самых необходимых книг для прокладки курсов и правильных ответов, — терпит бедствие в открытом море...

Штаб экспедиции предлагает: срочно помочь Валере. Каждому экипажу послать Валере из имеющихся в судовых библиотеках экипажей морских книг — по одной книге. Координаты терпящего бедствие корвета «Буденный»: 459090, Кустанайская обл., Рязановка, Рязановская сельская библиотека, Валерию Ключко и всем рязановским ребятам.

Названия высланных книг сообщить в очередных рапортах в штаб экспедиции.

ИНФОРМАЦИЯ

За успехи в «Экспедиции вокруг света» штаб решил предварительно поощрить лучшие экипажи.

1. За содержательные и интересные ответы — книгой «Доблесть русского флота»: экипаж «Ласточки» (капитан Миша Попов, г. Куса Челябинской обл.), экипаж «Шенеги» (капитан Коля Шевухов, Новомичуринск).

2. За лучшие иллюстрации к рапортам — «Дипломом пингвина» и набором красок и кисточек: экипаж бригаантины «Алые паруса» (капитан Слава Резник, Мелитополь), экипаж теплохода «Техас» (капитан Женя Денисов, поселок Эльбан Хабаровского края), экипаж «Северянки-3» (капитан Раис Аджижитов, Фрунзе).

Николай Урванцев—студент.
1912 год

ЗОЛОТАЯ СВИРЕЛЬ ПРОФЕССОРА ОБРУЧЕВА

В 1911 году знаменитый геолог и путешественник профессор Владимир Афанасьев

виз Обручев (тот самый, который потом написал о загадочной «Земле Санникова», «Плутонию» и многие другие научно-фантастические книжки) прочитал в Томском технологическом институте публичную лекцию о своей экспедиции в горную страну Джунгарию.

На лекцию пришел и Коля Урванцев — студент механического факультета, человек основательный, которому с детства прочили судьбу инженера-механика, изобретателя (из самых обычных подручных средств он мог собрать, склеить, сконструировать такое, на что другому понадобилось бы несколько месяцев на размышление и три полные коробки «Детского конструктора»).

Коля Урванцев пришел просто поглядеть на профессора. Он сидел в четвертом ряду, заготовив для рассматривания

самые сильные свои очки (Коля Урванцев, увы, был близорук).

И вот Обручев взошел на кафедру. С большим удовольствием произнес слово «Джунгария», и Урванцев отчетливо понял, что сейчас с ним произойдет то, что уже однажды произошло с детьми из немецкого города Гаммельна, когда в этот город явился неизвестно откуда флейтист и игрой на своей волшебной дудке увлек за собой всех детей неизвестно куда.

Действительно, Обручев был отличным рассказчиком — мог увлечь кого угодно и заставить поверить в вещи, казалось бы, совершенно невероятные.

И когда профессор закончил лекцию, он совсем не предполагал, что в четвертом ряду сидит загипнотизированный им Коля Урванцев и что с этого дня механический фа-

Яков
Длуголенский
Рисунки
В. Топкова

О человеке, который

культет лишается одного своего студента, зато геологический приобретает его.

ДЖЕК ЛОНДОНЕНОК

Кто дал это прозвище Коле Урванцеву — сейчас, спустя шестьдесят лет, выяснить трудно.

Весной будущие геологи уезжали на практику. И каждый руководитель старался заполучить в свою группу студентов наиболее прилежных и наиболее толковых — в том смысле, чтобы они были хорошими товарищами, людьми вполне самостоятельными, умели думать, не раскисали бы от тягот и неудач.

Джек Лондоненок отвечал всем профессорским идеалам. После первой практики Урванцева начинают зазывать в самые разные геологические партии. Начальники партий клятвенно заверяют, что имен-

но они сделают замечательные геологические открытия. Руководителей не смущало, что Коля Урванцев брал три пары очков — третью на тот случай, если первые две разобьются.

Его сманил профессор Михаил Антонович Усов, который никаких особых открытий не обещал, сказав просто, что его экспедиция будет наиболее трудной. И оказался прав. Несколько сезонов Коля Урванцев лазал по горам Хакасии и Кузнецкого Алатау — искал и изучал уголь, железную и медную руду.

Но вечерами, в свободные минуты, он доставал из рюкзака потертую карту и изучал совсем не Хакасию и не Кузнецкий Алатау, а Арктический Север, окрашенный на карте в белый цвет. Окрашенный так совсем не потому, что был покрыт снегом, а потому, что был мало изучен.

В то время большинство экспедиций, которые предпринимались на Крайний Север, оканчивались неудачами. Достаточно вспомнить экспедиции Георгия Седова, Владимира Русанова, Эдуарда Толля — ни Седов, ни Русанов, ни Толль из своих экспедиций не вернулись...

В ДОЛИНЕ НОРИЛКИ

В 1918 году Советское правительство решило начать освоение Северного морского пути.

Молодое государство не устраивали белые пятна на географической карте.

В начале 1919 года Николая Николаевича Урванцева пригласили в Сибирский Геологический комитет. Урванцев уже знал: в разные концы с разными заданиями — искать уголь, нефть, руду — отправляются геологические экспе-

закрашивал белые пятна

С женой Елизаветой Ивановной
на месте будущего Норильска.
Май, 1923 год

диции. И только на Таймыр ехать желающих не находится.

— Никто не хочет? — удивился профессор Усов. — Пошлите туда Джека Лондоненка. Он найдет!

— Геолком поручает вам, — торжественно сказали Урванцеву, — найти на Таймыре промышленные месторождения каменного угля. Геолком надеется, что с этой задачей вы успешно справитесь.

Пять человек во главе с Урванцевым (на большую партию средств не хватило) отправились в дорогу. Почти два месяца, меняя железнодорожный вагон на речной катер, катер на собачью упряжку, собак на оленей, добирался он до места.

Наконец, прибыли на Енисей.

Пройдены первые 270 километров по берегам Енисея — никаких намеков на уголь.

Облазали берега соседнего Ергалаха — и там пустые породы.

Тогда Урванцев решает дви-

нуться в долину реки Норилки.

Полуголодные, плохо одетые, пятеро отправляются в путь. Пройдено еще 200 километров.

И вот здесь, в пятнадцати километрах от долины реки, в унылом комарином месте, среди болот и чахлой тундры, был обнаружен, наконец, каменный уголь.

Но сначала надо было разведать, подсчитать его запасы, а уж потом докладывать: уголь на Таймыре есть.

Впятером с такой задачей вряд ли можно было справиться. И на следующий год с Урванцевым приехали пятнадцать человек. На всю группу десять пар сапог и ни одного полуботка. Основные инструменты — лопаты.

Первую разведывательную штольню закладывали вручную. Крепезный лес на высокую гору таскали на себе.

Николай Урванцев наткнулся на остатки старинной медеплавильной печи. Еще дальше нашел заброшенную штольню.

Эта находка не давала Урванцеву покоя. Значит, где-то должны залежать коренные руды? Но где? Где?

Теперь одновременно с разведкой и подсчетом запасов каменного угля Урванцев искал медную руду.

Искал почти год.

И руда была найдена.

Когда сделали предварительный химический анализ, оказалось, в медной руде содержится высокий процент никеля!

Для полного и всестороннего анализа Урванцев отправил образцы в Петроград.

С запасами угля все оказалось в порядке: месторождение крупное, хватит для промышленной разработки на многие десятки лет.

Вот что записал в те дни Урванцев в своем дневнике:

«Несомненно, в долине Норилки со временем будет построен город с рудниками и шахтами, фабриками и заводами. Будет проложена железная дорога. Город станет тем центром, вокруг которого будут возникать все новые по-

селки и предприятия. И тогда спадет проклятие заброшенности с этого края вечной мерзлоты...»

Одновременно с первой шахтой экспедицией Урванцева был построен первый в этих местах дом.

С этой первой шахты и с этого первого домика (который сохранился и тщательно оберегается) начался нынешний город Норильск и Норильский горнометаллургический комбинат.

ПОЧТА АМУНДСЕНА

Поскольку с углем и медной рудой было ясно, из села Дудинское (это потом село стало крупным портом Дудинка) надо было к месторождению прокладывать железную дорогу. Это более ста километров по болотам и вечной мерзлоте. И где взять силы, время и средства?

Урванцев предлагает провести узкоколейку от месторождения до реки Норилки. Это в пять раз короче. Значит, дешевле и быстрее. Далее перевозить уголь речным путем: по Норилке и Пясине до Карского моря.

Но судоходны ли реки? Никто не знал. Урванцев решает сам выяснить это.

К тому же Урванцеву не давала покоя судьба исчезнувшей почты Амундсена.

Амундсен, зимовавший на шхуне «Мод» у мыса Челюскин, поручил двум матросам, Тессему и Кнудсену, доставить почту и научные дневники в Норвегию. Матросам надо было пройти тяжелый тысячекилометровый путь вдоль побережья Таймыра до села Дудинское. Ни Тессем, ни Кнудсен в Норвегию не прибыли. Были организованы поиски. Известному охотнику-промысловнику Никифору Бегичеву удалось останки одного из матросов найти. Второй же и почта исчезли...

Сначала Урванцев предполагал плыть вчетвером. В последний момент неожиданно присоединился к участникам экспедиции пятый — сам Ники-

фор Бегичев, тот самый, который в бухте Глубокой нашел останки норвежского матроса, тот, который много лет назад вместе с Э. Толлем участвовал в поисках таинственной Земли Санникова, открыл в Хатангском заливе остров, названный впоследствии островом Бегичева, вывез на оленях затертую во льдах экспедицию Вилькицкого.

Четверо занимались топографической съемкой и зарисовками берега, замерами глубин.

И все время Бегичеву и Урванцеву не давала покоя мысль: где-то в этих безлюдных краях исчез второй спутник Амундсена.

Наконец, пройдены Норилка и Пясины. Вот и Карское море — неприветливое и студёное. Пятеро решают плыть к острову Диксон, пересечь на пароход и вернуться в Дудинку.

Урванцев, который изучал проплывающий берег в бинокль, вдруг заметил какие-то белые пятна...

— Гребите к берегу! — быстро сказал он.

Бегичев, который сидел на руле, невозмутимо попыхивая трубочкой-носогрейкой, встретился:

— Что там?

— Или кварц, — сказал Урванцев, — или...

Они подошли к берегу. Урванцев поднял один из листочков. Это были бумаги почты Амундсена. Неподалеку были найдены два пакета, зашитые в непромокаемый материал и чудом пощажённые песцами и медведями. Вместе с пакетами лежало несколько визитных карточек Амундсена. Вот что на них было написано: «Милостивый государь, не откажите во всевозможном содействии г-ну П. Л. Тессему при отправлении телеграмм и дальнейшего продолжения пути с почтой в Норвегию».

Целый день Урванцев, Бегичев и их спутники искали следы исчезнувшего Тессема, но ничего больше не нашли.

Прибыв на Диксон, Урванцев засел за составление карт

Норилки и Пясины, а также доброго куска Таймыра, который они попутно исследовали, а Бегичев с остальными участниками экспедиции отправился на охоту.

И примерно в двух километрах от жилья неожиданно они нашли труп Тессема.

Вещи, которые были найдены при Тессеме, а также дневники экспедиции и письма были отправлены через Министерство Иностранных Дел в Норвегию.

Вскоре Бегичеву и Урванцеву пришла в Москву посылка.

Норвежское правительство благодарило русских полярных исследователей и просило каждого принять в дар золотые часы. На крышке часов было выгравировано: «Господину Урванцеву Н. Н. от правительства Королевства Норвегии» и «Господину Бегичеву Н. А. от правительства Королевства Норвегии».

Послесловие первое. За открытие Норильского месторождения и за исследование рек Норилки и Пясины Рус-

На Северной Земле.
1931 год

ское географическое общество наградило Николая Николаевича Урванцева Золотой медалью имени Пржевальского.

Послесловие второе. «Из Петрограда. Норильская руда, направленная вами для анализа, содержит помимо никеля высокий процент платины. В руде установлено также присутствие кобальта, золота, серебра и других элементов. Геолком».

Послесловие третье. Никифора Бегичева уговаривали

принять участие в предстоящей полярной экспедиции, но старый охотник вернулся на полюбившуюся ему Пясину, организовал охотничью артель, но вскоре погиб от цинги.

ХАНТАЙКА

Начиналось строительство рудничного поселка.

Для взрывных работ из Дудинки нужно было доставить взрывчатку. Прослышав об опасных свойствах динамита (на морозе от тряски он может взорваться), каюры — погонщики оленей — наотрез отказались в этом предприятии участвовать. Урванцев сам погрузил на нарту взрывчатку и тронулся в неблизкий путь. Он ехал на почтительном расстоянии от всего каравана.

Снегу было мало, нарты трясло и подкидывало на всех кочках и ухабах, а один раз они даже завалились набок.

— Ну, все! Взорвался очкастый! — сочувственно и сокрушенно говорили каюры, ехавшие во главе каравана.

Урванцев полежал, ожидая взрыва, но груз почему-то не взорвался.

Весной Урванцев начал готовиться к новой экспедиции — по реке Хантайке. На карте она была отмечена пунктиром, то есть о ее существовании знали, но никто никогда на ней не был. Даже пастухи-оленьеводы.

Послесловие четвертое. По центральному Таймыру на будущий год было пройдено на лошадях, на оленях, на моторной лодке, пешком около десяти тысяч километров — расстояние большее, чем от Мо-

сквы до Владивостока. Были открыты новые месторождения угля, нефти, полиметаллических руд, исследованы, названы, нанесены на карту многие реки, горы, озера. С географических карт исчезло белое пятно, размером с Англию и Грецию вместе взятые.

ДВА ГОДА НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Одиннадцать лет отдано Таймыру. Казалось бы, можно забыть на время об оленьих упряжках и посидеть немного дома. Но сидеть дома было не в характере Урванцева. Ранней весной 1930 года, вернувшись с Таймыра в Ленинград, он начал готовиться к новой экспедиции — на Северную Землю.

О земле к северу от Таймыра знали еще русские землепроходцы в начале XVII века. Однако, чтобы увидеть воочию эту землю, понадобилось четыреста лет!

Достичь ее пытались многие: Челюскин (1742 год), Миддендорф (1842 год), швед Норденшельд (1878 год), датчанин Ховгард (1882 год), норвежец Нансен (1893 год), Толль (1901 год)...

Честь открытия Северной Земли принадлежит экспедиции Б. Вилькицкого, участники которой в 1913 году не только увидели Землю, но и высадились на нее, подняв государственный флаг и объявив Землю территорией Российской империи.

Но по-прежнему, как и четыреста лет назад, оставалась она за семью замками: ни размеры ее, ни очертания не были известны. Последняя неведомая земля во всей Арктике.

И вот, Урванцева вызвали в Москву. Единственное, что пока было известно ему о предстоящей экспедиции, это имя второго ее участника — Г. А. Ушакова, который до этого три года зимовал на острове Врангеля.

Когда Урванцев вошел в вагон поезда Ленинград—Москва, в купе уже сидел один пассажир — невысокий коренастый мужчина. Как водится, дорожные попутчики быстро разговорились.

— Последние одиннадцать лет я в основном провел на Таймыре, — сказал Урванцев.

— А я последние три зимовки — на острове Врангеля.

Тут они удивленно воззрились друг на друга.

— Так вы — Урванцев?!

— Так вы — Ушаков?!

Экспедиция Урванцева — Ушакова, которой предстояло два года работать на Северной Земле, состояла из четырех человек.

Радист В. В. Ходов обязан был поддерживать бесперебойную связь с материком и передавать на материк метеосводки.

Охотник — промышленник С. П. Журавлев — обеспечивать зимовщиков и ездовых собак медвежьим мясом.

Начальнику экспедиции Г. А. Ушакову и научному руководителю Н. Н. Урванцеву предстояло сделать все остальное. «Все остальное» заключалось в том, чтобы составить первую карту Северной Земли. А для этого нужно было: объехать на собачьих упряжках Северную Землю кругом, если же Земля — архипелаг, то и каждый остров в отдельности. Кроме того, изучить животный и растительный мир (если там что-то живет и растет, в чем поначалу участники экспедиции сомневались). Провести геологические изыскания. Выяснить, как ведут себя на Северной Земле ледники (в том, что они там есть — никто не сомневался). Составить климатическую карту. Узнать все про приливы и отливы. На Урванцева, кроме того, возлагались обязанности врача.

Работа полярников не прекращалась ни на минуту, и когда ветер или пурга не давали выйти из домика, к метеоприборам, обвязавшись веревкой, подползали по-пластунски.

Иногда в маршруте приходилось сутками просиживать в занесенной снегом палатке, а потом откапываться самим и откапывать из-под снега собак.

Хотя ездовые собаки служили людям верой и правдой, не всегда и не везде они могли осилить дорогу, и тогда Ушаков и Урванцев, встав на лыжи, прокладывали собакам дорогу.

Однажды, работая на леднике, Урванцев сорвался, упал с многометровой высоты и только по счастливой случайности остался жив, отделавшись легкими царапинами.

Иногда приходилось брести по грудь в воде, чувствуя под ногами раскисший лед. Верные ездовые собаки плыли рядом.

Кстати, за все два года никто не простужался и не болел.

Собаки выбивались из сил, и утром их приходилось на руках подтаскивать к упряжке. Сами путешественники старались тщательно скрыть усталость: ездовые собаки чутко реагируют на настроение людей.

А когда и тем и другим приходилось особенно худо, Урванцев осипшим голосом запевал всегда одну и ту же песню: «Никто пути пройденного от нас не отберет...» — и, самое удивительное, песня бодрила не только людей, но и собак.

Примерно в таких условиях было пройдено пять тысяч километров. Была составлена точная карта Северной Земли. Выяснено, что это не один большой остров, а группа островов. Даны названия всем открытым островам, проливам, фиордам, мысам, рекам, ледникам, бухтам, заливам.

Послесловие пятое. Несколько высказываний о северо-земельской экспедиции:

«Перед наукой предстал целый новый мир: обширная островная страна, площадью 37

тысяч квадратных километров. Открытие и изучение Северной Земли — яркая страница в истории географических исследований».

«По трудности выполнения эта экспедиция может быть поставлена в один ряд с наиболее прославленными полярными экспедициями Амундсена, Пири, Стефансона. По существу, это была последняя экспедиция эпохи великих полярных открытий».

Послесловие шестое. За выдающийся научный подвиг Н. Н. Урванцев был награжден орденом Ленина. Ему была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Американские ученые избрали его действительным членом Американского географического общества.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, НО НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Сейчас Николаю Николаевичу Урванцеву 81 год. Он — профессор Всесоюзного научно-исследовательского института геологии Арктики. То, что все его знают и любят — говорить не приходится. Вот только один факт.

Десять лет назад, когда профессору шел уже восьмой десяток, вертолет, на котором он летел консультировать молодых геологов, сделал вынужденную посадку. Семидесятилетний профессор вскинул на плечи рюкзак и пешком пошел по дремучей тайге к лагерю геологов. Пришел, а те перекочевали на другое место. Вздыхнул Николай Николаевич, прошел по тайге еще добрые полсотни километров и все же догнал партию.

А теперь скажите: могут ли молодые геологи не любить такого своего профессора?

Послесловие седьмое. В день своего семидесятилетия Н. Н. Урванцев был награжден вторым орденом Ленина, а Геологическое общество СССР присудило старейшему полярному исследователю высшую свою награду — Большую Золотую Медаль.

МАШИНО ЛЕТО

РАССКАЗ

П. Васильев
Рисунки В. Куприянова

Бабушкин дом стоял на вершине холма. Дальше холм круто обрывался, и дом стоял, будто на трамплине. Прямо под обрывом синело озеро. Берега его были изрезаны бухтами, и все оно густо закидано мелкими островами.

— Ух ты! — восхищенно воскликнула Маша осматриваясь. — Вот это обзор! Будто с самолета!

Оставив дверь приоткрытой, вслед за бабушкой Маша прошла в избу. Здесь было прохладно и свежо, будто только что вымыли полы. И почти так же светло, как и на улице. На полу расстелены пестренькие половички, на подоконниках в глиняных горшках стояли цветы, а на стенке между окон в одной большой раме висело много-много фотографий. Были и новые, и совсем старые, выцветшие и пожелтевшие. Маша сразу же узнала на них папу и маму, а потом нашла и себя, совсем маленькую, еще в пеленочках.

Бабушка уже гремела возле печи чугунами.

— Ну вот, сейчас поедим и ступай себе на все четыре стороны, — сказала она Маше. — Гуляй. А я на ферму побегу. Как там мои коровушки, соскучились без меня небось?

Пока бабушка приготавливала обед, Маша пошла на озеро.

Через сырой запаутиненный ольшаник она вышла к воде. Берег здесь был ровный, пологий и твердый, усыпанный светлым песочком. А вода — такой прозрачной, что видны отдельные камушки и темные бороздки, которые проделали в песке ракушки-беззубки.

Метрах в двадцати правее по берегу Маша увидела самодельный причал. На досках лежали двое мальчишек. Возле причала, подвешенная на бечевке, вялилась рыба. И сами мальчишки были тощими и вялыми. Загорелые до черноты. Волосы белые, а носы шелушатся.

— Сюда можно встать? — спросила Маша, поднимаясь на причал. — Доска не сломается? Мальчишки даже не шелохнулись.

— Вы здешние?

И тогда один из мальчишек, что побольше, ухмыльнувшись, встал, обошел вокруг Маши и нырнул в воду.

Он не появлялся долго-долго и вынырнул совсем не в том месте, где ожидала его увидеть Маша.

— Гринька, подожди! — позвал меньший приятеля. Но тот остановился, лишь оказавшись достаточно далеко, по плечи высунулся из воды и громко крикнул:

— Эй, Федька, видел? Откуда это такая?

— Не знаю. Наверно, бабка Алена привезла. Ну и метла, ха-ха!

— Сам ты метла! — крикнула Маша.

Она вернулась к тому месту, где вышла к озеру, разделась и, осторожно ступая, вошла в воду. Шла до тех пор, пока вода не достигла подбородка. Тогда Маша поплыла вдоль берега.

Когда она вылезла из воды, мальчишки лежали на досках причала, отвернувшись от нее.

Маша взяла платье и стала одеваться, но запуталась, руки не пролезали в рукава. Рукава у платья были завязаны.

Маша очень разозлилась: узлы были затянуты туго, да еще намочены, у нее ничего не получалось.

Тогда Маша встала и пошла к мальчишкам. Те разом притихли. Она шла, небрежно помахивая платьем. Лицо ее было строгим и решительным.

Федька нервно облизнул губы. Гринька наклонил голову.

— Развяжите, пожалуйста, — попросила Маша и протянула платье.

— Гм... — растерянно произнес Гринька. Он

покраснел, взял у нее платье и стал развязывать узлы.

— Чего так затягивал-то? — укоризненно шепнул он Федьке.

— Ты зубами, зубами!

— Сам попробуй! Затянул как не знаю что!

Но вот, наконец, он все-таки управился и отдал Маше платье.

— Сенкью! — сказала Маша. — Спасибо по-английски.

И пошла от причала.

Маша шла вдоль поля, рукой раскачивая колосья. И когда она оглядывалась, колосья кивали ей, будто кланялись.

За двором рос густой куст бузины. Ветки распластались во все стороны, легли на землю.

Раздвинув ветки, Маша заглянула под куст и замерла. В метре над землей, зацепившись за обломленный сук, висел большой светлый шар. По нему ползали осы.

Маша сразу же догадалась, что это осиное гнездо, хоть и видела впервые. Она наклонилась к шару и, оступившись, чуть качнула ветку. Раздался такой звук, будто на горячую сковороду бросили кусок жира.

— Кыш! — попыталась отмахнуться она. И в то же мгновение оса ужалила ее в щеку.

Маша завывала от страха и боли. Ломая ветки, ринулась из куста и, ничего не видя перед собой, бросилась к озеру. Ей казалось, что весь рой гонится за ней. И только очутившись возле воды, остановилась.

Щека опухла. Кожа натянулась и отвердела. На месте глаза осталась лишь узкая щелочка.

Бабушка нисколько не удивилась, увидев Машу.

— Ничего, это полезно, — сказала бабушка. — Ядом лечат многие болезни.

Они сели обедать. И тотчас же тут как тут появился кот Бутик. Прыгнул на скамейку и пристроился рядом с Машей.

— Бутик есть хочет, — сказала Маша.

— Нет, — возразила бабушка. — Я его знаю.

Но Маша не поверила и положила Бутику на край скамейки кусочек мяса. Однако Бутик его даже не понюхал.

— Он только парное молоко лакает, — сказала бабушка. — До фермы почти километр, а дорогу туда знает, как на печку. Не кот, академик!

После обеда бабушка и Маша пошли на ферму. Шли полем по извилистой дорожке, которая то поднималась на пригорок, то сбегала в ложбинку. И все время был виден бабушкин дом на холме. За полем синел лес. От леса через поле шагали столбы электропередачи. Они шагали к низкому и длинному зданию с узкими окошками под самой крышей. Это и была ферма.

Лишь только бабушка и Маша подошли к зданию, откуда-то сразу же понабежали женщины в белых халатах. Улыбаясь, приветливо смотрели на Машу.

— Моя такая, самая младшая, — сказала бабушка, став чуть в сторону и дав полюбоваться Машей.

— В кого же она, в отца или мать? — спросила одна из женщин. — На кого больше похожа?

— Не знаю, — сказала бабушка.

— А большущая! Тебя скоро перерастет.

— Теперь быстро растут. Будто их кто за уши тянет.

— Акселерация, — вставила Маша.

— Ну ладно, акселерация, стоять-то некогда. Пойдем-ка телят поить, — сказала бабушка.

В двух ведрах сделали мучную болтушку и понесли ведра в загон. Телята чуть не сбили Машу с ног, так лезли к ведру.

— Куда вы, большелобые! — ругала их бабушка и легонько шлепала по спинам.

Напившись, телята вроде бы еще чего-то ждали от Маши, стояли, смотрели на нее. Дышали громко. Один из них лизнул Маше руку. Язык был шершавый. Маше стало щекотно, она засмеялась.

— Ты ему корочку хлеба дай, — сказала бабушка. — Когда обедать будешь, не выбрасывай корочки-то.

Маша дала теленку корочку. Тот будто сдунул ее с руки. И просил еще, твердым лбом толкая Машу.

До вечера она пробыла на ферме. Когда вместе с бабушкой возвращалась домой, солнце уже сместилось за озеро и низко висело над водой. От этого вода стала красной, а лес и кусты потемнели. Окна в бабушкином доме тоже стали красными, будто в избе горел свет.

Вдалеке появились два всадника. Они мчались через поле к дороге. Лошади, вытянув шеи, стлались по воздуху, словно не касаясь земли. Тропа глушила дробный цокот копыт.

Всадники приближались. Лошади разом перемахнули через узкую проселочную дорогу и понеслись вниз, к озеру. И в то же мгновение Маша узнала Гриньку и Федьку.

— Куда они?

— На водопой коней повели.

И Маша позавидовала мальчишкам.

Когда она утром проснулась, бабушки уже не было дома. Позавтракав, Маша тоже пошла на ферму.

Хотя солнце еще стояло высоко, в тени под густыми кустами возле дороги еще таилась прохлада. Трава там была мягкой и влажной.

На ферме, кроме колхозного бригадира, никого не оказалось, все ушли в поле. Бригадир ходил около телеги, смазывал колеса дегтем.

Недалеко от телеги, привязанная к изгороди, стояла лошадь. Она ела траву и одним глазом посматривала на Машу.

— А вы что собираетесь делать? — спросила Маша у бригадира.

— Клевер с поля возить.

— Можно и я с вами?

— Давай, — согласился бригадир. — Это дело хорошее. Гринька с Федькой только что уехали, давай и ты помоги.

— А можно я потом лошадей на водопой поведу? — решившись, попросила Маша.

— Можно, конечно... Только сначала возьми скребок да почисти Буланку. Не бойся, она не

тронет. Скребком води сверху вниз, сильно не нажимай.

Буланке, наверное, нравилось, что ее чистят. Она стояла смирно, даже перестала жевать, только вздыхала да прядала ушами.

Клеверное поле находилось в километре от фермы. Пришлось дважды переезжать узенький, похожий на канаву ручеек. Вода в нем была коричневая. Над водой носились синие стрекозы.

У ручья им повстречались мальчишки. Они шли позади воза. Бригадир свернул Буланку в травостой, уступая дорогу.

— Возле сарая свалите клевер! — крикнул он мальчишкам.

— Знаем, — по-взрослому ответили мальчишки, хмуро глянув на Машу. И она показала им язык.

Пока бригадир навивал воз, Маша держала Буланку. Та беспрерывно кивала тяжелой головой, хлестала себя длинным хвостом, отбиваясь от назойливых мух и оводов.

— Ну, довезешь одна? — спросил бригадир Машу.

— Свезу! — обрадовалась Маша.

— Попробуй, — предложил бригадир. Он специально навил воз поменьше.

Маша вела Буланку под уздцы и сначала была так напряжена, будто ей с закрытыми глазами надо было пройти по жердочке. Буланка шла быстро, легко везла маленький воз, иногда Маше приходилось почти бежать.

Но когда переезжали через ручей, Буланка шагнула чуть в сторону. Телега, выбившись из колеи, угрожающе наклонилась, и Маша испуганно шарахнулась в сторону.

А когда оглянулась, то увидела, что ничего не произошло, — Буланка стояла и ждала ее.

И Маше стало стыдно. Она подбежала, торопливо дернула за вожжи. И Буланка пошла, но как-то странно, боком. Дуга наклонилась, упала Буланке на уши, оглобли расплозились в стороны.

— Тпру! — крикнула Маша.

Лошадь остановилась, а телега еще продолжала катиться, и хомут сполз Буланке на голову.

Маша попыталась сдвинуть хомут, но ничего не получилось.

Буланка потянулась к траве, хомут совсем сполз. Маша испугалась, как бы лошадь не задохнулась, запутавшись в веревках, и приподняла Буланке голову. Лошадь фыркнула, и Маше показалось, что она уже задыхается.

— Помогите! — закричала Маша. — Помогите!

Первым к ней подбежал Гринька.

— Чего орешь? Что случилось?

— Вот, — показала Маша на лошадь.

— Хомут рассупонился, — сказал Гринька.

Пока он засупонивал хомут, Федька подтянул чересседельник.

— Битте, — сказал Гринька, передавая Маше вожжи. — Ты останься, помоги ей, — велел он Федьке.

Маша шла позади воза, спрятавшись от Федьки. Не доходя до фермы, свернула напрямик и через жито побежала к своему дому. Она была благодарна Федьке, что тот за всю дорогу не сказал ей ни слова.

Два дня Маша не ходила к озеру. Ей не хотелось встречаться с мальчишками.

Она решила обследовать окрестности, полями дошла до березовой рощи, редкой и очень светлой. Дальше она шла наугад, пока не выбралась к речушке, крутые берега которой поросли черемухой. По воде возле навала камней бродили мальчишки. Вся одежда на них была мокрой. Они вроде бы что-то искали, шарили под камнями, щупали под корягами.

«Что это они там делают?» — заинтересовалась Маша.

— Кажется, есть, — сказал Федька. И лег на камень.

— Не торопись, — предупредил Гринька.

— Есть! — пристраиваясь поудобнее, сказал Федька. Вода захлестывала ему лицо. — По... Помогите!..

Маша по крутому спуску с шумом скатилась к воде. Мальчишки оглянулись. Федька однако сразу же снова плюхнулся в воду. Пошарил под камнем и, встав, сказал с досадой:

— Упустил.

— Что вы здесь делаете?

— Не видишь, что ли? Рыбу ловим.

— Как, руками? — удивилась Маша. — И что-нибудь поймали?

Ничего не говоря, Гринька подошел к берегу и поднял кулан, на котором сидели три толстобрюхих налима.

— Ой, какие большие!

— Попробуй сама, — предложил Гринька.

Маша вошла в воду. Ногой потыкала в нору. Она хотела вытащить хоть одного такого налима. Почему-то это казалось очень важным. Необыкновенно важным.

— Ты потише там, — сказал Гринька. — Проверь. Если вода в норе холодная, значит, рыбы нет. И лезть туда нечего.

Но Маше всюду вода казалась одинаковой. И она шла и шла вперед и добралась до поворота реки.

— Ты потише, не беги, — повторил Гринька.

— А я не бегу.

Маша хотела сказать, что рыбы-то нет. Но вдруг в норе кто-то шевельнулся. Она резко отдернула руку. Наклонилась, заглядывая в нору. Но ничего не было видно. Она пошевелила в норе прутиком. Потом осторожно засунула руку. Подождала. Вода показалась ей очень теплой. Еще продвинула руку. А сердце колотилось часто-часто. Маша закусил губу, ждала: вот сейчас, сейчас... Рука коснулась стенки норы, ткнулась в гнилую корягу. В норе никого не было. «Ушел», — огорченно подумала она и сунула палец в какую-то узкую щель.

Она взвизгнула не столько от боли, сколько

от страха. Одним прыжком вымахнула на берег. Большой темный рак, оторвавшись от ее руки, гулко шлепнулся в воду.

Мальчишки бросились к ней.

— Что? Чего ты?

— Кусается! — глядя перепуганными глазами, сказала Маша.

— Подумаешь, рак схватил...

И они снова побрели неторопливо против течения. Так, будто к ногам у них было привязано что-то тяжелое.

Мальчишки наконец озябли. Они вылезли на берег, легли на траву.

— Ну как, больно? — спросил Гринька у Маши.

— Нет. Страшно.

— Ничего, привыкнешь.

— Нет, ничего у меня не получается! Ничего! — призналась Маша. — Ничего-ничегошеньки я не умею делать!

— Получится, — сказал Гринька. — Вот Федька тоже не умел налимов ловить, а выучился. Стараться надо.

Полдня Маша ходила сама не своя, нигде не могла найти себе места. Такое состояние бывает, когда ждешь поезда. Кажется, оставил что-то дома, куда-то надо бежать.

Неожиданно она догадалась. Надо поймать налима. Поймать — и все!

Маша очень торопилась, почти бежала. Пробравшись через березовую рощу, она оказалась на крутом берегу, в том месте, где утром встретила мальчишек. Сейчас здесь было пустынно и тихо. От кустов на воду падала тень, и вода казалась темной, глубокой. Оголенные корни черемух торчали из земли, как скрюченные пальцы.

Она глянула на воду и остановилась. Когда шла сюда, ей казалось все так просто: вот сейчас войдет в воду и будет шарить под камнями, пока не поймает налима. Но теперь оробела. «Пойду обратно», — подумала она, но твердо знала, что уже не сможет этого сделать.

Маша ступила в воду. Ее колотил озноб. Кладучись, не дыша, она подошла к камню. Наклонилась, закрыла глаза. Ей казалось, что как только она сунет руку в нору, сразу же кто-то схватит ее.

Но все-таки залезла рукой под камень, пошарила там, — пусто. И Маша легко выдохнула.

Она шарилась под камнями до тех пор, пока не замерзла, пальцы перестали слушаться. Налима не поймала, но ей было хорошо, весело. Выбравшись на берег, Маша легла в траву, закрыла глаза. Она лежала и чувствовала, как вместе с нею кружится земля.

Наступили жаркие, по-настоящему летние дни. Маша с утра до ночи вместе с мальчишками пропадала на озере. Она похудела, потемнела от загара, и бабушка называла ее «корочкой».

Маша теперь просто не представляла, как бы она смогла обойтись без новых друзей хотя бы день. Проснувшись, сразу же бежала к озеру. Мальчишки уже ждали ее. Когда бы Маша ни пришла, они уже были здесь. В двенадцать часов — Гринька безошибочно определял время по солнцу — мальчишки ходили обедать, и она тоже шла домой.

Так было и на этот раз.

Возвращаясь с озера, Маша увидела бабушку. Та торопливо шла к дому. Маша окликну-

ла ее, но бабушка только мельком взглянула, даже не приостановилась.

— Некогда, некогда!

Войдя в избу, бабушка стала поспешно собираться.

— Сенокосная пора, Манька! А в лугах сено не убрано. Даже нас, доярок, попросили помочь. Пойди-ка и ты с нами.

Бабушка налила бидон квасу, отдала его Маше, а сама завязала еду в белый платок, надела легкие кожаные сандалии, взяла грабли для себя и для Маши, и они пошли к ферме.

Возле фермы им повстречалась повозка. Возница чуть придержал лошадь. Маша и бабушка сели в телегу, и колеса весело затарахтели по дороге. Телегу трясло, подкидывало на ухабах, дребезжала тонкая ручка на бидоне. Потом возница свернул в поле, и колеса покатылись сразу же мягко, почти бесшумно, стебельки конского щавеля легко стегнули Машу метелками по голым коленям.

На лугу, куда они приехали, было многолюдно. Торопливо сновали женщины с граблями.

— О, никак и Манька к нам? — воскликнула одна из них. — Ну, теперь дело будет! В первый раз, наверное, на сенокосе?

— В первый раз.

— Надо повалить ее в сене!

Женщина легко подняла Машу и швырнула в мягкую копну. Маша взвизгнула, проворно вскочила.

— Ух ты, какая шустрая! — воскликнула женщина.

— Ну, Манька, дремать некогда! — добродушно улыбаясь, сказала бабушка. — Бери скорее грабли да иди подгребай сено.

И бабушка показала, что и как надо делать.

Но у бабушки грабли чуть касались земли, а у Маши вцеплялись всеми зубьями, выдирая дерн.

— Ты легче, легче держи грабли, на весу, — учила бабушка.

Все на лугу работали в едином ритме. И этот ритм захватил Машу. Она перестала думать о том, получается у нее или нет, просто хотелось сделать как можно больше, и стало легко.

День был знойный. Над холмами струилось синее марево, как будто там раскачивали спущенный с неба прозрачный занавес. Возле пересохшей канавы тряпками повисли листья увядшего лопуха. Под ними, опустив голову, широко раскрыв клюв и уронив крылья, сидела ворона.

Маше хотелось пить. Но в бидоне ничего не осталось.

Ее окликнули. Она оглянулась и увидела мальчишек. Они возили сено.

— Надо бы, ребята, колеса в озере намочить, совсем рассохлись, — сказал бригадир, который тоже был на лугу. — Или хотя бы коней напоить. Ведите-ка их, искупайте. Только быстро, в три минуты туда и обратно, пока мы везы навиваем.

Мальчишки распрягли лошадей, сели верхом.

— Возьмите и меня, я очень пить хочу! — попросила Маша.

— Давай! — сказал бригадир, подхватил ее под руки и посадил позади Гриньки. — Ну, держись!

Маше показалось, что она очутилась на уровне второго этажа. Она судорожно вцепилась в Гриньку.

— Ох-хо-хо! — выгнувшись, закричал Гринька.

— Ты чего?

— Щекотно! Не хватай так!

Маша так боялась, что сначала, кроме стриженного Гринькиного затылка, ничего не видела.

Около озера, почувствовав воду, лошадь заржала, пошла быстрее. Тропка здесь круто спускалась вниз.

— Держись! Держись! — закричал Гринька.

Но было уже поздно. Маша соскользнула по лошадиной спине. И поняла, что произошло, лишь когда очутилась в воде, верхом на Гриньке.

— А! Ты нарочно, да? Ты нарочно? — выкарабкиваясь, сердито закричал Гринька.

— А ты сам что?

— Держаться надо было!

— Так ты и держался бы!

Лошади пили долго. Напившись, шумно вздыхали, с мягких губ их падали капли. Ребята тоже напились. Маша ополоснула лицо. Она подумала, что хорошо бы сейчас искупаться, но Гринька уже выводил лошадей из воды.

Где-то очень далеко, будто на самом краю земли, глухо пророкотал гром.

Когда Маша поднялась на косогор, над озером нависла тяжелая темная туча. Озеро внизу было тоже темным, мрачным. Все кругом притихло, присмирело, будто притаилось, ожидая чего-то.

Не оглядываясь, Маша побежала на луг. А позади уже грохотал гром.

На лугу женщины складывали в копны сено. Маша схватила грабли.

— Давай, внученька, сбивай сено! — крикнула бабушка. — Сейчас дождь пойдет!

Маше не хотелось отставать от взрослых. Мокрые волосы падали ей на глаза, но некогда было их поправлять.

Туча все наползала, она закрыла солнце, и слышно стало, как шумит приближающийся дождь.

— Ах, Манька, у нас с тобой окна в избе не заперты, как бы ветром все стекла не выбило! — вспомнила бабушка. — Беги скорее, закрой! Может, успеешь!

Маша мчалась изо всех сил. Она была уже возле проселочной дороги, когда ахнул гром. От испуга Маша присела. Сверкнула молния. Она зависла над пригорком, как белая лента, мигнула, и опять так трахнуло, что воздух ударил в лицо.

Тяжелые крупные дождинки стукнули Машу по плечам, отпечатались темными точками на пыльной дороге. И Маша увидела, как синяя стена ливня покатила навстречу. Ее накрыло дождем. Она еще никогда не видела такой страшной грозы.

Еще издали Маша заметила, что над крышей фермы поднимается дым. Кто это там в такое время топит печь? Но дым валил уж очень густо и почему-то из-под застрехи. Пожар?

Маша бросилась к ферме. Ведь там телята.

Добежала до дверей, рванула их. Заперты! Маша изо всей силы дергала железную скобу, но дверь не поддавалась.

«Где-то должны быть люди...» — Она поспешно осмотрела двор и увидела кусок рельса, проволокой прицепленный к перекладине. Схватила палку и ударила в рельс. Тот загудел гулко, тревожно. А Маша колотила и колотила в него. Нет, никто не придет, не услышат ее. Сгорят телята!

Но из-за кустов выскочили мальчишки. Гринька подsunул под запертую дверь лом, они втроем навалились на него.

— Дружнее! И раз! Еще раз! — командовал Гринька. — Сильнее! Еще раз! — У Маши даже в глазах потемнело.

Дверь хрястнула, отворилась. Мальчишки, а за ними и Маша вбежали в помещение. Телята громко мычали.

Маша подбежала к узкому загончику, открыла его. Она стала выталкивать телят, пихала их, хлопала по спинам.

— Идите, идите! — звала и просила Маша. — Идите же!

Телята упирались. Большими испуганными глазами смотрели на Машу. А огонь уже бежал по деревянным балкам, длинные языки пламени лизали стропила.

— Идите, идите! — кричала Маша. Она громко всхлипывала, — телята не слушались ее.

Рядом с Машей упала дымящаяся доска. Один теленок побежал в противоположную от дверей сторону. Маша хотела его догнать, но сильная рука цепко схватила ее за плечо.

— Куда! Назад! — крикнул Маше бригадир. — Дуй отсюда!

Маша выбежала на улицу.

...Минут через двадцать пожар погасили. Когда все уже было кончено, Маша заметила, что дождь прекратился.

Взрослые умывались, переговаривались между собой.

— Ох, чуть было все мои коровушки не сгорели. Все мои милушки! Надо же так случиться, молния-то угодила прямо в кровлю! — причитала бабушка.

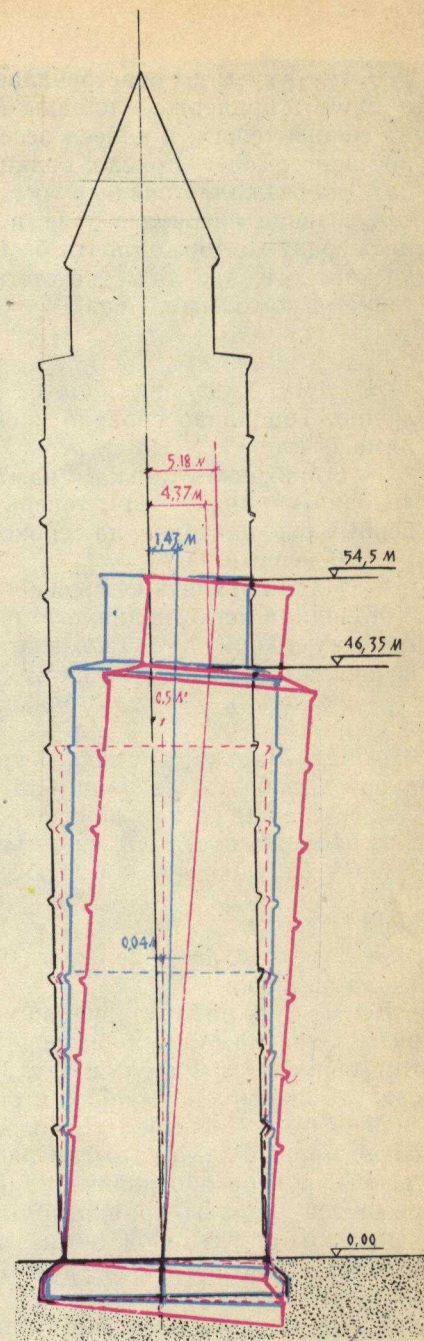
— Да кто первый все заметил? Кто в рельс колотил? — поинтересовался бригадир.

— Вот они, — указал кто-то на мальчишек.

Мальчишки переглянулись, Гринька сказал:

— Не мы. Она.

— Мы все вместе, — возразила Маша. — Все вместе, точно!

- 1063 г. (проект).
- 1173 г.
- 1275 г.
- 1350 г.
- 1973 г.

Чтобы увидеть знаменитую башню, которая падает более семисот лет, в итальянский город Пизу съезжаются туристы из Европы, Америки и даже Новой Зеландии. Но если инженеры не удержат Пизанскую башню, она вот-вот рухнет. Башню (по-итальянски — кампаниллу — колокольню)

УДЕРЖИТЕ

ПАДАЮЩУЮ БАШНЮ!

строили почти сто семьдесят лет, начиная с 1173 года. И уже во время строительства линия ее центра тяжести отклонилась от вертикали на 1,47 м., и башню оставили недостроенной. Теперь же эта линия отклоняется на 5,18 м. С каждым годом наклон башни увеличивается.

Правительство Италии при-

звало всех ученых и инженеров мира спасти знаменитую башню. Объявлен конкурс на лучший проект. По условиям конкурса башню выпрямлять нельзя, тогда пропадет весь интерес к ней, она должна замереть в наклонном положении на века. В конкурсе участвуют и советские инженеры.

Хотите участвовать в кон-

курсе — создавайте свои проекты. Быть может, именно ваш проект спасет Пизанскую и другие падающие башни.

Считайте, чертите, придумывайте — ждем ваши проекты. Лучшие будем печатать.

Все необходимые размеры вы найдете на чертеже.

Оформление
Ю. Клыкова

СПОРТ НАИЗНАНКУ

Рисунки Н. Муратова

1. Мальчишка в стране Небоскребии жил. По имени Джим, по фамилии Хилл. Однажды прочел он в журнале призыв:

2. «Все золото мира — медали, призы ты можешь добыть, если будешь спортсменом —

3. ГРОССАРХИСВЕРХУЛЬТРАНАИСУПЕРМЕНОМ!

4. А чтобы вступить во владение призами, ты выдержать должен в спортколледж экзамен».

5. В неожиданное счастье поверить легко ли — немедленно Джим отправляется в колледж.

6. Экзамен на скорость. Дорожка в грязи, при этом, по ней — не беги, а ползи. Под хохот и крики ползи для потехи, ободренным носом толкая орехи.

7. А рядом на ярко-зеленой траве — турнир по хождению на голове. Здесь ёрзает каждый на собст-

венном лбу к далекому финишному столбу.

8. Еще состязанье. Студенты на старте! В одну телефонную будку в азарте набилось не менее ста человек. Не менее ста, видно, будет калек.

9. Экзамен на силу. Привозят рояли. Студентам большие кувалды раздали. Заглохли последние в мусоре ноты... С оценками судьи взметнули блокноты.

10. С мечтой о медалях прощается Джим и сам предлагает себе:

— Убежим!

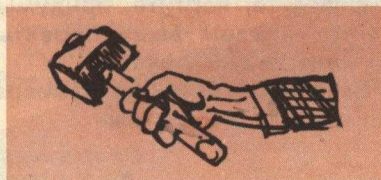
Быть может, нам скажут, что все это сказки, что вот, мол, для смеху сгустили мы краски, что так не бывает... На это в ответ вот ФАКТЫ из самых солидных газет:

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕЛЕГРАФНЫХ АГЕНСТВ

...Телевизионная передача велась в последние четверть часа рекордно-го сидения под душем Петра Шелла. Всего этот тридцатилетний житель Мюнхена просидел непрерывно под струями воды 168 часов...

...Самым популярным соревнованием в американском штате Техас в 1969 году оставалось скоростное уничтожение старых пианино. Хотя диаметр контрольного отверстия, через которое полагается пропустить обломки, несколько уменьшен, братьям Стайлзам из Остина удалось на пару сокрушить инструмент в течение 14 минут...

...На ежегодном конкурсе пианистов, играющих пальцами ног в Саутерн-Бич (Флорида), первое место присуждено Реду Уинстону. Победитель был вне конкуренции как по исполнению этюдов Шопена, так и по оригинальности собственного сочинения — сонаты „Педикюр“.

...Тойво Хяркинен, рекордсмен по бегу на четвереньках, получил Большой приз филладельфийского „Клуба оптимистов“ за победу в трехмильной круговой гонке с новым высшим достижением — 3 часа 11 минут.

*

...Абсолютный рекорд в поедании устриц, как по скорости, так и по количеству проглоченных без перерыва, установил конторский служащий из Сиднея (Австралия) Элфред Рейнбот. За 24 минуты ему удалось расправиться с 322 моллюсками...

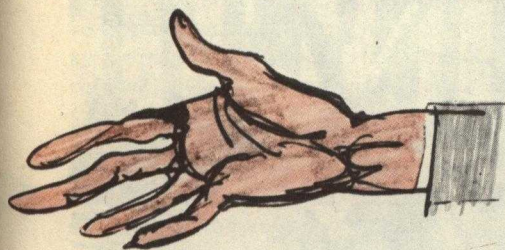
*

...Неправдоподобным может показаться сообщение о падении «рекорда столетия» — достижения студентов из Кентукки. В начале года они сумели втиснуть в комнату площадью 30 кв. метров 225 человек. Однако их коллеги из Буффало превзошли этот рекорд на 8 человек...

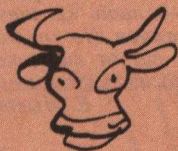
...Объявлено, что мировой рекорд безостановочного говорения [24 часа 17 минут] испанского монаха Фульхенсио Дюмона из города Гренады признан недействительным, так как при его установлении Дюмон пил пиво.

...Лауреатом ежегодного конкурса Европейской Федерации «Рыцари желудка» провозглашен 22-летний грек Костадимас, проглотивший за час 421 метр макарон...

...Неожиданной была победа 13-летнего школьника Уолтера Рэббита на состязаниях, организованных журналом «Форум». 14 дней не вынимал Уолтер изо рта жевательную резинку. Его последний соперник был дисквалифицирован уже на одиннадцатый день за недостаточно энергичные движения челюстями.

Конкурс живых манекенов в в миланском универмаге „Орландо“ выиграл Баттисто Сеньи, простоявший в витрине 131,5 часа...

...Студенты Калифорнийского университета вновь вернули себе командный рекорд по астронавт-ходу. Шестерка калифорнийцев продержала головы в стиральной работающей машине общим счетом 3 часа 18 минут. Однако индивидуальный рекорд по-прежнему принадлежит Стину Липперсу из Орегона — 50 минут 40,1 секунды...

...Около трех тысяч зрителей наблюдали за состязаниями плакальщиц в Филадельфии, когда разразился скандал: фаворитка чемпионата Энита О'Дэй была на исходе второго часа уличена в мошенничестве — ее носовой платок был пропитан луком...

...Двадцатилетний лондонский студент-химик Том Хили стал рекордсменом в пожимании рук. За 9 часов 16 минут он пожал 9002 руки. Прежний рекорд (9001 рука за 10 часов 9 минут) принадлежал также англичанину.

...Почти на полторы минуты превысил мировое достижение Питер ван Бургер из Блумфонтейна (ЮАР). Всего 8 минут 50,8 секунды понадобилось ему, чтобы проползти сто ярдов, толкая перед собой носом земляной орех.

Материал подготовил Ю. Михайлов

Раздел ведет писатель Н. Сладков

БЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

У забора, среди бурого щавеля и жухлой крапивы, нарвал я букет сорняка-чертополоха — бледно-лиловые шары на крепких колючих стеблях. А листья будто нарочно кто вырезал: каждый — как нож с открытыми лезвиями, и все косо торчат: врешь, не возьмешь!

Поставил я чертополох в банку и люблюсь. Красиво! Через несколько дней мой чертополох переменялся, потерял лиловое, почернел. Цветы его стали похожи на кувшинчики. Из одного такого кувшинчика полезли вдруг во все стороны лохматые белые звезды, нежные и скользкие на ощупь. К вечеру звезд этих повылезало целое созвездие! А сколько еще внутри упаковано!

Звезды держатся друг за дружку и чуть покачиваются над кувшинчиком высокой белой шапкой. Провел я рукой около, и звезды зашевелились, будто обрадовались, заторопились куда-то.

Догадался я, чего им надо. Вынес банку на крыльцо и поставил там. А ветер только того и ждал: как выскочит из-за угла!.. И полетели белые звезды по всему саду и дальше, к соседу моему Ивану Ивановичу, который сорняков терпеть не может. Увидит где — бежит с тяпкой и лопатой.

Летят белые звезды — через переулочек, через улицу, в неведомые края, к незнакомым людям. Кто увидит белые звезды, кто им порадует, кто их глазами проводит — тот мой незнакомый друг. До него, значит, долетела моя весточка.

А. Крестинский

из „КРАСНОЙ КНИГИ“

ДЖЕЙРАН

Давным-давно большие стада стройных джейранов бродили по степям и пустыням Восточного Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Водились они и в Монголии, и в Китае.

Животное это неприхотливо — была бы вода и корм — трава да кустарники. Случалось, пресной воды нет — джейран обходился некоторое время без питья или утолял жажду водой соленой.

Охота на джейрана была широко распространена всюду, где они встречались. Мясо их — вкусное, шкура добротная, рога самцов, похожие на лиру, красивые. Осенью и зимой животные, кочевавшие в теплое время в одиночку или несколькими парами, сбивались в крупные стада. Добыча охотнику тут была обеспечена.

Неудивительно, что джейраны оказались почти что истребленными. Тогда и спохватились: занесли их в „Красную книгу“, а охоту запретили.

Мера эта вскоре помогла. В одном только Азербайджане за десять с лишним лет снова появилось много красивых быстрых животных.

На снимке джейран кажется совсем мирным и спокойным животным, а его рога — лишь красивым украшением. Но в момент схватки самцов это «украшение» становится грозным оружием. А вот от хищника джейрана спасут только его быстрые ноги.

Е. Лысов, В. Левин

На Чукотке сейчас почти круглые сутки греет большое теплое солнце. А на берегу нежатся моржи. Эту фотографию сделал чукотский школьник восьмиклассник Сергей Сив-Сив.

Ю Л А

Когда я был маленький, очень любил ходить за ягодами. Однажды отстал от ребят и возвращался домой один. Тихий вечер затуманил перелески. В нагретом за день воздухе летали стрекозы. Я побежал за одной стрекозкой, свернул с дорожки в густую траву и тут неожиданно вспугнул маленькую птичку — юлу.

Серенькая, похожая на жаворонка, птичка отпорхнула на несколько шагов, ушибленно заломила крылья и упала, точно мертвая. Я бросился к ней и накрыл фуражкой. До сих пор помню: большие испуганные глаза, полуоткрытый клюв и частое-частое дыхание. «Больная», — решил я.

Когда я снова вышел на дорожку, то увидел свою опрокинутую корзинку и рассыпанные ягоды. Наклонился собрать ягоды и осторожно положил птичку в карман. Но едва лишь это сделал, юла, будто скользкая рыбка, шмыгнула прочь и здоровехонько, без признаков хвори, полетела. Изумленный, я только ахнул.

А причину такого странного поведения юлы понял уже много позднее. Птичка была спугнута с гнезда. Спасая свой дом с птенцами, она притворилась больной и, привлекая опасность к себе, упала в траву в стороне от гнезда. Надо думать, какой я был страшный в глазах этой отважной защитницы своего семейства! Как же она любила детей, если, спасая гнездо, притворилась подбитой и отдалась в руки врагу!

Л. Фомин

Оформление В. Прошкина

РАССКАЗЫВАЕТ ЮРИСТ

Природу охраняет закон

Раньше человек с природой боролся. Он видел зверя, и первая его мысль была: «Как бы этого зверя убить!» И он хватался за лук, топор или копье. Люди дожидались сухого жаркого времени и поджигали леса. После пожара на месте тысячелетнего бора можно было сеять хлеб.

Человек был слаб и дрался с природой, не щадя ее, он защищал свою жизнь и жизнь своих детей.

Люди считали, что любого земного богатства — зверей и птиц, воды, леса и травы — хватит на вечные времена.

И однажды оказалось, что леса на земле осталось мало, а в некоторых странах его и вовсе не стало. Да и других природных богатств на нашей планете не так-то уж много, и если их не беречь, то они быстро могут иссякнуть, кончиться.

Сегодня, если бы люди захотели, то в несколько дней они могли бы поубивать всех львов или белых медведей, или вычерпать всю рыбу из какого-нибудь моря, или уничтожить весь лес на земле — такая могучая техника теперь у людей.

Но человек без природы жить не сможет. Он без нее погибнет. Ведь он дышит земным воздухом, пьет воду земли, питается земной пищей. Даже в космос люди берут с собой частицу земной природы.

Землю нередко сравнивают с большим космическим кораблем. А человечество — с командой этого корабля. Что ты скажешь о космонавтах,

которые изо всех сил разрушают свой корабль?

Сегодня могучий человек должен природу оберегать.

Если он видит зверя, первая его мысль должна быть такая: «Как бы этого зверя сберечь для всех нас и для будущих людей». Если он видит дерево — он должен не набрасываться на него с топором, а стараться сохранить этому дереву жизнь. Ведь все на земле связано. Например, не будет деревьев — высохнут реки. А высохнут реки — кто будет поить города?

Если ты видишь, что начинается пожар в лесу, немедленно сообщай в правление колхоза, в пожарную охрану.

Если ты видишь человека, ломающего для забавы дерево — останови его.

Если ты видишь браконьера, стреляющего в птицу или в зверя — пристыди его, спаси от него природу.

Природа — она твоя и моя, она наша общая. Тот, кто грабит ее — грабит тебя, меня и будущих людей.

А на грабителей всегда существуют законы.

Первый советский декрет об охране лесов подписал Владимир Ильич Ленин в 1918 году.

Сегодня природу охраняет закон, принятый Верховным Советом СССР, и он строго наказывает тех, кто ее грабит.

Т. Кирюхина, юрист

СОСЕД БОРОВКОВ, ГОШКА И ПИРАТ

РАССКАЗ

Н. Максименко

Рисунок А. Аземши

Годы уходят, жизнь проходит, а собаки все нет и нет. И главное, мама совсем не против и папа не против. Против сосед Боровков. Боровков развешивает по всей квартире плакаты — «Не позволю содержание животных в коммунальной квартире!»

Один такой плакат он повесил на кухне над столом, а второй — в коридоре прямо против Гошкиной двери.

Мама сколько раз пыталась его уговорить, но на такого, как Боровков, убеждение не действует.

Папа сказал:

— Я думаю, если мы поживем еще годик с таким соседом, то нам и собаки не надо, мы сами лаять будем.

— Ну, это все-таки не то, — возразил Гошка. — Я хочу настоящую, понимаешь, настоящую живую собаку.

И надо же было так случиться, что Вовка из соседнего двора и Гошка нашли ее так просто на улице. И это была — ну честное слово! — самая лучшая на свете такса.

Когда Гошка увидел ее, и такса вразвалочку пошла навстречу Гошке, смотря на него так, словно они только что встретились после долгой разлуки, Гошка сразу понял: это как раз то.

— Как ее назвать? — спросил Гошка.

— Я думаю, — ответил Вовка, — нужно что-нибудь морское. Может быть, Юнга?

— Пират! — громко сказал Гошка.

Такса вздрогнула и завиляла хвостом. Может, случайно Гошка угадал ее прежнее имя?

Вовка ушел, а Гошка решил поместить Пирата во дворе, в сарае.

Но как подготовить маму? Этого он решительно не знал.

Они сидели с Пиратом в холодном темном сарае, прижавшись друг к другу, и каждый думал о своем.

«Нет, — думал Гошка, — надо пойти и все рассказать маме. — Или я, или сосед! И пусть папа заставит Боровкова, а не то... не то мы пойдем по улице куда глаза глядят, и будем так идти и идти...»

...И они так шли и шли. Шли, даже не зная куда. Их толкали люди, но они не обращали на это никакого внимания. Не обратили внимания и на то, что толпа стала редеть, а потом и вовсе никого не стало.

Они прошли улицу, потом еще другую и вышли на площадь, на которой Гошка бывал, наверно, раз сто, только за площадью теперь был большой сквер. Трава в сквере высокая и зеленая, совсем как в поле. И потом сейчас уже начало ноября, а трава здесь, как летом.

«Что за чудо», — подумал Гошка, оглянулся и увидел, что никакой площади уже нет и улиц тоже никаких нет, а впереди и сзади одна высокая трава.

И тут Гошка чуть не наступил на змею. Он подпрыгнул от страха метра на два от земли и услышал позади себя голос, хотя прекрасно знал, что, кроме него и Пирата, никого здесь нет.

— Напрасно ты боишься, она не кусается.

Гошка понял, что это говорит Пират, да так и взвился в воздух от удивления. Тогда Пират тоже подпрыгнул и повис рядом с Гошкой.

— Можно полетать, — сказал он.

Развернув широко руки, Гошка взмахнул ими, как крыльями. Внизу, как море, колыхалась высокая трава, вдали возвышались круглые холмы, а еще дальше, на горизонте, виднелся в тумане город. Это было совсем не то что смотреть сверху из окна дома, или там с балкона, или хоть с чертова колеса. Совсем, совсем не то.

Гошка спланировал вниз и полетел рядом с Пиратом.

— Скажи мне, — спросил Гошка, — другие собаки тоже могут разговаривать?

— Все могут.

— А другие звери?..

— Ну, конечно! Все звери, и травы, и деревья.

Они опустились на холм.

День кончался. Закат окрасил все небо в розовый цвет. Ни одного облака не было на нем, ни одного самолета, ни одного вертолета. Только бабочки — желтые, синие и красные.

А потом вдруг розовый свет потух, как будто его погасили, и бабочки все улетели, — они всегда ложатся спать вместе с солнцем, — но зато появились большие зеленые стрекозы, и весь воздух наполнился шуршанием их крыльев, и от стрекоз все небо стало бирюзовым.

Выплыла огромная луна.
Гошка и Пират сидели рядом, прижавшись друг к другу, и Пират лизал Гошку в лицо...

И тут Гошка увидел, что они уже сидят не на холме, а по-прежнему в углу сарая, на старом мешке. Пахло бензином и масляной краской, и со двора раздавались звуки радио...
Гошка поднимался к себе на четвертый этаж.

Под полой его пальто повизгивал Пират. Гошка нажал на звонок. Открыл Боровков.

Гошка вынул из-под пальто Пирата и опустил его на пол, и Пират вразвалочку пошел в квартиру. В коридоре показалась мама и закричала:

— Какой хороший! И ходит вразвалку, как пират. Вот о таком щенке я мечтала всю жизнь. И сосед Боровков, громко ворча, удалился в свою комнату, хлопнув дверью.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

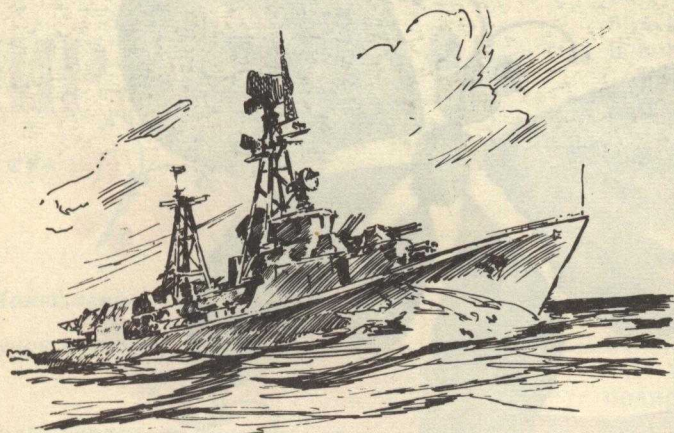
Выходит
под редакцией
контрадмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

К бою готов!

Мягко переваливаясь с борта на борт, мчится корабль-ракетоносец. Пенят воду мощные винты. Гребни волн взлетают выше борта. На тугом ветру поплещется военно-морской флаг Советского Союза... Море пустынно — ни корабля на горизонте, ни дымка.

В акустической рубке ракетноносца полутемно: так лучше видны показания светящихся приборов. Операторы слушают. Вот в наушниках знакомый шум: это винты самого ракетноносца, шум привычный. А вот это — либо косяк большой рыбы, либо помехи... А это что? Замелькали стрелки приборов! Операторы прижали наушники ладонями, докладывают: «Слышим неизвестные шумы! Шумы движутся по курсу!»

У командира ракетноносца прямая связь с акустической, миг ему стало известно: акустики слышат шум винтов подводной лодки... И вот уже по всему кораблю

гремят колокола громкого боя: «Тревога! Боевая тревога!»

Разбегаются по своим постам — к механизмам, орудиям, пусковым установкам — матросы. Торпедисты в шлемах, похожие на летчиков, застывают у торпедных аппаратов.

— Корабль к бою готов! — докладывают командиру.

Акустики слушают: подводная лодка маневрирует! Увеличивает ход! Хочет оторваться от ракетноносца! Координаты... Расстояние...

Теперь командир решает:

— Залп!

Противолодочные установки словно вспыхивают мгновенным огнем. Рой ракет — глубинных бомб — описывает дугу и взметает столб воды. Гигантский фонтан поднимается и оседает на поверхности моря...

Конечно, это всего лишь учения. Подводная лодка — условный противник, а бомбы — без глубинных зарядов. Но если бы это был настоящий враг, он не ушел бы...

— Отбой!

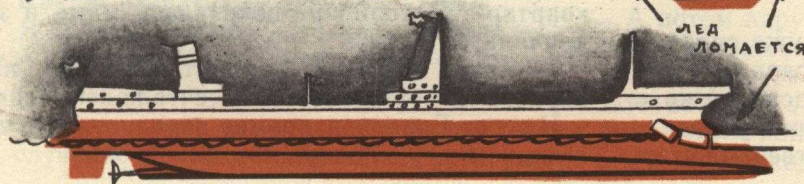
Ракетоносец продолжает поход.

В. Левант,
рисунки автора

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ВИД КОРАБЛЯ СБОКУ

ВИД СПЕРЕДИ

ЛЕД
ЛОМАЕТСЯ

Как действует ледокол? С разгону налезает на лед и ломает его тяжестью своего корпуса. Конструкторы решили: а если не сверху ледокол на лед загонять, а снизу, под лед.

Лед снизу взламывать легче, он в воде мягче, податливый. Форма корпуса у корабля, конечно, будет необычная.

В разрезе посмотреть: не корабль, а пузатая чернильница!

ТОВАРИЩА ВЫРУЧАЙ...

(Рассказывает
капитан 1-го ранга в отставке
Леонид Емельянович Родичев)

— Было это в 1941 году на Балтике. В Ирбенском проливе во время боя с фашистскими самолетами был поврежден наш эсминец «Страшный». Он накренился на один борт и потерял ход. Я командовал эсминцем «Свирепый» и находился неподалеку. Мы подошли к «Страшному» и прикрыли его огнем своих пушек. Отбились от самолетов и стали отходить. Шли от берега на расстоянии четырех миль. Вдруг рядом с эсминцами поднялись всплески разрывов... В чем дело? Оказывается, фашистские тяжелые орудия с берега ударили по нашим эсминцам. Наблюдатели «Сви-

репого» засекли в кустах вспышки выстрелов и передали данные башенным артиллеристам эсминца. Началась дуэль корабля с береговыми орудиями. Пушки врага были замаскированы, а наши корабли — как на ладони. К тому же «Свирепый» не мог отойти и оставить «Страшного».

Все ближе и ближе к кораблям разрывы... Но и наши снаряды рвутся рядом с фашистскими пушками. Кто кого? Наши дальномерщики приникли к приборам. Залп! Еще залп! И вот я в бинокль увидел: полетели в воздух обломки фашистских пушек!

Есть на флоте заповедь: «Сам погибай, но товарища выручай!» Это и к людям, и к кораблям относится... Вот так и эсминец «Свирепый» выручил «Страшного».

Рассказ записали ленинградские юнкора
Юра Поляков, Владик Федоров и Володя Куликов

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«ЦУСИМА» Слава Крупна, 14 лет,
г. Каменск-Уральский Свердловской обл.

ДИПЛОМ ПИНГВИНА

За лучшие рисунки и гравюры жюри решило наградить Дипломом **«ГОЛУБОЙ ПИНГВИН»**: Аделу Планас (Республика Куба), Вову Ильина (Прииртышский зерносовхоз), Толю Савина (Иркутск). Диплом **«ЖЕЛТЫЙ ПИНГВИН»**: Галю Самохвалову (Свердловск), Павлика Бурлакова (Тюмень), Нину Вальчук (Елабуга), Лену Зуеву (Мурманск)

БДИТЕЛЬНОСТЬ В ПОХОДЕ

Наш отряд «Товарищ» проводил летний поход по Оке. Неподалеку от поселка Серебряные Пруды мы узнали от деревенских ребят, что на реке балуют браконьеры. Решили выслать патрули. В 12.30 получили записку от командира патруля.

Выслали помощь — четыре человека. В 14.30 браконьеры были задержаны. Отряд от правления местного совхоза получил благодарность — за бдительность!

Командир отряда А. Кудриков,
г. Новомосковск Тульской области

SOS Срочно
Браконьеры
подлизости
ловят сетями
рыбу. Не спускаем с них глаз
Ждем помощи!

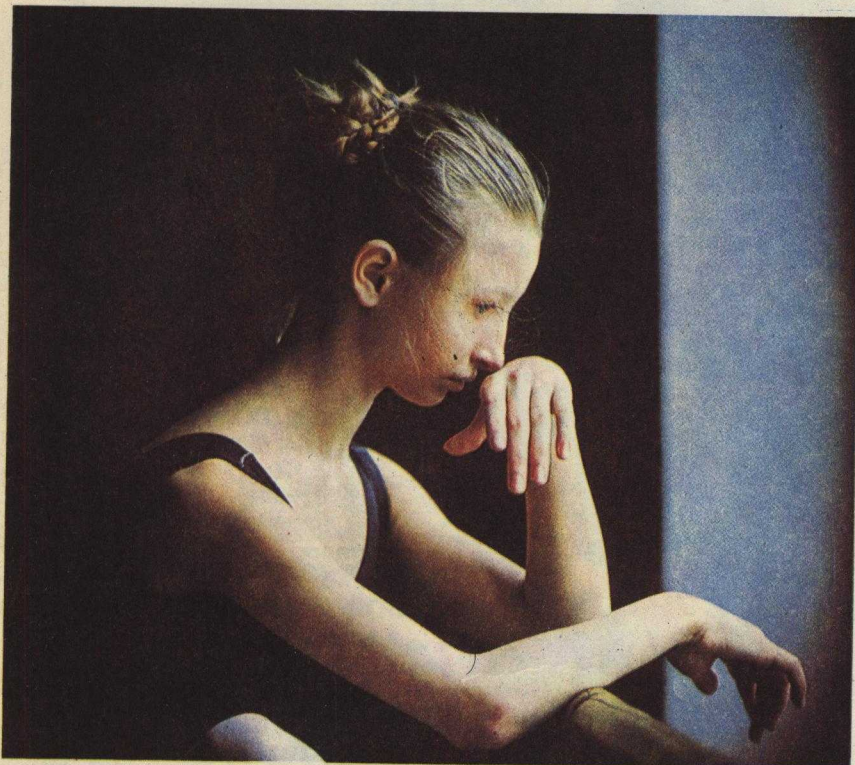
Записка командира
патруля

ПИОНЕРСКИЕ СУДА

Сошли со стапелей новые теплоходы, названные именами пионеров, юных партизан: «Яша Гордиенко», «Хендрик Куйвас», «Валя Куракина». В разных морях они будут плавать, и на Балтике, и на Черном море. И где люди их ни увидят — они вспомнят о Яше, герое одесского подполья, о Хендрике, который сражался с фашистами в истребительном батальоне, о Вале, маленькой партизанской санитарке, героически погибшей в могилевских лесах...

В "БАРАБАН" ПРИШЛО ПИСЬМО

На письмо Светы Щелудковой (смотри стр. 24)
отвечает В. С. Костровицкая,
старший преподаватель
Ленинградского хореографического училища,
заслуженный деятель искусств БССР

Ленинградское хореографическое училище

Милая Светлана! Во многих городах нашей страны существуют специальные Хореографические училища, которые готовят артистов балета. Ты живешь в Курганской области, и ближе всего к тебе находится город Пермь, где есть замечательное училище с интернатом для тех, кто приезжает из области и других городов.

Поступить в училище можно, если у тебя совершенно здоровое сердце, легкие и зрение; правильные, с точки зрения балета, фигура и ноги. Все это определяют врачи и педагоги-специалисты.

Ты немного опоздала поступать, так как учишься уже в шестом классе. Но для опоздавших, если они способны к танцам, могут сделать исключение: зачислить в класс с шестилетним обучением. Кроме того, в училище есть Народное отделение, куда принимают ребят твоего возраста и где учиться надо всего пять лет.

Каждый год в конце мая в училищах бывает первый медицинский осмотр и отбор поступающих. В конце августа «художественный» осмотр и окончательный прием учеников. Напиши в Пермь по адресу: Коммунистическая, 8. Пермское Хореографическое училище. Заведующему учебной частью. Попроси, чтоб тебе ответили, в каких числах мая будет прием. Постарайся «мирным путем» согласовать с мамой условия поездки. С собою надо взять табель успеваемости. С плохими оценками не принимают.

И последнее: заниматься в Хореографическом училище очень трудно. Кроме общеобразовательных предметов, здесь ежедневно по несколько часов занимаются классическим и народно-характерным танцами, а в средних и старших классах прибавляются уроки актерского мастерства, дуэтного танца, репетиции, лекции по истории музыки, театра, скульптуры, живописи... Кроме того, ученики выступают в балетных спектаклях внутри и вне школы, что называется производственной практикой.

Если кто-нибудь думает, что учиться танцевать — веселое и легкое занятие, он глубоко ошибается. Желаю тебе осуществления мечты.

Фото Ю. Колтуна

Конь на обложке „Уголька“
Он прискакал издалека,
Но не устал ничуть.
Он на обложке отдохнет,
Травы поест, воды попьет,
Отсюда — снова в путь.
Пора в обратный путь!

— А куда?
— А тут написано. Рассмотрй внимательно стихотворение и найдешь название города.

8

УГОЛЕК

№ 7

Рисунки Т. Капустиной-Хонен

ЗАГАДКИ

А. Шабеев

Вот мой портрет.
А вот я сам.
Портрет совсем
живой:

я сам
и я, который там,—
начнем головой;
я показал себе (ему)
язык,
и в тот же миг
я (то есть он)
мне самому
свой показал язык.

Зеркало

Бьется
с пламенем
змея:
из рта —
воды струя!
Пожарный рукав

Рисунки О. Зуева

4

День за днем идет кино
на экране этом.
Солнца, зелени полно
на экране летом.
А зимой — синее лед,
снег летит, играя.
Фильм идет, идет, идет
без конца и края...

Онио

Шевельнул бородкой
гном —
и вошел хозяин в дом!

Плюх

5

ШУТКА

А. Шибеев

— Когда-то я был с ним на короткой ноге. Но однажды он (с левой ноги встал, что ли?..) полез ко мне драться. Я — со всех ног домой! Еле ноги унес!.. Зато теперь к нему ни ногой. Ноги моей больше у него не будет!

Рисунок А. Орлова

ТОП-ТОП-ТОП

А. Мили

Шли по дороге
Веселые ноги:
Топ! Топ! Топ!

Шли по дороге
Усталые ноги:
Топ. Топ. Топ.

Веселые ноги — Анни,
Усталые ноги —
Няни.
Топ, топ, топ.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

А. Шибеев

Всполошился ночью двор,
Слышен громкий разговор,
— Это что ТаКО-КО-КО-е? —
Никакого поКО-КО-я!
— ЗаГА-ГА-дка.
— Не пойМУ-У,
Что за МУ-У-зыка?
К чеМУ-У?
— Кто там БЕ-Е-сится?
— Не сме-Е-йте!
— ПрекРРРратите ГАМ! ГАМ! ГАМ!
... Но не спится, хоть убейте,
Двум котам-озорникам.

Рисунок Т. Васильевой

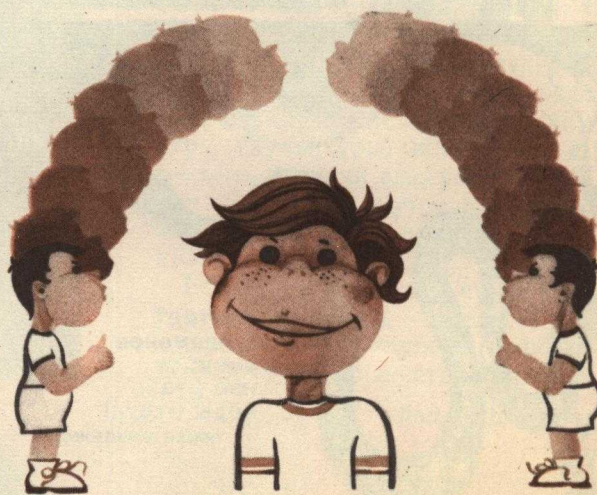
* * *

— Да, ведет он себя из рук вон плохо. Надо бы взять его в руки. И дать ему по рукам. Чтобы знал — рукам воли не давай! И тогда — даю руку на отсечение — он сразу перестанет распускать руки!

* * *

— Спору нет — горячая голова! Но уж если мы с ним сошлись на свою голову, то теперь отвечаем за его поведение головой. Я еще не знаю, что мы должны сделать в первую голову (у меня голова идет кругом), но думаю, что голову вешать не стоит. Ручаюсь головой, что все вместе мы всегда сумеем намылить ему голову!

Рисунки И. Шерешевской

ИДЕТ ТУРНИР!

Итак, последний — седьмой тур отборочного этапа.

Задание шахматистам — два этюда.

А. Белые: Кра1, Лf6, п. h6; черные: Крс1, Лd2. Выигрыш.

Б. Белые: Крh4, Ла3; черные: Крb2, Се5, пп. g2, h5. Ничья.

Задание шашкистам — две концовки Сергея Ковалева (Южно-Сахалинск), в которых нужно найти пути к победе.

А. Белые: а5, с3, е3, е5, g5, h6; черные: а7, с5, с7, е7, f8, h8.

Б. Белые: b4, с3, с5, d2, е1, е3, f2, g1, g3; черные а7, с7, d6, е5, е7, g5, g7, h4, h6.

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Отбор лучших закончен! Впереди — сражения в финале, впереди — спортивные разряды, дипломы, призы... Каждый доблестный рыцарь, претендующий на то, чтобы быть допущенным в финал (для чего надо иметь 40 очков), должен через три дня после отправки рапорта № 7 послать (не в письме, а на открытке) свой «Листок учета». В нем нужно проставить очки за туры 1—5 по данным из Бюро самопроверки и за туры 6,7 по собственным предположениям, а также указать класс и спортивный разряд.

Всем допущенным шахмат-адмирал Ферзьбери вышлет новый пароль, без которого рапорты по финалу рассматриваться не будут.

МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

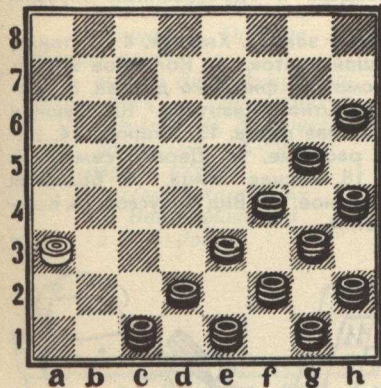
Проиграв пять партий, Топтыгин сгреб шашки.

— Хватит, Косой! Сегодня я не в настроении. Вот вчера был в настроении — всех обыграл!

— А-а-а... Знаю, знаю...

— Ничего не знаешь. Лучше смотри, как было.

— Вижу, вижу... Твой, понятно, черные?

— Не угадал: черными Волк играл. Тут его ход был, и он сдался. Здорово? Хоть соображаешь почему?

— Как-нибудь! А что за Волк с тобой играл?

— А такой... серый... и с хвостом...

— Тогда ясно! Ты, Топтыгин, всегда — как выигрываешь, так неизвестно у кого.

— Не веришь? Мне? Я ведь, Косой, и пришибить могу!

— Верю, верю... Но если здесь Волка был ход, то как ты перед этим пошел? Покажи!

— Я? А я вот так... Да, вот так: b2—a3.

— Ах, b2—a3? Но как же тогда перед тем Волк ходил? Почему он не побил дамой с1 твою шашку?

Медведь пыхтел-пыхтел, а показать этого не смог...

Такое положение (автор В. Кузнецов, Пермь) и впрямь выглядит невозможным. Но все же получиться оно могло (конечно, при плохих ходах). Переставьте шашку a3 на a1, шашку g5 на f8, а на g7 добавьте белую дамку. И представьте, будто противники играли так — 1... h6—g5 2. a1—b2 f8:h6 3. b2—a3. Вот и все!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Идет турнир! Шахматы — А.

1. Крh6! а6 (1... b6 2. Фа3+, или 1... Кра6 2. b4) 2. Кр:h7. Б. Выигрыш есть! 1. Лe1+ Лb1 2. Лc1! Шашки — А. 1. dc5! 2. е5 3. d6X. Б. 1. f4! е3 2. g5! h4 3. b4X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Са7+! Кто? Кто? Кто? № 1. 1. Фg1! № 2. 1. Сс1! h6 2. Лd2!

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

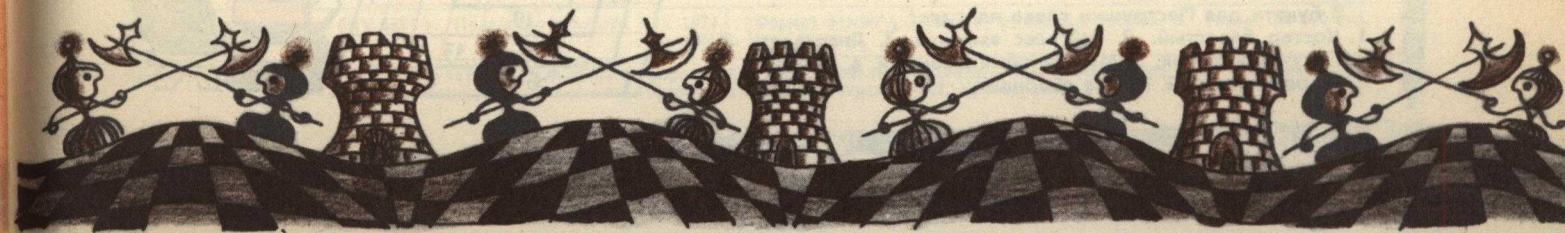
Сегодня ты должен продемонстрировать свое искусство в атаке. Расставь фигуры — белые: Крг1, Фg5, Лf1, пп. f2, f5, g2, h2; черные: Крг8, Фе8, Лf8, Сс6, пп. f7, g7, h7. У черных лишний слон, но зато другие их силы стоят очень пассивно и не успевают оказать помощь своему королю, которому белые объявляют мат в три хода. Покажи-ка этот мат!

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты (на открытках!) до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

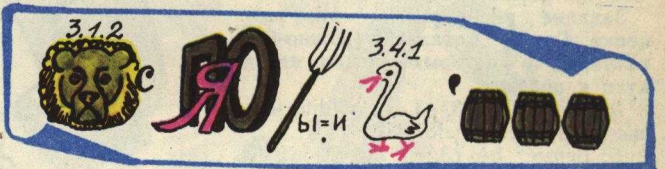
О РЕБУСАХ ПОЙДЕТ СЕГОДНЯ РЕЧЬ

Составил
и оформил
В. Уфлянд

RES по-латыни означает «вещь».
А REBUS от «вещей» падеж творительный.
Он требует ума работы длительной.
Многие читатели спрашивают: как разгадывать ребусы. Наиболее полную историю и теорию головоломок, именуемых ребусами, вы можете найти в книге В. АКЕНТЬЕВА «Со второго взгляда», Лениздат 1969 г. Там вы узнаете, что «РЕБУС» в буквальном переводе означает «вещами», то есть — письмо вещами, рисунками. Звездочет Хуссейн берет на себя труд разъяснить основные знаки и правила ребусного письма.

А это письмо прислали Демьяша и Сиволапыч Гному-Гастроному:

На что Гном-Гастроном прислал им письмо из двух частей:

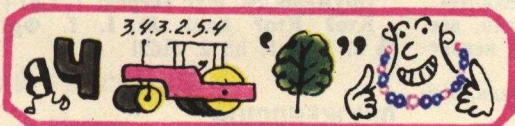
**БУРЯМГЛОУНЕБОКРОЕТВИХРИСНЕЖНЫЕКРУТА
ТОКАКЗВЕРЬОНАЗАВОЕТ
ТОЗАПЛАЧЕТКАКДИТЯТОПОКРОВЛЕОБВЕТШАЛО**

6.15.20.12.29 13.62.23.24.54.23.55.45, 74.77.78.5.29.54.45,
13.87.74.88.77.20.86.45, 10.39.44.43.41.50.54.45 7.8.5 —
18.20.31.39.5.20, 74.75.24.13.7.20.54.45, 8.1.27.39 —
44.69.70.45 10.39 5.39.24.60.53 20 24.5.11.87.88.54.45
24 73.72.68.11.7.45.10.13 74.75.68.27.48.44.43.47.47.29.5
60.2.14.13.5. 25.39 40.20.60.56.6.15.48.5.5 24.19.26 —
27.20.21. 6.15.20.12.13.19. 68.79.81. 6.8.7.8.19.40.20.
7.2.14.48 69 87.85.24.86.45 24.86.90.89.90.84.29.21
60.56.27.26.14 5.50.24.60.48.

1. Запятые в начале или в конце рисунка означают исключение из названия изображенного предмета соответствующего числа первых или последних букв.
2. Перечернутая буква исключается из названия.
3. Перечернутая или неперечернутая буква, приравненная к другой, означает замену буквы.
4. Цифры над рисунком означают порядок, в котором следует расставить буквы названия.
5. Перевернутый рисунок означает, что название надо читать наоборот.
6. Взаимное расположение букв и изображений требует особого внимания.

Для тренировки разгадайте такой ребус:

Он читается: В от Ч т. о. т. а. к. о — ере-бусы — «Вот что такое ребусы».

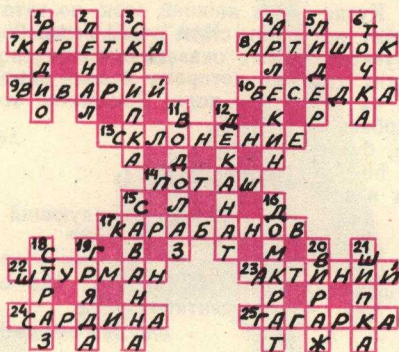

Скорее всего, это уже не ребус — решили друзья. Это шифровка и ключ к ней. Призвав на помощь Хуссейна, они прочли послание Гнома, хотя им пришлось немало попотеть.

А Гном-Гастроном в это время, сидя на лавочке, бесечно разгадывал чайнворд, присланный Людой Вихолайнен из г. Петрозаводска и адресованный друзьям природы:

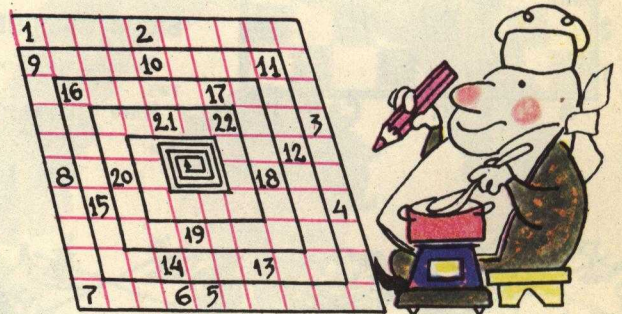
1. Род оленя. 2. Полевой знак. 3. Хищник. 4. Растение, имеющее самый большой цветок. 5. Копытное животное. 6. Птица. 7. Плод смоквы, фигового дерева. 8. Разновидность зайца. 9. Копытное животное. 10. Пушной зверек. 11. Птица. 12. Лесная птица. 13. Хищник. 14. Насекомое. 15. Болотное растение. 16. Дерево семейства бобовых. 17. Хищник. 18. Лесная птица. 19. Болотная птица. 20. Сумчатое животное. 21. Вид попугаев. 22. Комнатное цветочное растение.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 6.

Так выглядит решенный кроссворд Юрия Шмелева.

- В букете для Пеструшки слева направо:
1. Костер безостый. 2. Райграсс высокий. 3. Лисохвост.
4. Пахучий колосок. 5. Мятлик обыкновенный. 6. Белоус.
7. Пырей ползучий. 8. Ежа сборная.

Рисунки М. Беломлинского

— Теорема верна! Клянусь честью!

— Ах, мэтр, — галантно ответил граф, — почему же вы не сказали так с самого начала? Ведь я никогда бы себе не позволил сомневаться в честном слове столь уважаемого человека. Значит, и доказывать эту трудную теорему незначит.

ДОСТАТОЧНО КЛЯТВЫ...

Известный французский математик Коши долго, но безуспешно объяснял молодому весьма благовоспитанному графу сечение конуса. Юноша смущенно повторял каждый раз:

— Не понял, мэтр. Опять не понял...

Доведенный до отчаяния, Коши воскликнул:

НЕ ДОЖИДАЯСЬ ОТКАЗА

— Никак не могу найти себе помощника, — пожаловался однажды Эдисон Эйнштейну. — Каждый день заходят молодые люди, но ни один не подходит.

— А как же вы определяете их пригодность? — поинтересовался Эйнштейн.

Эдисон показал ему листок с вопросами.

— Кто на них ответит, тот и станет моим помощником.

«Сколько миль от Нью-Йорка до Чикаго?» — прочел Эйнштейн и ответил: «Нужно заглянуть в железнодорожный справочник». — «Из чего делают нержавеющую сталь?» — «Об этом можно узнать в справочнике по металлосведению...» Пробежав глазами остальные вопросы, Эйнштейн сказал:

— Не дожидаясь отказа, свою кандидатуру снимаю сам.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи наших читателей рисунок Т. Соловьевой	1
Кириши фото Дм. Варушина текст Г. Георге	2
Володины братья повесть Ю. Коринца рисунки С. Острова	4
Зеленая ракета письмо другу-тимуровцу	18
Знакомьтесь — «Ленинградец» литзапись В. Верховского оформление А. Януса	21
Как создали каучук рассказ в картинках В. Воскобойникова и Н. Андреева	23

Барaban журнал юнкоров оформление Г. Ковенчука	24
Рыба рассказ Р. Погодина рисунки Н. Лямина	28
Экспедиция «Вокруг света» игра	36
О человеке, который закрашивал белые пятна очерк Я. Длуголенского рисунки В. Топкова	38
Машино лето рассказ П. Васильева рисунки В. Куприянова	44
Удержите падающую башню оформление Ю. Клыкова	50

Спорт наизнанку заметки Ю. Михайлова рисунки Н. Муратова	52
Зеленые страницы ведет Н. Сладков	54
Сосед Боровков, Гошка и Пират рассказ Н. Максименко рисунок А. Аземши	56
Морская газета Отвечает В. Костровицкая фото Ю. Колтуна	60
Уголёк журнал для малышей	61
Арчбек шахматы, шашки	63
На обложке рисунок И. Казаковой	

Главный редактор С. В. Сахаров

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тереминская (отв. секретарь), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

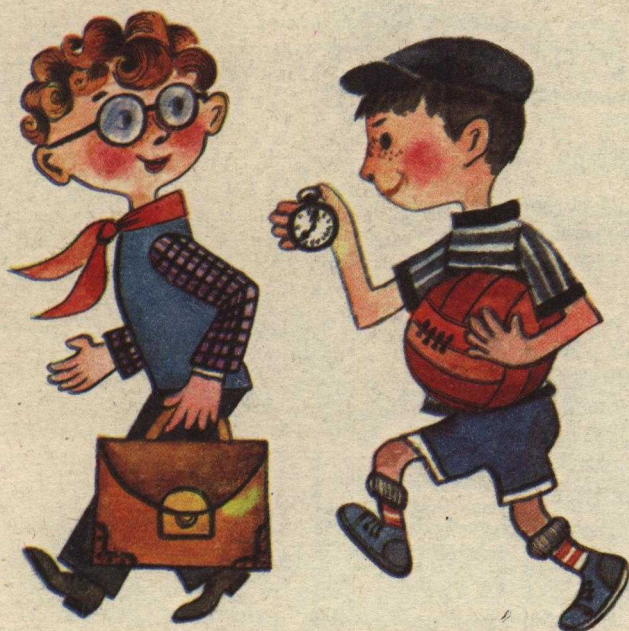
М-28191. Сдано в набор 5/IV 1974 г. Подписано к печати 30/IV 1974 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз. Заказ 2558. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.

надо успеть!

Слова А. Лосева

Музыка В. Плешака

На руке часы сказали: тик-так!
И на стенке в школьном зале: тик-так!
А на башне на вокзале: БИМ-БОМ!
Не удержишь их никак!
«Задержитесь хоть на пару минут!» —
но часы меня не слышат — идут,
но часы не отдыхают, не ждут,
тик-тик-так, тик-так, тик-так — все идут!

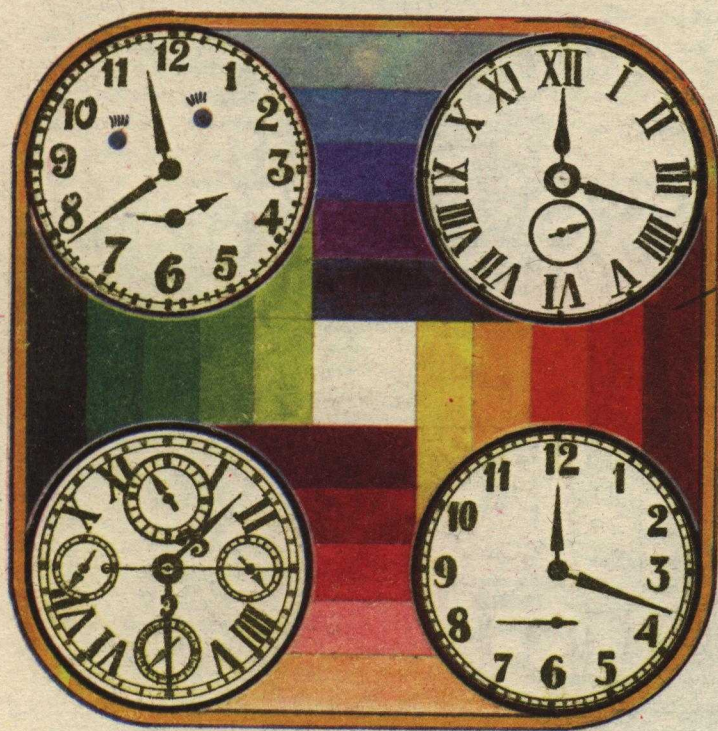
Припев:

А мне надо успеть,
надо всюду мне успеть,
в сорок тысяч разных мест
мне надо в срок успеть!
Нужно в срок успеть
телевизор посмотреть,
почитать и помечтать и даже песню спеть!

Я себе большой будильник завел.
Я его на семь пятнадцать завел.
И будильник разговор свой завел:
тик-тик-так, тик-так, тик-так...
И залихватский звонок мне помог:
на зарядку утром поднял звонок,
на футбол пришел впервые я в срок.
Без часов нельзя никак! Тик-тик-так!

Припев.

Рисунок
Т. Капустиной-Хонен

mf
1. На ру-ке ча-сы ска-за-ли: тик-так! И на стен-ке в школь-ном за-ле: тик-так! А на баш-не на вок-за-ле: БИМ-БОМ! Не у-дер-жи-шь их ни-как!
mp
«За-дер-жи-тесь хоть на па-ру ми-нут!»
но ча-сы ме-ня не слы-шат и-дут, но ча-сы не от-ды-ха-ют, не ждут, тик-тик-так, тик-так, тик-так-все и-дут! А мне на-до у-спеть, на-до всю-ду мне успеть, на у-рок и на ка-ток мне нуж-но в срок у-спеть! Нуж-но в срок у-спеть те-ле-ви-зор по-смо-треть, по-чи-тать и по-ме-чтать и да-же пе-сню спеть!
f Припе-в.
2. Я се-бе спеть!